

*«Земли родной
талант и вдохновение»*

**СБОРНИК ТВОРЧЕСКИХ РАБОТ
IV областного литературного конкурса**

Амурская областная научная библиотека
имени Н. Н. Муравьева-Амурского

Отдел краеведения и редких книг

«Земли родной талант и вдохновенье»

СБОРНИК ТВОРЧЕСКИХ РАБОТ
IV областного литературного конкурса

Благовещенск
2021

ББК 84(2Рос – 4Аму)6
З 528

Земли родной талант и вдохновенье : сборник творческих работ IV областного литературного конкурса / Амур. обл. науч. б-ка им. Н. Н. Муравьёва-Амурского. – Благовещенск, 2021. – 92 с.

Составитель: И. В. Дымова
Ответственный за выпуск: О. С. Праскова
Компьютерная вёрстка и художественное оформление: М. И. Гнускова

В оформлении сборника использованы акварели Николая Левченко.

Сборник содержит творческие работы Четвёртого областного литературного конкурса «Земли родной талант и вдохновенье». В 2021 году конкурс проводился по номинациям «Живём мы на Амуре», «Благословенный город мой (Благовещенск и другие населённые пункты)» в традиционных жанрах «Проза» и «Поэзия».

Произведения победителей конкурса представлены в указанных номинациях и жанрах. В отдельном разделе представлены работы участников областного литературного конкурса «Земли родной талант и вдохновенье – 2021» – победителей прошлых лет. В честь 165-летия города Благовещенска в оформлении сборника использованы акварели Николая Левченко – врача, художника, члена Амурской областной писательской организации Союза писателей России.

Сборник творческих работ Четвёртого областного литературного конкурса «Земли родной талант и вдохновенье» имеет электронную версию, которая размещена на сайте ГБУК «АОНБ им. Н. Н. Муравьёва-Амурского» по адресу: www.libatur.ru в разделах «Ресурсы. Архив изданий», «Литературное Приамурье».

Содержание

От составителя	5
----------------	---

НОМИНАЦИЯ «БЛАГОСЛОВЕННЫЙ ГОРОД МОЙ...»

ПРОЗА	6
Манжорина Н. В. Но мы знакомы с вами. Нет, не по работе... Улица Некрасова	6
Решетникова Т. В. Счастье на века	8
Шляндин В. И. Рассказы	15
Русаева И. Г. Мой город в моей судьбе	19

ПОЭЗИЯ

Шут О. А. Мой дом	22
Абоимов Н. И. Накит	23
Алгاما	23
Данько Ю. Г. Благовещенск	25
На берегу Амура	25

НОМИНАЦИЯ «ЖИВЁМ МЫ НА АМУРЕ»

ПРОЗА	27
Саужин А. А. Кожаный капкан	27
Соболев А. М. Ток	31
«Шулюпка»	33
Губин Н. Г. Рассказы геолога	35
ПОЭЗИЯ	41
Самм И. Д. Девчонкам военной поры	41
Цыкова В. Ф. Был дикий край	43
Край Селемджинский	44
Митрофанова Т. А. В заснеженной Тынде концерт был столичный	45

**ТВОРЧЕСТВО УЧАСТНИКОВ ЧЕТВЁРТОГО ОБЛАСТНОГО
ЛИТЕРАТУРНОГО КОНКУРСА
«ЗЕМЛИ РОДНОЙ ТАЛАНТ И ВДОХНОВЕНЬЕ» –
ПОБЕДИТЕЛЕЙ ПРОШЛЫХ ЛЕТ**

Решетникова Т. В. На вернисаже	47
Похалюк О. А. Выпиваю по капле я август	49
Тимкина М. Е. Это случилось в 53-м	50
Абоимов Н. И. Рассказы	52
Лавринович Т. Я. Шимановск, живи!	55
Соснина Г. И. Соколик	60
Гедз Т. П. Экзамен или Экскурс в прошлое	64
Письмо к Н. В. Гоголю	66

РАБОТЫ, ОТМЕЧЕННЫЕ ЧЛЕНАМИ ЖЮРИ

Росова И. За грибами	71
Адаменко С. В. Об Амуре с любовью	77
Черёмуха	80
Чернова Л. Ф. И некогда нам оглянуться назад	83
Рубан Г. Н. Сторона моя	80
Макарова Т. П. Моё Приамурье	80

От составителя

Областной литературный конкурс «Земли родной талант и вдохновенье» проводится с 2015 года при поддержке Министерства культуры и национальной политики Амурской области, амурских писательских организаций один раз в два года (2017, 2019, 2021). Лучшие прозаические и поэтические конкурсные работы публиковались в главной книге амурских писателей – литературно-художественном альманахе «Приамурье» за 2018 и 2020 год, газете «Благовещенск» за 2015 год. Произведения победителей включены в сборники творческих работ областного литературного конкурса «Земли родной талант и вдохновенье» (2015, 2017, 2019, 2021).

Областной литературный конкурс «Земли родной талант и вдохновенье – 2021» проводился в один этап по номинациям «Благословенный город мой...» (Благовещенск и другие населённые пункты), «Живём мы на Амуре».

Всего в конкурсе приняли участие 60 человек. Наиболее активно заявили о себе авторы из г. Зея – 8 участников, г. Шимановска – 7 участников, г. Свободного – 6 участников, Селемджинского района – 8 участников, Архаринского района – 7 участников, Магдагачинского района – 5 участников. В основном, все они являются представителями литературных творческих объединений.

Наибольшим числом участников – 46 и работ – 95 представлена номинация «Живём мы на Амуре». Номинация «Благословенный город мой...» включает 21 участника и 33 работы.

В соответствии с критериями конкурсного отбора оценку поступивших работ проводили члены Амурской областной писательской организации Союза писателей России – Владислав Лецик, Павел Савинкин, Александр Бобошко, Елена Войтенко; Павел Никиткин – представитель регионального отделения Союза российских писателей.

В сборник включены работы победителей Четвёртого областного литературного конкурса «Земли родной талант и вдохновенье». Это авторы из Мазановского, Селемджинского районов, городов Зея и Шимановск, села Ивановка. В отдельном разделе представлены работы участников областного литературного конкурса «Земли родной талант и вдохновенье – 2021» – победителей прошлых лет. В текстах сохранена орфография и авторский стиль изложения.

В честь 165-летия города Благовещенска в оформлении сборника использованы акварели Николая Левченко – врача, художника, члена Амурской областной писательской организации Союза писателей России.

Электронная версия сборника творческих работ Четвёртого областного литературного конкурса «Земли родной талант и вдохновенье» размещена на сайте ГБУК «АОНБ им. Н. Н. Муравьёва -Амурского» по адресу: www.libatur.ru в разделах «Ресурсы. Архив изданий».

Приятного вам чтения!

*Приглашаем к участию в Пятом областном литературном конкурсе
«Земли родной талант и вдохновенье – 2023».*

Жанр «Проза», 1 место

НАТАЛЬЯ МАНЖОРИНА

Клуб любителей поэзии «Мецца воче», г. Шимановск

**«НО МЫ ЗНАКОМЫ С ВАМИ. НЕТ, НЕ ПО РАБОТЕ...
УЛИЦА НЕКРАСОВА»**

---

*Вещи бывают великими и малыми не
только по воле судьбы и обстоятельств, но
также по понятиям каждого*

Где это было, где это прошло, как это случилось. Очень далеко, далеко от Москвы, далеко от вечерних тусовок и нарядных платьев на красной дорожке, тиражей газет, новостей Кремля. Приамурская земля, край холодных зим, великих походов и освоения дальних границ. Амурский край, великий край.

В древней сибирской рукописи авторы написали: «Мечта – это не то, что уже существует, но и не то, что не может быть. Это как по земле: дороги нет, а пройдут люди – проложат дороги». Дороги к солнцу прокладывали Поярков, Хабаров – предприимчивые и хваткие купцы, плотники, рабочие. И освоили места, сказочно богатые, обжили, построили, полюбили.

*Через несколько десятилетий
Или несколько добрых веков.
Наши дни гонит времени ветер
Стаей злых кучевых облаков.*

Мы живём в суровых климатических условиях, где такое короткое лето, и мы не совсем изящные, а потому не станем писать об изящном и гламурном, а напишем о земном, обыкновённом и прочувствованном.

Небольшой городок Шимановск: рождение (моё) зимой, детство, школа, взросление, обретение своих корней и правил. Жизнь человеческая не выбирает место проживания, родителей, улицу, дом, друзей, родственников.

Всё движется и идёт своим чередом, в ко-

нечном итоге что-то отбрасывая, а что-то оставляя, маня, радуя, убаюкивая и сливаясь со всем твоим обликом навек.

*Припомнишь всё – и детство боевое,
И юности отбушевавшей сны.
Тягучих зим дыханье ледяное,
И робкое объятие весны.*

Мои родители. В 1941 году началась Великая Отечественная война, моей маме, Толстухиной Зое, исполнилось 16 лет, и пошла она работать на почту. Сначала ученицей, а потом и всю жизнь телеграфистом. Почта располагалась в Крестьянском посёлке, на улице Гайдара, где был вход для приёма телеграмм, а со двора улицы Пушкина находился служебный вход для сотрудников. Далее шёл почтовый двор. Мой отец, Манжорин Владимир Спиридонович, служил в роте связи, и жили солдаты-связисты в маленьком доме по улице Некрасова, его окна смотрели на почту. Вот и встретились мои родители на почте и расцвели чувства, перешедшие в любовь. В 1944 году счастливые влюблённые зарегистрировались и в год Победы у них родился летом озорной сыночек с веснушками по имени Александр. Жилья не было, скитались, мучились. Наконец, 17 ноября 1954 года Зоя и Владимир Манжорины с детьми Александром и Наташей въехали по улице Некрасова в дом 39, т.е. тот самый маленький домик, где жили солдаты-связисты. И началась моя жизнь на улице Некрасова.

*Какое все же чудо из чудес,
Что солнце льёт тепло с крутых небес,
Что шелестит листвою юный лес,
И мир наш во Вселенной не исчез!*

Вот на части суши небольшого городка Шимановска я и формировалась. Это был остров Манжоркин. Жизнь – это радость и творчество, чтобы всё это ощутить в полной мере, не важно, врач ты или учитель. Важно жить убедительно просто, чисто и открыто, не лукавя. Какие люди жили на улице Некрасова, творя обыкновенные земные дела, покупая булку хлеба чёрного за 15 копеек, белого – за 20 копеек!

*Конечно, знаю я, что есть места красивей,
Земля прекрасна, как летящая звезда,
Но кто ответит мне, а стану ль я счастливей
Тебя, однажды покидая навсегда.*

На улице Некрасова проживали семьи: Липиных, Василец, Манжориных, Тихоновских, Зубковых, Мелешко, тётя Лида повар детского сада №1, Чещева с нагловатой дочерью Тамарой, располагались: автотранспортное предприятие, которое мы с мальчишками называли «гаражом», артель «Победа», музыкальная школа, «Фотография» с большим окном, магазин «Культовары». Слева, напротив музыкальной школы, была детская библиотека, а до неё там, говорят, было НКВД. В конце 60-х годов этот дом перестроили, улучшили, он стал богатым и просторным, поселились в нём Горбачевские. Существовала контора ОРСа, потом там разместился уценённый магазин, домоуправление. Помню Шарамоновых, Рачук. На том месте, где они жили, построили кинотеатр «Радуга». Открылся он 7 ноября 1968 года, первой картиной стал «Железный поток». Деревянный удлиненный магазин «Продовольственный», «Хлебный», летний киоск «Соки. Воды», «Хозяйственные товары», Лавка Горелкина. Рядом жили Макаренко, Кацуба, Уманец, Пономаревы.

Пономарева Ксения Алексеевна в девичестве была Ксюша Берестенко. На этой улице они жили давно. У деда Берестенко была награда «Георгиевский крест». А времена как в частушке:

*Машина с красными вагонами
Пошла на Соловки.
Зарыдали наши матери –
Поехали сынки.*

«Надо спрятать награду», – решила бабушка Полина Никифоровна, взяла награду, в тряпочку завернула и под черёмухой тёмной ночью закопала. Время шло. За летом пришла осень, черёмуху срубили. Дед умер, дети Антонина, Ксения и Константин выросли. Антонина и Константин уехали в Одессу на Чёрное море. Ксения Алексеевна вышла замуж за Петра Пономарева, а в сорок лет в 1955 году родила дочку Тоню и стала получать письма от брата Константина Алексеевича из Одессы. С приказами: «Крест найти, отрыть и переслать для внука!» Письма шли и шли, место было утеряно. Потом зимой умерла и Ксения Алексеевна. Петр Алексеевич остался один. К его мужскому самолюбию отчаянно зывали из Одессы. Но Одесса не дождалась возвращения столь редкой награды от батюшки царя. Продолжали улицу по стороне Пономаревых, семьи Горелкиных, Гончаренко, Худобиных, Мартыновых, Бородулиных, тётя Оля Астайкина, Бублик Фёдор Романович и Маргарита Михайловна.

*Время, время, далёкие шестидесятые.
Слышу песни негромкие звуки,
Что, дрожа надо мною плывут,
Вот сейчас мамы тёплые руки
Одеяло слегка подтолкнут.*

Мои замечательные мама и папа. Мне ближе был отец, добрый славный и красивый. Отец его отца был настоящий грек, так что папа любил меня звать «греческой феей». Тёплое-тёплое, мягкое, бесконечное лето детства, полное красивых рассветов, шуток и песен Юрия Визбора на радиостанции «Юность».

*Раннее утро прохладное, чистое,
В небе безоблачном синь разливается,
Лишь на востоке над кромкою мгlistою
Светлым пожаром заря занимается.*

Брат Саша учился в Хабаровском железнодорожном институте. Спокойно, на острове Манжоркин, радостно подрастая, но медленно взрослея, жила я. Не хотелось выбираться из детства. Стрелки часов бегут-бегут, тают снежинки и звенит «Оранжевая песня». Ах, время!

1967 год. На месте сельмага возник магазин «Юбилейный» со светящейся вывеской и вкусным печеньем «Популярное». В то же время магазин «Культовары» поменял своё местонахождение и в этом доме стали жить

семья Василец, а их дом купили Баимовы, у которых было трое детей – Саша, Костя и Аня. Хозяйка этой интересной семьи тётя Надя Баимова, не работала, была угрюмой, скандальной брюнеткой и всегда орала на дочь, сыновей и мужа. Нормально, спокойно «домоуправша» разговаривать не умела и всегда угрожала всем: «Я тебе покажу девятый угол». Меня она терпеть не могла, и когда Наденька Худобина разбила палкой у них окно на веранде, она с утра прибежала к нам со своим «девятым углом».

Да, жизнь-альбом, человек-карандаш. Рисунки в альбоме обретали чёткие очертания фотографий любимых актёров, тексты популярных песен. Баимовы не прижились и вскоре уехали.

Папа всё болел, Саша учился, а почта перебралась на центральную площадь города. Звучала радиостанция «Юность» с песнями, а я такая нескладная, маленькая, в общем «гадкий утенок». Когда школа была закончена, образовалась пустота. Антонина и Таня были рядом, но они уже искали свой избранный круг.

*Но уж не лето, и темнеет раньше
прежнего,
И чуть свежее ветерок ночной порой,
А по утрам туман ложится тяжким
бременем
На зелень луга, опьянённого зарёй.*

Сияли звёзды, стояла берёза под окном, остров Манжоркин погружался в непонятную грусть от чего-то несостоявшегося и явно неосуществленного.

В августе 1975 года умер мой отец. Не стало магазина «Вечный зов», «Юбилейный» и чуть дальше-дальше исчез остров Манжоркин. Я сменила адрес, ко мне пришла новая улица, новый возраст, другое время и совсем иная Россия.

*Говорят, что от жизни бегу
В мир придуманный, сладкий как сон.*

Рисунок в альбоме Жизни изобразил улицу простую, носящую имя поэта, который воспевал каторжный труд строительства железной дороги, будем считать и Амурской магистрали тоже.

Россия – великая страна, с компьютерами, реками, медийностью, где есть великий лыжник из Брянска Александр Большунов. Сегодня мы в Тик Токе поём о родине, о деревне, любви. А время, ах, время!

Листаем альбом с фотографиями, воспоминаниями. А улица Некрасова? Она живёт! Сегодня, где был кинотеатр «Радуга» – спортивная школа. Гараж, кирпичное белое здание, где стояли автобусы, ветшает, разрушается. Здание КБО закрыто пластиком и витража с окнами больше нет.

Улица Некрасова всё та же с ощущением, проникновением в себя, к своим истокам и времени без телевизоров. Остаётся трепет и тайна. По миру ходит пандемия, а улица Некрасова в моём сердце всей своей скромностью и незатейливостью. Она живёт в моей душе, и в строчках моего земляка Александра Беседина, Гражданина, Человека, Поэта. Семья Бесединых жила подальше от нас через поляну. Я училась с его красивой синеглазой сестрой Тamarой. С Сашей мы встретились в марте 1994 года в Народном театре, которым руководила Людмила Ивановна Драчук. Она была организатор и собиратель поэтов бедующего Клуба любителей поэзии «Мецца воче».

Беседина Александра* нет с нами, но он живёт своей прекрасной, тончайшей лирикой.

*Я иду.
Не сидится дома. Хорошо пройтись
Улицей знакомой по ухабам вниз!
В желтоватом свете дремлющей Луны.*

Земля не остановилась, она вращается, она идёт к новым постижениям истин, к той сути вещей, где главное – Человек, его семья, его здоровье и берег юности, остров детства. Дом, улица, страна. Величие и неповторимость просторов родных.

---

* В сочинении автором использованы стихи шимановского поэта Александра Беседина

Жанр «Проза», 1 место

ТАТЬЯНА РЕШЕТНИКОВА

Литературная гостиная МБУ «Зейская городская библиотека»

СЧАСТЬЕ НА ВЕКА...

---

*И за шесть тысяч вёрст
Будет сниться мне створ
Весь в серебряной пене,
В изумлении гор...*

Кажется, это было так давно и так недавно. В Зею нас привезла мама. До этого мы жили на Алтае, на родине отца. Зeya – мамина родина. Она так тосковала по ней! У мамы был прекрасный голос и абсолютный слух. Тоскуя по родной стороне, мама часто пела «Шуми, Амур, шуми, наш батюшка». Так величественно и так трогательно, что мне самой хотелось плакать. Я всегда представляла что-то необозримое, с высокими горами, среди которых несёт свои воды широкий и могучий Амур.

Шёл 1963 год. Шесть суток мы ехали от Бийска до станции Тыгда. На границе Читинской и Амурской областей в вагоне поплыли звуки вальса, которые заставили плакать маму навзрыд. Это были «Амурские волны». Теперь я понимаю, что мама плакала от предчувствия той минуты, когда она увидит свой родной город. Честно сказать, как я потом уже узнала, от Зеи до Амура довольно далеко. Это позже были «Мой друг работает на Зее» Пахмутовой и Добронравова, посвящённые начальнику строительства Зейской ГЭС Шохину, стихи Рождественского:

*Ты пока что напрыгайся, Зeya,
Скалы вымой, кедрач остуди,
Через эту протяжную землю
Горделиво и крупно лети....*

Но тогда по вагону поплыли «Амурские волны»...

Нам предстояло ехать ещё на автобусе

более сотни километров сквозь дремучую тайгу, потом на пароме переправляться на другой берег Уркана.

И вот мы в Зее. Август. Вышли из автобуса на рынке, стоит звенящая тишина. Автовокзал из беленых брёвен, дома деревянные, низкие, со ставнями. Мне, приехавшей из большого промышленного города, показалось всё вокруг чужим, зловещим. Я держу крепко за руку маму, чувствую, как к горлу подступает ком непрошенных слез. В тот момент я не могла представить, что Зeya будет тем местом, где я проживу всю жизнь, здесь пройдет моё детство, юность, и вся взрослая жизнь. Все печали и радости будут связаны с Зеей. Но тогда мне она сразу не понравилась. Долго ещё буду плакать и просить родителей уехать домой. Осенью я пошла в школу, в пятый класс, появились друзья-товарищи, новые заботы, и тоска моя стала притупляться.

Наступил 1964 год. Уже в марте этого года прибыли первые гидростроители. Зeya заметно преобразилась. Потянулась тяжёлая техника на глазах ошеломленных жителей города. Это было грандиозно! Мальчишки гурьбой бежали за тяжёлыми самосвалами, которые носили гордое название МАЗ-200М. Они сами были гордые и величественные. К нам в школу пришли учиться дети гидростроителей. Историю преподавала Галина Петровна Шохина, жена начальника стройки Шохина Алексея Михайловича, литературу вела Елена Борисовна Волынец, жена заместителя начальника строи-

тельства Волынца Эдмунда Адамовича. В параллели со мной учился Володя Шохин.

В сентябре этого же года состоялось первое организационное собрание членов ВЛКСМ, гидростроителей, на котором присутствовало 24 человека. Так зарождалась комсомольская организация Всесоюзной ударной комсомольской стройки – Зейгэстроя.

Почему я говорю об этом? Потому что мне посчастливилось быть причастной к тем событиям. Два с половиной года я отработала на стройке, вначале в бригаде маляров, а потом – в геодезии СМУ-2, затем в СМУ ПГС. Без преувеличения скажу, что это были одни из самых замечательных лет моей жизни. Держу в руках книгу воспоминаний Леонида Голуба, нашего комсомольского вожака в те далекие годы, о строителях Зейской ГЭС и комсомоле с поэтическим названием «И за шесть тысяч вёрст будет сниться мне створ...». Это строчки из песни «Серебряный створ», написанной студентами Одесского инженерно-строительного института. Листаю страницы, вижу знакомые имена и мысленно возвращаюсь к тем незабываемым дням. Серебряный створ – это расстояние между двумя хребтами, Тукурингрой и Соктаханом, где несла свои воды непокорная Зeya.

Не поступив в институт, я работала в «Зейгэстрое». Кто-нибудь подумает: что за романтика бегать по морозу или под палящим солнцем с рейкой за плечами. Но если отбросить трудности, неудобства, которыми сопровождался нелёгкий труд строителя – всё это покажется мелочами жизни, и прибавить к этому молодость, безрассудство, плюс воспитание на высоких идеалах, тогда поймёшь это неповторимое чувство романтики. Помню всё до мелочи.

Зимнее утро. Мороз где-то за сорок. От реки поднимается туман, всё в серебре – чертоги Снежной королевы. Красота неопишная! Прихватив нивелир и геодезическую рейку, бегу к машине, где меня уже ждут начальник геодезии, рабочие, прораб. И вот машина, взревев, натужно поднимается в гору, спешит туда, где начинается строительство телевышки. Да, именно той, которой мы сегодня пользуемся, откуда к нам в дома идёт трансляция каналов телевидения, это ещё и обзорная площадка. Ты чувствуешь сопричастность к великим событиям, которые преобразуют наш край. Обстановка соответствует.

В машине тишина, все заворожённо наблюдают через окно, как встает зимнее солнце. Огромный раскаленный шар поднимается из-за речных далей. Я никогда ещё такого не видела! Красный диск в обрамлении дымки кажется инопланетным кораблём. Всё это заставляло задуматься о неповторимости нашей земной жизни, о том, что создали человеческие руки на зейской земле в те далёкие годы! Тогда мы свято верили, что это на века. Будет людям счастье....

А вот я опять с четырёхметровой рейкой стою на самом краю ряжа, внутри него чёрная, как деготь, вода, наверное, там метров шесть-восемь. Страшно! Но это моя работа. Готовим разметки под причал угля. Здесь я даю клятву, что на следующий год обязательно надо поступать в институт – не дело бегать с рейкой по столь опасным местам. А пока, схватившись обеими руками за рейку, чуть ли не закрыв глаза, чтобы не видеть этой водной бездны, я жду указаний начальника Валентина Поспелова. Рейку мотает ветром из створа, она жалобно поскрипывает. И вот отбой. Я собираю рейку, забираю нивелир и бегу по тоненьким досточкам над бездной. Фу, наконец-то я вниз. Счастливая, размахивая футляром с нивелиром, вприпрыжку бегу по льду к берегу, и... ух, у самого берега проваливаюсь по пояс в ледяную воду. Ребята из бригады плотников смеются, но крепкими руками подхватывают, вытаскивают из воды.

Следом за мной проваливается Виктор Токарский, который только что задорно хохотал. Нас отправляют в вагончик, где топится печь, чтобы обсушиться и дожидаться машины, которая развезёт нас по домам. А пока мы сушимся у печки, пьём чай и играем в домино. Для нас рабочий день закончился.

Можно бесконечно вспоминать интересные истории, что случались с нами во время работы. Всё воспринималось весело, со смехом. Мы же были молоды. Однажды нас отправили на съёмку и разбивку местности под пионерский лагерь «Салют». Наш начальник настроил теодолит, расставил нас на определённом расстоянии и... мы исчезли из поля зрения. Что такое? Что случилось? Оказывается, мы наткнулись на огромную марь с голубицей. Вокруг синяя дымка. Глаз не отвести. Ягода крупная, сочная, так и просится в рот. Конечно, пока мы вдоволь не наелись, к работе никто не приступил. Попало нам здорово, но

зато удовольствие получили большое.

Да, а ещё мы были комсомольцами! Сейчас много негативного говорят о комсомоле, о пионерской организации. Что, мол, заорганизованность была молодёжи, заполитизированность. Возможно. Но многим нравилось. Стройка-то была ударная комсомольская. Как по-другому?! Столько молодёжи, столько счастливых лиц я не видела никогда: ни до стройки, ни после. Что стоит только одна стела при въезде в город по проекту Бориса Арнгауза – «Зейская ГЭС – Всесоюзная Ударная комсомольская стройка»? На ней изображён молодой строитель, указывающий рукой дорогу к створу, где строилась Зейская ГЭС. Дорога в будущее. Моделью для строителя стал Сергей Тесла – член комитета комсомола стройки, командир оперативного комсомольского отряда (ОКО), красавец-цыган, водитель БелАЗа.

Одно из самых интересных воспоминаний, что связано с комсомольскими починами – это операция «Даёшь скалу!». Комсомольцы стройки и до этого события работали на субботниках. Это и столовая «Бригантина», и столовая «У створа», и многое другое. Помню, как мы, молоденькие девчонки, с большим энтузиазмом работали на подготовке столовой «У створа» к принятию рабочих смен, которые трудились на строительстве ГЭС. Нас приветствовал сам начальник ОРСа И. Н. Зарубин, пригласил работать в построенной столовой. «Такая красота, – сказал он, – должна украшать быт наших трудящихся, улучшать их аппетит». Все дружно посмеялись, у каждого были свои планы.

Операция «Даёшь скалу!» – это событие стало выдающимся в истории строительства и в судьбе комсомола стройки.

Приведу полностью отрывок из книги Леонида Голуба, так как он изнутри знал проблему, возникшую на строительстве.

«Важнейшим комсомольским почином осени 1971 года стала операция «Даёшь скалу!» На первом этапе весной 1971 года это была подготовка основания водобойной плиты и гребёнки водосливной плотины. А через год для обеспечения перекрытия надо было до паводка 1972 года полностью завершить низовую раздельную стенку, которая должна была стать перемычкой левобережного котлована. Однако три последних столба оказались на месте временной земляной перемычки, которую можно было разобрать весной при низких расходах

реки. То есть сроки очень короткие, а людей, как обычно, не хватало.

И тогда комитет комсомола объявил этот объект ударным и принял решение каждому комсомольцу отработать вне рабочее время по три полных смены. Этому предшествовала большая разъяснительная работа, и большинство комсомольцев откликнулись на эту инициативу. Конечно, в первую очередь непосредственно организовало работу СМУОС (основные сооружения). Но были сложности, ведь это не постоянный, привыкший контингент, каждый день новые люди, некоторые и в котлован-то впервые попали. И инструмент, и техника безопасности, и кран, кураторы-звеньевые, и стропальщики из основной бригады. И надо научить эту скалу брать, и вдохновить надо, ведь ещё и морозы.

Но главным было мобилизация молодежи, чтобы вовремя, точно по графику на блок прибыла группа 10–15 человек. Обычно это была вторая смена с 17 часов до часу ночи и две смены в выходные. А ведь на стройке шла обычная жизнь, основную работу никто не отменял, это смены, а то скользящий (4-хсменный) график. Ведь это было довольно сложно. Поэтому и секретарь комитета, и начальник штаба В. Шуклин в первую половину дня – в том подразделении, которое по графику выходит в котлован, а во вторую – на блоках».

Это – взгляд на сложившуюся ситуацию организатора операции, её вдохновителя, руководителя. А как мы, молодёжь стройки, отнеслись к почину? Царил небывалый подъём. Для нас этот призыв звучал так же, как и в дни Гражданской войны: «Даёшь Перекоп!».

Я именно из тех, кто в котловане побывал впервые. Конечно, вначале охватывало волнение, даже немного страх: как же это будет?! И вот нас в автобусе подвозят на верхний бьеф. Надо спуститься в блок на глубину 6–8 метров, там внизу вода, лёд и скала. Надо всё подчистить до базальта. Ведь на нём будет стоять тело плотины. Вначале выдают резиновые сапоги и перчатки. У меня 37–38 размер ноги, мне же достаются сапоги 40 размера. Что делать? Обматываем ноги паклей, напихиваем её внутрь сапога и вперёд. Хохот, шутки, подтрунивание.

Самое интересное, мы так и работаем всю смену. Ребята отбойными молотками долбят скалу, а мы, девчата, грузим всё это в бадью,

кран поднимает груз наверх. Помню, как после первой смены мы, уставшие, садимся в автобус, глаза закрываются. Тут вваливается крановщик и с матами рассказывает, как комсомольцы не дали ему передохнуть за смену. Говорит: «Думал, быстро скапуются, а они хохочут, и только слышно «вира», «майна!». Опять мат, на него зашикали – здесь же девчата.

Несколько лет спустя, когда я уже работала в школе учителем литературы и давала на уроках «Как закалялась сталь» Николая Островского, анализировала эпизоды о строительстве узкоколейки, взятие Перекопа. Я рассказывала о беспримерном трудовом подвиге ребят, строивших Зейскую ГЭС. Это был 1991 год, в стране проходили необратимые политические события, не стало такой великой страны, как СССР, низвергались все идеалы советского времени.

1-й класс, дети взрослые, они уже сформировали определённые взгляды на проблемы, свою жизненную позицию. То, что я рассказывала, восприняли с ухмылкой, а некоторые с откровенной издёвкой. Кто-то высказал предположение, что, мол, вы вкалывали, а некоторые денежки положили в карман. На что я ответила, что никогда не задумывалась об этом, возможно, но, единственное скажу, что свою юность на вашу ни за что не променяю! И это – правда, как и то, что мы жили интересней, чем живет теперешняя молодёжь...

Но до этого момента мы, молодые и сильные, строили новую жизнь. На века! Как вспоминает Леонид Голуб: «Были сбои при организации. То нет крана, то встретить некому, но относительно быстро всё наладилось. Всего, при численности комсомольской организации стройки в 543 человека, было отработано почти 800 смен».

К сожалению, не обходилось и без жертв. Весной 1971 года в котловане стала формироваться комсомольско-молодежная бригада плотников-бетонщиков. Её организатором и руководителем стал Борис Шер, он первый возглавил комитет комсомола стройки. Красавец, умница, весельчак. Глаз отвести от него было невозможно, настолько был красив. 9 марта 1972 года Борис героически погиб, защищая блок от пожара. Очевидно, сорвало трубку для подачи солярки в печку «Арагат». Борис бросился перекрывать доступ топлива и задохнулся в дыму. Я помню тот солнечный день, когда мне о случившемся сообщил наш

начальник геодезии Анатолий Канин. Помню, как повисло траурное молчание, которое разорвало чьё-то жалобное рыдание. Это оказалось большой трагедией и для молодёжи, и для всей стройки. Осталась семья. Позднее бригаду Шера принял Леонид Дроздов, и этот комсомольско-молодежный коллектив многие годы гремел по всей стройке.

Мой отец, Бурыкин Василий Фомич, к этому времени работал ведущим специалистом службы техники безопасности Зейгэстроя. Ему приходилось выезжать на происшествия. Однажды ночью его вызвали в котлован, там погибла девушка, сорвавшись с высоты. Она была родом из Белоруссии.

Я не знаю, что за причина, шло следствие, нужно было сообщить родителям в далёкую Белоруссию, отправить туда тело. Помню, что папа тяжело это пережил. Хочу сказать, что строительство такого гиганта, как наша станция, это не прогулка. Всё давалось с большим трудом, многое делалось на энтузиазме молодёжи, комсомольцев.

Не надо думать, что мы только работали, соревновались, совершали трудовые подвиги, сдавали Ленинские зачёты. Нет, мы ещё умели отдыхать. Центром всей культурной жизни строителей и города в целом, несомненно, был клуб «Ровесник», ныне Дом детского творчества. В нём сосредоточено было всё. Проводились танцевальные вечера, которые, кстати, мы посещали и тогда, когда участвовали в операции «Даёшь скалу!». Отработаешь на основном производстве, смену в котловане, а вечером – на танцы! Это так, к слову. Мы же были молодые!

Всё двигалось, бурлило, перемещалось. И всюду счастливые, задорные лица! Художественная самодеятельность стройки кипела. В смотрах принимали участие все подразделения стройки, что выливалось в фестивали песен, танцев, музыки.

В это время я работала в геодезии СМУ-2, которым руководил Л. Ю. Полюс. На смотре художественной самодеятельности был выставлен хор в 60 человек. Я принимала активное участие в нём. Небывалое количество участников! Но нас кто-то обошёл, уже не помню, конечно, мы были несколько расстроены, однако получили свою долю аплодисментов, самое главное – удовольствие.

Проводились тематические вечера, в которых участвовали тоже все подразделения, при-

думывая самостоятельно им названия. Вершиной всего были познавательный устный журнал «Орбита», музыкальный «Октава», и, конечно же, КВН. Когда в «Ровеснике» проходили эти мероприятия, яблоку негде было упасть: люди стояли и сидели в проходах, по стенкам, нарушая все правила противопожарной безопасности. Очень хорошо помню праздник Нептуна, праздник Русской берёзки, где проводились серьёзные и шуточные состязания. На эти праздники выезжали целые коллективы. Кипела и спортивная жизнь стройки, в которой были заинтересованы руководители всех подразделений.

Мы жили, мы создавали, мы творили. Красивой террасой поднялся посёлок Светлый, построен стадион, спорткомплекс с плавательным бассейном, торговые центры с красивыми названиями «Мрия», «Троянда», гостиничный комплекс «Серебряный створ», столовые

«Берёзка», «Бригантина», «У створа», «Соктахан».

Мы были везде первыми. Мы строили первую на Дальнем Востоке ГЭС. Верили, что её свет укажет нам путь на многие десятилетия нашей счастливой жизни. И так грустно сейчас смотреть, как чахнет наш некогда красивый, уютный зелёный городок. Уже не восхищают приезжих его компактные улочки, ровные дороги, новые названия магазинов. Всё приходит в упадок. Нет той индивидуальности, что была. Даже сопки, которые покоряли всех своим величием, красотой перестали радовать сиреневым пожаром весной и разноцветьем осенью – всё выжжено, как после набегов кочевников.

Хочется верить в возрождение Зеи, ведь не зря же наши предки когда-то заселили берега непокорной, но уже теперь покорённой Зеи-реки.

Жанр «Проза», 2 место

ВЛАДИМИР ШЛЯНДИН

Литературная гостиная МБУ «Зейская городская библиотека»

РАССКАЗЫ

Родина

Несколько лет назад собрался я в лес по ягоду – моховка поспела. И помчался я по золотогорской дороге к ягоднему месту, которое указал мне мой друг Володя Савинкин. Сам поехать не смог, но маршрут движения растолковал мне подробно. Добрался я к заветной цели без приключений, свернул, где надо и по чуть заметной заросшей дорожке подкатил к раскидистой черёмухе. Удивился, вокруг тайга и вдруг – черёмуха. Но особого значения этому не придал: мало ли как появилось здесь дерево.

Начал собирать моховку. Оказалось её не особенно много, но ведёрочко набрать планировал. К обеду программу-минимум выполнил и направился к машине. Выхожу, а у черёмухи стоят двое – мужчина и женщина, уже в преклонном возрасте. Наклонив ветку, они с явным удовольствием ели черёмуху. Откуда они здесь? До города далеко, да и техники никакой поблизости не видно. Не вытерпел, спрашиваю: «Вы кого-то ждёте? Может быть, увезти? Так я к вашим услугам».

– Спасибо за предложение, – отвечает мужчина, – но никаких услуг нам не требуется.

Я удивился такому ответу. Обычно люди просят, чтобы их довезли. Видимо, заметив на моём лице замешательство, мужчина пояснил: «Мы из Новосибирска приехали на свою родину, а от неё только черёмуха осталась. Вот ведь как бывает».

Сказал он это с такой тоской, что мне их стало жалко. Предложил отведать моховки.

– Машенька, ты только попробуй, – воскликнул мужчина, раскусив ягоду. – Какая

прелесть. Вкус, словно в детстве побывал. Помню, за нашими домами она у ручья росла. Ой, сколько мы тогда её набирали, там такие заросли были. В этих местах, как помню, заимка была. Большие купцы здесь гастролировали. А потом уж лесопункт открылся. Помню, ещё мимо нас большие обозы на верблюдах ходили. Они груз на Золотую Гору доставляли, а у нас вроде как водопой был, когда они обратно возвращались.

Собеседник оказался словоохотливым. Много рассказывал о людях, которые здесь когда-то жили, называл фамилии, имена...

К сожалению, сейчас по памяти восстановить не смогу. А мужчине явно хотелось поделиться воспоминаниями о родине и своём трудном детстве.

– Не даёт родина покоя, – завершил он свой рассказ. – Сны из детства снятся, колодец, избёнка. И вот с женой, она тоже из этих мест, решили навестить родные места, душу излечить. А за нас не переживай, мы тут ещё часок-другой побудим. Родина-то так просто не отпускает. Её, как отца с матерью, не выбирают.

И я с ним согласился. Действительно, у каждого из нас есть такой уголок земли, где ты родился, сделал первый шаг, вырос. И вот ты уже забрался на чердак родительского дома посмотреть на мир, а потом первое трогательное расставание с родительским домом и с родиной, и всё, что делалось впервые, так глубоко остаётся в памяти. Потому что РОДИНА.

Яблонька

Яблонька под окном – хорошая примета. Она символ доброжелательности, любви

и нежности к окружающему миру. Весной она до боли всколыхнёт душу своим нежным ароматом и красивым нарядом соцветий, да так растревожит сердце, словно ты вновь в далёкой молодости. Летом спрячет в своей тени от зноя. Осенью порадует глаз колоритом причудливых красок, а лютой зимой – маленькими яркими плодами. А для птиц она – целая кладовая корма, которого им хватает почти на всю зиму.

Вот и у меня под окном росла довольно взрослая яблонька-дичка. Казалось бы, какое-то деревце, а сколько тепла и радости приносит оно. Заиндевевшей в долгой зимней спячке, ей, наверное, снилось, что скоро, совсем скоро повеет теплом, и тогда, встрепенувшись ото сна, она, вновь набрав силы, будет радовать людей.

Посадили эту яблоньку бабушка с внуком. Ходили в лес, выкопали маленькое деревце. Определили ему место возле подъезда своего дома на радость жильцам.

– Это, внучек, будет память о бабушке, – говорила старая женщина.

И внук поливал его водой каждый день, пока крохотное деревце не прижилось.

– Люди не вечны, – продолжала она, – не будет меня, а дерево останется. Будешь смотреть на него и вспоминать бабушку, моя душа будет в этой яблоньке. А если станешь разговаривать с ней, то услышишь в ответ нежный шелест листьев. Знай, это я говорю с тобой.

Вырос внук. Выросла и яблонька. И всё было прекрасно. Но однажды холодным зимним вечером её спилили. Горечь на сердце. Обидно, как таких варваров земля носит. И как могла подняться у них рука на то чудо, которое дарило добро и радость. Даже птицы, которые питались её плодами, в недоумении: «Люди, что же с вами происходит? Куда вы катитесь?». Тоскливо.

А спиленное дерево ещё долго лежало напротив дома как укор нам, жильцам: «Что же не заступились, люди?».

Наше будущее

Морозно. Иду по тропе возле дома – сокращаю путь до магазина. Сквозь серебристый иней, густо укутавший деревья, проглядывает синее-синее небо.

И, как кроссворд, разгадываю палитру зимних красок. Цветов не особенно много, но

сколько оттенков и света дарит природа. Так увлекаюсь разгадыванием таинства зимних сочетаний волшебства и отточенного мастерства, подаренного нам неизвестно кем, что не сразу замечаю идущего навстречу мне мальчишку.

От роду ему лет девять. Рюкзак за плечами, шапка на затылке, волосы дыбом охрой горят на солнце. Грудь нараспашку: куртка расстёгнута, шарф где-то на спине. Идёт важно, не спеша. Поравнялись. Встретились взглядом. У парня глаза голубые-голубые, словно небо в них отразилось.

– Что, так жарко? – не удерживаюсь от вопроса.

В ответ тот кивает головой.

– Застегнись, простынешь.

– Не-не, – отвечает мальчишка, и мы расходимся.

Останавливаюсь, оборачиваюсь и ещё долго смотрю вслед не спеша удаляющемуся мальчику. В нём столько внутренней уверенности, что я просто осязаю её. Он уходит, но тепло случайной встречи ещё долго согревает мою заиндевевшую душу.

На свидание с радостью

Вот уже который год зимой совершаем с женой после обеда прогулки по лесу. Маршрут невелик, но зато, с каким азартом и наслаждением готовимся к нему. Режу сало на мелкие кусочки, чищу семена подсолнухов и, конечно, прихватив пшена, это для подкормки птиц, идём на тропу здоровья. На пути – берёзки, но в основном встречаются статные и пушистые сосны. Всегда, шагая по тропе, вспоминаю добрым словом того человека, который проложил её. Сколько радости и восхищения встречаешь здесь.

Вот и сегодня идём на свидание с радостью. Время стоит лютое, загоняя всех под тёплую крышу. Мороз-задира забирается под куртку, щиплет щёки и нос. Идти на эту тропу никто не заставляет, но уже привычка тянет. Чего только стоит общение с птицами, с этими маленькими и милыми птахами! Дружелюбно встречает нас синичка-гаичка, а хитрован-поползень преследует, осторожно выглядывая из-за кустов, жёлтогрудая синица-трусиха следит издали.

«Кто сделал один круг, тот продлил жизнь на целый месяц» – так утверждают здешние

знатоки. А отчаянные делают и по три, а то и по пять кругов. Где эта волшебная тропа? Не буду торопиться с ответом. Скажу только, что по ней гуляет много людей преклонного возраста, бывают и молодые, и даже дети. И всё рады встрече друг с другом. Скромные приветствия, несколько вопросов о здоровье, сколько сделал кругов и – дальше.

Идём по дороге, ведущей к бывшему профилакторию. От мороза трещат деревья. Они укутаны в иней так забавно, словно каждое дерево мороз-художник обмакнул в белила. И уже пройдя несколько сот метров, попадаем в ложбину, залитую солнцем. Блеск, расплескавшийся от инея, слепит глаза, чувствуешь какую-то теплоту, согревающую душу. Вот это Красота! Только дотронься рукой до ветки дерева, как огромная масса снега и инея обрушится на тебя.

Свернув на тропу, которая идёт вдоль «Шохинской дачи», нас встречают причудливым пением гаички, снующие перед лицом, они будто жалуются на свирепый холод.

– Ах вы, бедные мои, замёрзли!

Останавливаемся, набираю в ладонь семечек и протягиваю руку. Какое-то время гаички осторожничают. И вдруг одна, самая смелая, садится на палец, вонзившись в него острыми коготками-иголочками. Птаха опасно подбирается к лакомству, осторожно берёт его клювом и улетает, а за ней уже другая спешит к «кормушке». Любопытный поползень, сидящий на стволе сосны, внимательно следит за этой картиной.

Подлетели жёлтогрудые синички, но они, трусихи, держатся вдалеке.

Поползень смелеет. Вот он уже совсем рядом, внимательно изучает меня. Гляди-ка, осмелился! Садится на ладонь и смотрит мне прямо в глаза, увидав в них доброжелательность, подбирается к корму и начинает клевать своим длинным острым клювом зёрнышко за зёрнышком.

– Смотри, какой эгоист! – говорю ему, но он не обращает на мои слова никакого внимания и улетает только после того, как склевал все зёрнышки.

Рука мёрзнет, меняю её, но теперь кладу на ладонь и сало. И снова поползень, отгоняя гаичек, с ходу садится на ладонь. Пернатый наглец хватает самый большой кусочек сала и улетает. Синичек всё больше и больше, подлетают поближе – любопытные. Но до чего же

они скромняги! Всё же одна из них, пересилив себя, схватив несколько кусочков сала, улетает вглубь леса. За ней кидаются и все остальные. Но, к сожалению, с ладони всех не накормишь...

Сыплем в кормушки зёрна, пшено, кладем сало и идём дальше. Под поваленной сосной дымится ещё не успевший потухнуть костёр. Рядом красуется наряжённая кем-то сосёнка. Подкладываю сучья, огонь разгорается, в душе ощущение праздника. Радостно и за то, что здесь уже кто-то побывал: развел костёр, нарядил ёлочку, оставив свою частичку тепла и сердца другим.

А вот ещё одно чудо. Идя по направлению к реке, встречаем «Фёдора» с «Фёклой» – это хозяева тропы, им все отдают дань: кто кланяется, а кто просто здоровается. Тропа идёт по вершине сопки. Воздух густо насыщен ароматом смолы. Здесь сосновый бор. Застывшую тишину нарушает дробь дятла. Солнце прячется за дальними сопками. Лес темнеет, только верхушки сосен освещены нежными красками заката.

Спускаемся по тропе вниз, выходим на ЛЭП, и вот он снова – костёр. Греемся – и в обратный путь.

На сердце необыкновенно легко и радостно от встречи и общения с природой, а ещё – от доверия милых пернатых. Вот бы так и у людей было – побольше доверия, тепла и доброжелательного отношения друг к другу.

Дыхание зимы

Почему-то я не люблю зиму. Может, с детства она осталась в моём сознании такой суровой и лютой, долгой и грустной. Или потому, что зима казалась мне временем года, завершающим цикл природы с её увяданием, вымершими красками. Не находил я в ней нежных отзвуков света, в которых бы теснилась жизнь. Для меня зима проходит в ожидании тепла и солнца. Зимние месяцы крадут душевные силы.

И всё-таки набираюсь смелости и иду в зимний лес, чтобы на время забыть о накопившихся проблемах, которые всё значительнее давят на сознание и вот уже в полный голос говорят о себе. Проблемы, проблемы. Решительно выбрасываю из головы воспоминания о них и смелее наступаю на заснеженную

землю. Ухожу дальше и дальше от дороги, замечаю, что в лесу ветерок слабее. Земля, укутанная снегом, белеет на фоне сизого неба. Тёмными призраками вытянулись вверх припорошенные снегом лиственницы, они, погрузившись в глубокую дрему, пропускают меня. Только что закончился снегопад, но лёгкие снежинки ещё изредка кружатся и через миг уверенно и надолго ложатся на землю. В лесу стоит холодная тишина. Сквозь колючие узоры деревьев вырисовывается поляна, заросшая молодым ерником и мхом. Солнце плотно укутано облаками, и меня поражает их прозрачность, они словно окрашены нежной акварелью.

Я иду, не торопясь, наслаждаясь чистым воздухом. Поддеваю перчаткой снег и, как мальчишка, тяну его в рот, чувствую его аромат: он пахнет тайгой, небом и свежестью. Наступаю на снег осторожно, боясь разбудить спящую тайгу. Иду по поляне, а кругом заиндевевший лес. Молодые деревца, не выдержав обилие снега, склоняются к земле.

Идти становится всё трудней и трудней, ноги проваливаются в снег и мох. Оглянувшись, вижу, как в моих следах вспыхнула зелень – это прошлогодний брусничник привет-

ствует меня. Останавливаюсь, снимаю перчатку, нежно беру упругий зеленый кустик и с какой-то особой радостью глажу его, восхищаюсь необычной зимней палитрой, вобравшей в себя хрустальный блеск снега, изумрудное сияние зелени и агатовый глянец замороженных плодов. Пробую ягодку на вкус, и она буквально тает во рту, отдавая терпкую сладость и прохладу.

Вдруг яркая вспышка осветила округу – это полуденное солнце вырвалось из плена облаков. И столько переливающихся оттенков выявила холодная, казалось бы, безликая, тусклая зима, что от восхищенья захватило дух. До боли в глазах всматривался я в эту красоту.

Время незаметно пролетело, и вот я уже возвращаюсь обратно. Замечаю, что совсем недавно недалеко от моих следов пробежал заяц. Видно, проверяет косой, кто по его угольям гуляет. Рядом, с правой стороны, сопровождает меня синичка, перелетает с дерева на дерево и провожает своей тихой песней. Ей, конечно, трудно пережить холодную зиму, но природа гармонична, и вслед за лютыми морозами уже идёт долгожданное весеннее тепло.

Жанр «Проза», 3 место

ИРИНА РУСАЕВА

Клуб любителей поэзии «Мецца воче», г. Шимановск

«МОЙ ГОРОД В МОЕЙ СУДЬБЕ»

Перелистывая альбом с чёрно-белыми фотографиями, я окунаюсь в атмосферу 60–70-х годов прошлого века, когда мои родители были молодыми, а мы совсем ещё детьми. Прошло уже много времени с тех давних лет, утекло много воды, как говорят в народе, а атмосфера и состояние покоя и любви живёт во мне до сих пор. И это всё связано с нашими родителями и маленьким городком Шимановск и потому он для меня Благословенный.

Я помню своих папу и маму красивыми, энергичными и интересными. А начну я издалека, с истории любви моих дорогих родителей, которая началась в далеком военном 1944 году на станции Магдагачи.

Папа – Григорий Яковлевич Избицер родился в 1919 году в городе Днепропетровске, с отличием окончил школу и сразу же поступил в Днепропетровский политехнический институт, но в связи с началом Великой Отечественной войны был переведён в Томский электромеханический институт инженеров железнодорожного транспорта. Окончив его с отличием в 1942 году, был направлен на Дальний Восток на станцию Магдагачи в паровозное депо. И в годы войны прошёл путь от мастера до начальника цеха, а потом и главного инженера локомотивного депо. Его не отправляли на войну, так как у него была бронь. Старые работники – «паровозники» позже вспоминали, как под его руководством была построена вагранка – шахтная печь для плавки чугуна, обжига цветных металлов, в которой плавил металл, занимались литьём. Эта была существенная помощь фронту. Работа в то время была тяжёлой и ответственной: необходимо было организовать чёткую работу железной

дороги, по которой везли всё необходимое для фронта.

Моя мама, уроженка города Курска, Арсентьева Калерия Александровна, в шестилетнем возрасте была привезена на ту же станцию нашей бабушкой Арсентьевой Ксенией Николаевной, которая тайно уехала от мужа-тирана на Дальний Восток, не имея здесь ни знакомых, ни родни. Мама выросла в этих местах, закончила школу и стала работать библиотекарем при Доме культуры.

Вот тогда и состоялось знакомство наших родителей, так как отец был пропагандистом и активным читателем, часто брал литературу в этой библиотеке. У молодых людей возникли чувства, вначале они встречались, а в 1945 году поженились, но свадьбы никакой, конечно же, не было, время было тяжёлое и голодное.

Мама часто вспоминала события тех лет, особенно то, что всегда хотелось спать и есть. И когда объявили по радио, что закончилась война, все бежали на городскую площадь, где звучала музыка. Люди обнимались, смеялись и плакали от радости. Это был самый главный праздник нашей страны – 9 Мая – День Победы!

В 1947 году в семье родился первый сын – Саша, в 1949 – второй сын Гена. Было тяжело, но любовь помогала преодолевать все трудности и невзгоды. В 1952 году папа был переведён на станцию Шимановская в паровозное депо начальником колёсного цеха. Затем в 1953 году по направлению партии был назначен директором Железнодорожного училища номер 3 (ЖУ–3), которое потом было переименовано в Городское профтехучилище номер 14 (ГПТУ–14), в этом же году родилась у них дочь Ирина, то есть я – автор. Вот тут я и хочу

более подробно остановиться на жизни в городе Шимановске и интересной жизни коллектива училища, так как была этому свидетелем.

В то время наше профтехучилище было центром обучения и воспитания молодёжи города и других населённых пунктов нашей области. По тем временам была создана хорошая учебная и материальная база учебных кабинетов, мастерские – столярные и слесарные. Приобретено необходимое оборудование для подготовки штукатуров-маляров, столяров-плотников. Спортивный зал был совмещён с кинозалом, была библиотека. Предоставлялось общежитие для проживания.

Все учащиеся были одеты в единую форму, питание обеспечивала столовая ОРС-НОД-6, где ребят кормили всегда сытно и вкусно. Постоянно работали спортивные секции, ребята часто становились победителями городских и областных соревнований, о чём свидетельствуют некоторые вырезки из газет, сохранившиеся до сих пор. И вот всем этим жили мои родители.

Главной заслугой своего отца, Григория Яковлевича, я считаю формирование профессионального коллектива, который решал очень важные вопросы по подготовке работников железнодорожного транспорта в то время.

Под его руководством были построены баскетбольная и волейбольная площадки во дворе училища, на которых часто играли ребята: она была с деревянным покрытием и в летнее время её использовали как танцевальную, а мы, будучи детьми, любили наблюдать за танцующими парами и, стоя невдалеке, тоже пританцовывали.

В училище были организованы струнный и духовой оркестры и, когда на парады 1 Мая и 7 Ноября коллектив училища выходил в единой форме и под музыку духового оркестра, это было очень красивое зрелище! Многие жители города приходили посмотреть на это.

По инициативе комсомольцев и молодёжи училища был сооружён памятник участнику Гражданской войны Сюткину Ф. Н. Каждую субботу в училище проводились тематические вечера: беседы, устные журналы, диспуты, а потом обязательно показывали художественный фильм. Сценарии всех мероприятий придумывала моя мама, которая работала библиотекарем в училище, и Верещак Фаина Садыковна, преподаватель, всё это они потом воплощали в жизнь, часто привлекая и нас на

небольшие роли в своих лицедействах, что очень нас радовало. Тогда не было Интернета, мало было специальной литературы, а некоторые мероприятия я помню до сих пор, хотя прошло уже больше полувека.

Проработав долгое время библиотекарем в этом училище, и любя свою работу, отдавая ей всю душу, мама отлично знала литературу – от детской до классики, русской и зарубежной.

Это была профессиональная деятельность моих родителей, которая сближала их. Мой папа был настоящим интеллигентом. И не только своим поведением доказывал это, а делами, кругом интересов, осведомленностью во многих науках, эрудированностью. Он много читал, знал по фамилии артистов, разбирался в спорте, был в курсе новинок отечественной и зарубежной литературы.

Мама и папа очень любили друг друга, в доме царила доброжелательная обстановка. Вечером, собираясь все вместе, мы читали вслух книги, играли в разные настольные игры: шашки, шахматы, разгадывали ребусы и шарады, рассказывали о событиях прошедшего дня. Летом всей семьёй ходили в лес за ягодами и грибами, а иногда просто на речку Пёру купаться. А так как мы жили в своём доме, то совместные работы в огороде научили нас всем премудростям работ на земле.

У нас была хорошая библиотека и все в семье любили читать, и многие наши друзья брали у нас почитать книги. Часто бывая в командировках, папа привозил красивые подарки маме и нам, это были и кофточки, шарфики, и я до сих пор помню белоснежную искусственную шубку, которую он привёз маме в подарок, она была бесподобной по тем временам и единственной в нашем маленьком городке. А когда мама лежала в больнице или куда-то уезжала, все заботы о нас брал на себя отец.

Ярким событием память сохранила момент, когда мы всей семьёй в воскресный день ходили обедать в столовую «Стрела», где не было никакого супа, а было вкусное пюре с котлетой и обязательно какао с пирожным, хотя мама у нас готовила и пекла очень вкусно. Только став взрослой, я поняла, что это были первые уроки общения в общественном месте друг с другом и со взрослыми, умение пользоваться приборами. И нам это всё пригодилось в дальнейшей жизни и на работе.

Мама же в свою очередь проявляла большую заботу об отце: вкусно готовила, много

и часто пекла, всегда всё было постирано и поглажено, и самое примечательное – у них было духовное единение: они могли часами о чём-то говорить, горячо обсуждать разные темы, смеяться и грустить. Я помню, когда им кто-то дал самиздатовскую книгу Солженицына А. И. «Один день Ивана Денисовича» на сутки, и они, закрывшись в кладовке, читали её вслух всю ночь, чтобы утром уже вернуть.

По праздникам у нас часто собирались гости – друзья родителей с детьми, с которыми мы пронесли дружбу через всю нашу жизнь. Стол всегда накрывался разными вкусами, так как мама готовила замечательно и подруги, приходя пораньше, помогали во всём. А потом звучали песни под баян, были танцы и наш традиционный концерт, который родителям приходилось выслушивать до конца.

Я очень любила гулять с папой в нашем городском парке, он очень много знал и рассказывал мне интересные факты. С ним часто останавливались и здоровались разные люди, они начинали беседовать, и мне было очень интересно их слушать.

В счастливом браке родители прожили 23 года, в 1968 году скоропостижно умер папа, ему было 49 лет. Это была страшная потеря для всей нашей семьи, мама осталась вдовой в 45 лет. Больше никогда не выходила замуж и всегда говорила, что такого, как её Гриша больше на свете нет, хотя к ней сватались неоднократно мужчины.

Наш папа – Григорий Яковлевич прожил короткую, но очень яркую, интересную и наполненную делами жизнь. Мама, пронеся любовь к мужу до последних дней, а прожила она 78 лет, всю себя посвятила заботе о нас, детях, а потом и внуках. Их пример любви, заботы, верности мы перенесли и в свои семьи.

Все трое детей женаты и замужем единожды, стаж семейной жизни у всех более 40 лет, у всех троих по двое своих детей, и теперь уже внуков. Мы со старшим братом Александром так и продолжаем жить в нашем городе Шимановске. Видим изменения иногда в лучшую, а иногда в худшую сторону жизни, но всё равно он для нас самый родной и любимый. Тут точно может подойти пословица: «Где родился, там и пригодился».

Мой старший брат Александр Григорьевич Избицер внёс большой вклад в развитие физической культуры и спорта нашего города, награждён знаком «Отличник физической куль-

туры и спорта РФ», имеет звание «Почётный житель города Шимановска». Многие ребята благодарны ему за приобщение их к спорту, за помощь в трудных ситуациях, за доброжелательность и уважение к ним. Ему часто звонят и приходят в гости его выпускники.

Я, Ирина Григорьевна, проработала 35 лет в образовании, награждена Почётной грамотой Министерства образования РФ, Почётной грамотой Амурского областного Совета народных депутатов. Я и сейчас, находясь на заслуженном отдыхе, веду активный образ жизни: являюсь членом танцевально-оздоровительного клуба «Вдохновение», Клуба любителей поэзии «Мецца воче» Дома культуры и спорта, занимаюсь фотографией и в 2014 году состоялась моя первая в городе персональная выставка фотографий «Люблю тебя, мой край родной!». Принимаю участие в городских, областных мероприятиях и конкурсах, где неоднократно занимала призовые места.

С нами нет уже давно наших родителей, но воспоминания тех лет всегда вместе с нами, и это помогает в разные моменты нашей жизни. Мы часто рассказываем о них нашим детям и внукам. И всегда для нас примером являются они – наши родители: их любовь, ответственное отношение к выбранному делу, забота о нас, и друг о друге. Это наша опора и жизненные приоритеты всей нашей жизни. А закончить своё повествование я хочу строками из своего стихотворения:

*Но не забыть мне те года,
Об этом мысли греют сердце.
Жизнь бесконечна, и всегда
Смогу я в снах вернуться в детство.*

Жанр «Поэзия», 1 место

ОЛЬГА ШУТ

Литературная гостиная МБУ «Зейская городская библиотека»

МОЙ ДОМ (стихи в прозе)

Где-то там, далеко, мой дом,
с елями у ворот, с солнцем в окнах.
Там тополя знают меня с детства,
а тропинки помнят мои шаги.
Там уютно тепло, как бывает тепло
только у родного очага.
Там свершалась я.

Многое придётся в жизни знать и забывать,
но никогда не уйдет из памяти
скрип открывающейся калитки,
запах цветов с клумб,
всплески воды из старого колодца.
Та единственная вода, в которой плавали
лепестки белых яблонь весной
и красные ягоды осенью, была водой,
что нужна сердцу.

Не уйдут из памяти и дожди-ливни,
когда не было видно ни забора,
ни домов, ни деревьев, а всё вокруг

превращалось в сплошной бушующий поток,
который захлёстывал радостно и буйно;
и когда рядом были мамины родные глаза.

И тогда всё это: и дожди, и звоны –
сливалось в одну, то безумную, то нежную
симфонию любви, радости, и казалось,
что всю жизнь я буду знать
только этот дождь и эти глаза,
и всегда слышать
этот сливающийся со струями голос...

Дожди эти неповторимы, как нежность.
А теперь там всё осталось без меня.
Только дом с его добрым и тёплым сердцем
не устанет ждать меня,
как ждут любимых и дочерей.

Мой милый дом.

Жанр «Поэзия», 2 место

НИКОЛАЙ АБОИМОВ

Литературная гостиная МБУ «Зейская городская библиотека»

Накит

Я как-то однажды приехал сюда
И с первого взгляда влюбился в тебя.
Теперь он мне снится, тот сказочный вид,
И горы, где ключик с названием Накит.
Одни пастухи здесь пасут оленей,
По первому снегу тропят соболей.
Здесь время – неспешно, вода здесь – хрусталь,
И тянет куда-то хребтовая даль.

Поеду на отдых к своим оленям.
Я сердцем, душою давно уже там.
Ты очень красивый, как твой хризолит,
Покрыт весь цветами прекрасный Накит.
Не надо мне в Сочи, где море у ног.
Мне как-то роднее наш Дальний Восток.
Не надо мне к морю, где Ялта стоит,
Мне нравится больше наш ключик Накит.

Алгама

На север от Бомнака – Алгама,
Страна, где Клим пасёт свои стада.
Меня он просит: «Снова прилетай
И песню сочини про этот край!».
Алгама! Алгама! Алгама!
Здесь по сопкам пасутся стада.
И в жару, холода и пургу
Оленей люди здесь берегут.

Есть здесь с названием масляным река,
Хоть масла не видела никогда.
Но кто ж ей дал название тогда?
Аририкта, Аририкта, Аририкта.

Чтоб память о минувшем сохранить,
И предков имена чтоб не забыть,
В журчанье ручейка и в песнях вод
Я слышу имя бабушки Сюдот.

Мы кочуем по всей Алгаме,
Здесь везде, в общем, нравится мне.
Но зимой уезжаем мы в край,
Где течёт Чакатай, Чакатай.

Ну, а главное – всё же народ
Здесь, который, кочуя, живёт.
Редко кто о нём песни поёт,
Но, надеюсь, меня он поймёт.

Алгама, Алгама, Алгама!
Здесь по сопкам пасутся стада.
И в жару, холода и пургу
Люди здесь оленей берегут!

Жанр «Поэзия», 3 место

ЮЛИЯ ДАНЬКО

*Творческое объединение «Зелёная лампа»
МБУК «Ивановская межпоселенческая центральная библиотека»*

Благовещенск

Благовещенск – город в междуречье,
Пограничный страж из века в век.
Здесь смешались судьбы человечья,
Словно воды быстротечных рек.

Вдоль его прямолинейных улиц
Отпечатки стародавних лет
На фасадах временно уснули,
Кое-где оставив ветхий след.

Стоит только потревожить память,
Оживёт событий череда
В каждом доме, в православном храме,
В киноленту превратив года.

Воссоздаст тогда воображенье
Старый город и торговый ряд,
Вдоль дороги конное движенье,
Пароход, прибывший в столичный град.

Вмиг былое станет ярче в свете
Ключевых событий и имён...
Только помни – ты всегда в ответе
За святую память тех времён.

На берегу Амура

Бурлит поток, читая партитуры,
Ласкает взгляд его манящий блеск,
Аплодисментами встречает каждый всплеск
Грядущий век на берегу Амура.
Остался здесь набор воспоминаний
В наследство от истории святой.
Её мне тихо напевает край родной...
Щедра земля на эти крохи знаний.
Есть в этой песне голос некой тризны,
Напоминая о сынах страны,
Сердца их бьются в каждом всполохе волны,
Как стражи в берегах родной Отчизны.

Года минули, реет на границе –
Отчизны стяг, российский триколор.
Реке Амур истории крупницы
Однажды дал Айгунский договор,
Державный стяг и мирный приговор.
Родной форпост, любимый Благовещенск –
Остросюжетный фильм из века в век.
Сегодня снова здесь верстает человек
Случайно ненадуманые вещи.
И ты расти, мой город Благовещенск, –
Исток страны в слиянье бурных рек!

Жанр «Проза», 1 место

АЛЕКСАНДР САУЖИН

Творческое объединение авторов Мазановского района

КОЖАНЫЙ КАПКАН

Этот случай произошёл в семидесятых годах прошлого века на территории Мазановского госпроха, где велись промысловые работы по добычи дикого мяса и пушнины.

Автор

Солнце постепенно пробуждалось, окрашивая горизонт ядрёным малиновым цветом. Этот цвет поднимался выше верхушек дремучей тайги, приобретал светло-голубую окраску, превращая всю окрестность в яркое утро. Мороз не отступал. Он, наоборот, с восходом солнца крепчал. Где-то ближе к полудню остановился на одном уровне и на несколько часов замер на минусовой отметке термометра. Затем, как бы нехотя, чуть-чуть уступал тёплым потокам зимнего воздуха, которые рассыпало на землю всегда доброе и ласковое солнце. Зимний туман молочной стеной заполнил ландшафт местности. На расстоянии двух-трёх километров стоящий на горизонте продолговатый становик имел вид силуэта с причудливыми разномерными верхушками, напоминающими готическую архитектуру средних веков.

Если посмотреть сверху вниз с высоты птичьего полета, то на фоне этой дремучей красоты можно увидеть на небольшом склоне, имеющего вид полуострова становика, возле весёлого, никогда не замерзающего ключа – охотничье зимовье. Оно было сложено в «охрянку» с низкой двускатной крышей, покрытой в несколько слоёв рубероидом, который от времени покрылся то ли зелёным мхом, то ли старой плесенью, имеющей цвет мха. Небольшая железная труба едва превышала конёк кровли. Густой серый дым свидетельствовал о том, что жильё обитаемо, и человек, живущий в нем, только что растопил печь-буржуйку, ладно скроенную из железной бочки.

В зимовье жил и трудился «вечный таёжник», как говорили про него, кто его знал, охотник-промысловик Иван Матвеевич Кедров.

Таёжник себе долго не позволял лежать на нарах-лежаке. Зимний день очень короткий, и нужно успеть приготовить харч и настроить себя на рабочий режим.

Что это будет – завтрак, обед или ужин, никто точно не скажет.

Бывало так. Позавтракал с утра, а пообедал и заодно и поужинал поздно вечером. Или же на другой день, сядешь за стол, чтобы быстро набить голодный желудок и начать работать в зимовье до полуночи, а может и до утра. Работа с выделкой шкурок, добытых пушных зверьков, отлагательств не терпит. Надо сделать всё вовремя, иначе качество продукции будет желать лучшего.

Основательно перекусив, Иван Матвеевич, человек уже не молодой – недавно минуло 58 лет, не позволял, как попало, «закинуть» пищу себе в желудок. Себе хуже, да и передвижение по тайге с плохо переваренной пищей обязательно отзовется в области желудка.

Его верный старый друг кабель Абрек, по породе напоминающий лайку, то же до дна вылизал глубокую старую миску, ещё с застойных времён кочующую с Матвеевичем от зимовья к зимовью во время промысловых сезонов. Пёс был охотничьим. Он с ходу брал след, практически, любого зверя. Будь то косуля, сохатый, кабан, медведь, соболь или белка.

За свою смелость, преданность хозяину он был многократно «награждён» глубокими ранами, которые со временем зарубцевались, но остались заметны на шкуре верного пса.

Взяв в руки винтовку СВТ, имеющую большую прицельную дальность и надежный сильный останавливающий бой, Иван Матвеевич, по привычке передёрнув затвор, осмотрел внимательно составляющие детали оружия, прошёл промасленной ветошью по нему, положил в глубокий карман камуфляжной куртки несколько обойм с патронами, при этом, не забыв зарядить винтовку, вышел из зимовья.

Рюкзак с краюхой хлеба, котелком для приготовления чая, сахаром, кружкой и куском солёного сала, был приготовлен ещё с вечера, и перед выходом за дверь был удобно устроен на спину охотника. Абрек уже «гнал адреналин», повизгивал, рвался на путик, который тёмной серой нитью уходил от порожка зимовья в сторону становика.

Иван Матвеевич проверил на месте ли охотничий нож, поправил по удобней ножны и с верным Абреком по протоптанному путику направился в сторону стоящего на горизонте становика, который своим таинственным величием нагнетал в душу охотника тревожный азарт.

Снег хрустел под ногами. Мороз старался больно «укусить» оголённые участки человеческого тела, но старого охотника это не пугало.

С самого начала промысловый сезон показался ему очень удачным. Добыча, по его расчетам, опережала своим количеством показатели прошлого года. Азарт и хорошее настроение бросали вызов сильному морозу, и он не в силах был победить душу и тело промысловика. Охотничий путик вёл к капканам и ловушкам. Вот уже были сняты три колонка. При переходе ключа в небольших торосах, угодила в капкан осторожная норка. Качество меха радовало Ивана Матвеевича.

Вдруг Абрек принял стойку и повёл носом. Но не лаял. Опытный пёс.

Охотник снял с плеча ружье и повёл стволом в ту сторону, куда смотрел, дрожа от азарта телом, верный Абрек. Солнце, отражаясь своим ярким светом на снегу, слепило промысловика. Иван Матвеевич протёр глаза, слегка прищурился и увидел на расстоянии около трёхсот метров, как огромную марь пересекали два лося. Самец и самка. Они, судя по их неспокойному поведению, раньше собаки и человека почувствовали опасность. Зверь есть зверь.

Они быстро, насколько это возможно, по глубокому снегу покидали место своей лёжки.

Даже на таком приличном расстоянии было заметно, что самец очень крупный, породистый. Как корона таёжного царя, на его голове красовались кустистые рога, придавая зверю статус волевого, сильного, гордого самца – властелина таёжного царства.

– «Красавец какой!», – с восхищением подумал Иван Матвеевич, с сожалением беря на мушку бегущего зверя. При всем том, что план по добычи дикого мяса необходимо выполнять, самок он старался, по возможности, оберегать от выстрела.

Когда мушка винтовки попала в прорезь прицела, чётко выделяясь на тёмном теле лося, охотник нажал на спусковой крючок. Выстрел на морозе получился короткий, хлёсткий. Зверь как будто наткнулся на невиданную стену. Он резко остановился, упал на передние ноги, и было непонятно, то ли старался не упасть на марь, двигаться дальше, или же упасть, чтобы потом никогда не подняться. Самка отбежала ещё несколько десятков метров, задрав голову, тревожно вдыхая через ноздри холодный воздух, пытаясь понять, откуда пришла опасность.

Туша самца медленно, нехотя склонялась к земле. Было видно по конвульсиям, беспорядочным резким движениям ног, головы, что жизнь постепенно уходит из этого сильного, гордого тела.

Абрек с лаем мчался к добыче. Самка быстро, с оглядками, уходила в сторону темнеющего горизонта и уже была близка к цели.

Иван Матвеевич весь в испарине, тяжело дыша, подошёл, когда зверь уже не дышал. Выстрел получился более чем удачный. Пуля пробила сердце, избавив лося от страшной физической, и однозначно, душевной муки.

Охотник присел на тушу поверженного дикого животного и закурил. Потом в небольшой рёлке, насобирав хвороста, разжёл костёр, набив снегом котелок и вскипятил воду. Быстро перекусив, разделив трапезу с верным четвероногим другом, Иван Матвеевич достал из ножен нож. И попробовал его по привычке большим пальцем правой руки на бриткость.

Зимний день проходил быстро. Солнце перевалило далеко за полдень, когда охотник закончил свежевать зверя. До зимовья, грубо прикинув на глаз, было около полтора десятка километров.

Трактор ДТ-75 стоял в замороженном состоянии под дощатым навесом, и несколько дней не запускался двигатель. Чтобы его завести, нужно разжечь хороший костёр под железной ёмкостью со льдом, довести лёд до состояния воды и кипячения, чтобы эту воду залить в радиатор, завести и прогреть дизель. На это требуется немало времени. К тому же, до зимовья нужно ещё дойти.

Иван Матвеевич «подмолодил» костерок, согрел чая. Солнце уже приближалось к макушкам лесного массива, придавая горизонту малиновую окраску. Первый признак приближавшегося большого мороза. Охотник, человек довольно пожилой, изрядно устал от ходьбы, тяжёлой работы, эмоций.

– Передохну ночь до утра возле костра, – подумал он. Время шло ближе к ночи. Жаркий костёр на морозном ветру не давал комфорта ни душе, ни телу.

Промысловик встал, расчистил подручными средствами небольшое место от снега. Поставив с минуту, что-то соображая, он с большим трудом положил, как можно больше выровняв от складок, шкуру, снятую с туши добытого сохатого, на очищенное от снега место. Холод пронизывал насквозь. Пропотевшее тело и мокрая от обильного пота экипировка охотника застывали от дикой стужи.

Иван Матвеевич сделал десяток резких упражнений, попил чая, положил в костёр средних размеров полусухой ствол листвяка – валежника, чем привёл в оживление поникший костёр, который, кидая весёлые искры с дымом, заговорил, точно живой.

Промысловик оценивающим взглядом окинул так называемый табор, присел на шкуру лося, достал сигарету и, жадно затягиваясь, как бы согреть едким никотином продрогшее нутро, выкурил её.

Яркая луна и чётко поблескивающие звезды на чистом небе, обнимающие Млечный Путь, подтвердили, что мороз шутить не собирается.

Иван Матвеевич прислонил винтовку к рядом стоявшей лиственнице, что-то буркнув свернувшемуся калачиком недалеко от костра Абреку, и прилёг на шкуру, спиной к огню. Густая шерсть, хоть совсем не тёплая, все же приятно приласкала тело замёрзшего человека. Теплее стало, но за пазуху нагло проникал холод. Охотник туго свернул в рулончик рюкзак, и, использовав его как подушку, подложил под

голову. Затем, повернувшись лицом к костру, как мог, завернулся в звериную шкуру, которая, имея приличную площадь, выполняла функцию матраса и одеяла. Стало тепло и уютно. Абрек, поскуливая и посапывая, дремал у изголовья хозяина, перебравшись к нему от обильно стреляющих искр костра.

Усталость и приходившее тепло делали своё дело. Иван Матвеевич спал, блаженно улыбаясь, и видел хороший, добрый сон. Он дома, со своей супругой, Таисией Пантелеевой после жаркой баньки сидит за круглым столом и пьёт душистый чай, вприкуску с сахаром – рафинадом. Жена многообещающе улыбается и такая красивая, с накинутой на красивые сильные и одновременно нежные плечи яркой, цветной, цыганской расцветки, шалью, как тридцать пять лет назад, когда он привел её, молодую, красивую девушку в отчий дом. Было тепло, хорошо и спокойно.

Спокойствие вдруг как-будто нарушило какое то противное царпанье за дверью избы. Кто-то пытался войти внутрь помещения и не мог в темноте нащупать дверную скобу. Иван Матвеевич встал, подошёл к двери и усилием руки открыл её. Мгновенно в лицо ударил холод и с морозным паром стал проникать в помещение. Одновременно послышался вой нескольких деревенских собак, где подмешивался голос его Абрека. Что-то неприятно холоднуло в области сердца. В душу закралась тревога, которая холодом проникла в душу человека. Иван Матвеевич открыл глаза. Он уже не спал. Сон, как рукой сняло. Костёр догорал, кидая едкий дым, который подчинялся воле разгулявшегося ветерка. Абрек повизгивая, и виновато пряча глаза, жался к хозяину. Недалеко, в темноте охотник услышал душу леденящий вой. Это были волки. Те самые жестокие, дерзкие, голодные, которые зимой особенно, ни щадили никого – ни человека, ни животных, лишь бы насытить свой постоянно требующий пищи желудок.

У охотника, который добывал медведя, рысь, того же волка, повидавшего много в промысловой работе, в жилах стыла кровь от закравшегося в душу страха. К такой ситуации привыкнуть не возможно. Иван Матвеевич хотел быстро вскочить на ноги и, вооружившись винтовкой, которая находилась в нескольких метрах от него, отпугнуть хищников. Но не тут – то было! Шкура сохатого, ранее влажная от крови и жирового слоя, превратилась под вли-

янием мороза в жесткий, сковавший человека, панцирь. Охотник попытался как-то выбраться из этого панциря, пытаясь привести в движения свои конечности. Максимально приложенные усилия ничего не дали.

Абрек чувствовал настроение хозяина, понимал, что волки, звери очень умные, увидев добычу, приближались к жертве. Костёр почти погас, а так бы огонь как то продлил надежду на спасение.

«Всё, конец», – как-то спокойно с высоты, своего не очень большого возраста подумал Иван Матвеевич, но не потерял надежды, «включил» мозги, которые в нынешней экстремальной ситуации заработали, как электрический счётчик под большой нагрузкой.

И тут охотник вспомнил, что в правом кармане брюк на бедре находится ножик-скалдышок. Обыкновенный перочинный ножик, который он использовал для мелких бытовых работ. Очень удобная вещь.

Он попытался правой рукой дотянуться до кармана. Кожаный, обледеневший панцирь не позволял этого сделать. «Близок локоток», – горько усмехнулся Иван Матвеевич. В голове прокручивались все варианты. И тут пришла не плохая идея! Используя тепло своей руки, человек начал делать сначала маленькие амплитуды пальцами руки. От трений участок шкуры стал мягче. Заработала кисть руки, увеличивая пространство для более желаемых амплитуд. Время шло, но с пользой. Охотник, потеряв счёт времени, отчаянно боролся за своё освобождение.

И вот, наконец, Иван Матвеевич просунул руку в карман и с большим трудом извлёк из него перочинный ножик, который показался ему самым дорогим и желанным предметом в его жизни.

Потом, ломая ногти на пальцах руки, открыл лезвие ножа. Немного передохнув, начал протыкать шкуру. Наконец клинок ножа оказался наружи, вне кожаного капкана.

«Теперь не пропаду», – взбодрился охотник, принялся пилить шкуру сантиметр за сантиметром, освобождаясь от скованности своего тела.

Собака, возможно, понимая намерения хозяина, рыча, зубами и когтями рвала края резаной шкуры.

Наконец Иван Матвеевич, в буквальном смысле, как из маленькой пещеры выбрался на волю к потухнувшему костру. Усилиям воли заставил себя доползти до винтовки и передёрнуть затвор. Всё! Свобода! Теперь волки не страшны, а в подкинутый в угли костра хвост, ярко пылая, вселял в душу радость и надежду на лучшее. Собака радовалась вместе с человеком. Оно и понятно. Столько лет вместе радовались и огорчались. Теперь опять радуются!

«Все, Абрек, будем жить!», – радостно крикнул Иван Матвеевич, присматриваясь к куче сложенного и прикрытого ветками ярника дикого мяса, и уже думая, как бы его вывести к складу возле зимовья. Но это его особо не волновало. Душа ликовала как у человека, родившегося второй раз в своей жизни.

Горизонт свежел, давая рождение следующему дню, который также будет насыщен радостями и огорчениями, без которых невозможно жить в этом мире.

Жанр «Проза», 2 место

АЛЕКСАНДР СОБОЛЕВ

Литературная гостиная МБУ «Зейская городская библиотека»

ТОК

Впервые тетеревов я увидел в пору работы в Зейском заповеднике. Случилось это в 1981 году, и помню, как поразило меня то, что стая, примерно из двадцати птиц, рассевшись на ветках берёз, совсем нас не боялась. Тетерева только перелетали с дерева на дерево и удивлённо поглядывали на нас сверху.

– Что, Михалыч, впервые таких красавцев видишь? – спросил лесник. – Ничего, свожу я тебя нынешней весной на тетеревиный ток.

Со временем этот разговор забылся, а весной, когда снежный покров сошёл, напомнил мне Александр своё обещание и сказал, что отправимся в ближайшую пятницу. По его совету, к предстоящему походу подготовились основательно. Весна весной, но ночи в первой декаде апреля ещё зимние, и пришлось достать шапку, валенки, тёплые рукавицы.

На машине добираемся до того места, куда ещё можно было проехать, а затем, оставив легковушку в лесном закутке, отправляемся в лес. Примерно через час неспешной ходьбы оказываемся на большой поляне, а потом по кромке леса добираемся до густого лиственного молодняка. Среди густого древостоя на четырёх «столбах» возвышается «сидьба». Для начала рубим лапник и укладываем его на каркас. По ходу работы Александр поясняет, что маскировка нужна для того, чтобы главный токовик нас не учуял. Замаскировались отлично, а пока солнышко ещё светило, ходим по речке. Надёргали харюзков на ушицу. Вечером сварили ушицы, покушали под стопочку, а на свежем воздухе ушица кажется удивительно вкусной и ароматной. У костра сидим допоздна, а после по темноте, подсвечивая себе фонариком, вскарабкиваемся на «сидьбу» и забираемся в спальники.

– Утром начнётся ток, – предупреждает Александр и тут же начинает похрапывать.

Я же долго не могу заснуть, а заснув, просыпаюсь каждый час. А ночь кажется бесконечной, и, отчаявшись первым увидеть рассвет, засыпаю и я. Просыпаюсь от дружеского толчка в бок.

– Вставай, соня, светает. Вон уже и тетёрки – первые зрительницы – места занимают.

Александр тычет рукой в крону лиственной, которая едва высветливается в предрассветном небе, а я долго не могу увидеть то, что успел разглядеть мой напарник. Потом будто пелена падает с глаз, и я ясно вижу сидячих в кронах деревьев птиц. Насчитал восемнадцать тетёрок, которые чинно, как пришедшие в театр зрительницы, ждут начала спектакля. В ожидании представления они переглядываются и, кажется, о чём-то шепчутся.

Вскоре уже видна вся поляна. Рассвет вступает в свои права, всё заметнее светлеет, и вот уже видна вся поляна. Мы ждём начала представления, и оно начинается. Напряжение начинает спадать, когда на середину поляны, под оглушительное хлопанье крыльев, «падает» тетерев-косач. Крупная птица, чернее чёрного, и только на крыльях красивые беленькие перевязочки.

– Это – главный токовик, – шепчет Александр, – сейчас всё начнётся. Тетерев с подозрением оглядывает поляну и неожиданно поворачивается к «сидьбе», на которой притаились мы. Он расфуфыривается и, чуфыкая, несётся в нашу сторону. «Заклюёт сейчас!», – паникую я про себя, хотя прекрасно знаю, что птица на такое вряд ли способна, но в ней столько азарта и первобытной силы!

Добежав до «сидьбы», тетерев широко расставляет крылья: вот какой я сильный и смелый. Тетёрочки на деревьях не остаются равнодушными и начинают шевелить крыльями, как бы аплодируя. А главный токовик оглядывает кроны деревьев, выгибает шею, наклоняется к земле, выставив лирообразный хвост, и начинает чертить своими косыми крыльями землю. Убедившись, что внимание тетёрок завоёвано, косач приступает к песне.

Для человеческого слуха, это не более, чем бормотание, состоящее из звуков, вроде «по-по-дамбу-бу, пу-пу-пу, ба-ха-хоп». Вытянулся токовик в струнку, но грозную статью не потерял: «Ну, кто первый? Выходи, задам трёпку!». Неожиданно ещё один тетерев, а следом за ним ещё штук двадцать, падают один за другим на токовище. Главный токовик надувается, все перышки становятся дыбом, голова – над землёй, хвост – веером и песня-вызов: «Чурф-фф, чурф-фф». Потом замолк, ожидая принявшего вызов соперника.

Ожидание длится недолго, и вот уже выходит на поляну первый храбрец. Тетёрочки на ветках замерли в ожидании, но делают вид, что происходящее их не касается. Вроде и не ради них слетелись на поединок красавцы с чёрно-белыми хвостами и бордовыми бровями. Каждому из них хочется показать залётным подругам свою удаль и статью, и вот уже вся поляна превратилась в поле битвы.

Бьются косачи друг с другом, а ночь уже кончается, отлетает прочь. Ток во всех подробностях виден хорошо. Главный токовик ближе всех к «сидьбе». Он побеждает уже четвёртого соперника, и тот позорно покидает поле боя. Его место занимает очередной косач. Он молод, силён, храбр и явно не намерен уступать в поединке. С ходу налетает на нашего героя, а тот, не ожидая подобного от этого наглеца, отскакивает в сторону. Потом, опомнившись, злобно хрипит «чурфши-чурфши». Ударились грудь о грудь, а тетёрки шейки от волнения вытянули: чья возьмёт?

Бойцы долго не уступают друг другу. Оба хороши в битве за продолжение рода. Бьются не на жизнь, а на смерть. Сходятся с треском ломающихся крыльев, бьются друг с другом сильными, кривыми, как турецкий ятаган, кры-

льями. Не понятно, кто побеждает?! У молодого бойца уже сломана пара крепких перьев в крыльях, а матёрый тетерев то и дело трясёт головой, из разбитой брови капает кровь, заливая глаз. Но как молодому уступить?! Он же главный на току, лучший!

Уступать никто не хочет, и разбежались противники по обе стороны от места поединка, чтобы сойтись опять на её середине для окончательной схватки. Вот-вот сойдутся в поединке. Но здесь происходит то, что трудно объяснить. Сидевшие выше всех на дереве две тетёрки неожиданно опускаются на поляну, каждая – перед своим избранником. Разгорячённые бойцы стремятся навстречу друг другу, а тетёрки, распушив крылья, отесняют соперников друг от друга. Своими действиями они как бы говорят: «Хватит, не калечьте друг друга. Оба хороши и оба нужны для продления тетеревиного рода».

Напарник трогает меня за плечо и шепчет: «Всё, распадётся ток. Не может быть на нём двух главных «токовилов!»». Бои между оставшимися бойцами продолжались до восхода солнца. Едва первые солнечные лучи касаются поляны, как все птицы разлетаются.

Увиденное оставило неизгладимый след в памяти, и долго я ещё вспоминал необычный поединок с его неожиданным финалом.

На следующую весну мы приехали на ток, но первое утро было спокойным: без поединков, на поляне была тишина. А вот уже на второе утро, до рассвета, проснулись мы от птичьего чурфырканья. Не видно ни зги, но, судя по звукам, птиц на поляне собралось много. Когда темнота немного отступила, увидели незабываемую картину: на поляне, напротив друг друга стояли две большие стаи птиц.

Шум стоял оглушительный. Шумели птицы долго, а потом одна стая снялась и, чурфыкая, облетев токовище, унеслась прочь. Оставшаяся стая рассыпалась по поляне, и здесь я увидел того главного токовица, бойца-красавца. Он вновь был на токовище, значит, ток остался на месте, а улетевшая стая образует новый ток.

Такова жизнь!

«ШУЛЮПКА»

В бытность моей работы в заповеднике большинство работавших в Золотогорском лесничестве были молодые ребята, и все – заядлые охотники на боровую, водоплавающую дичь или рыбаки. Всю зиму, весну и лето любители пострелять копили отгулы, чтобы осенью отвести охотничью душу, как они говорили, «по полной программе». «Да ещё похлебем вдоволь «шулюпки», – добавляли при этом.

Незнакомое слово заинтересовало, и я попытался выведать, что оно значит.

– Словами это, Михалыч, не передать, ты осенью поезжай с нами, и накормим тогда тебя ею до отвала, а то на словах не поймёшь.

Это было в марте месяце, до осени далеко, и со временем разговор как-то подзабылся. В августе я пошёл в отпуск, а в один из дней, перед началом охоты, ко мне домой приехал лесник. Напомнил тот разговор и велел быть готовым выехать на следующий день утром.

Леснику собраться, что подпоясаться: спальник, палатка и снаряжение всегда наготове. Утром у калитки раздался короткий сигнал УАЗика, и мы покатали в сторону урочища Знаменка. В то время там, на бугре за ключом, стояла сделанная из бруса небольшая избушка: впоследствии она была уничтожена, временный приют был ликвидирован сознательно. Печка оказалась на месте, и нам только осталось накосить травы, набросать её на нары, застелить брезентом, да затянуть оконные проёмы прозрачной плёнкой.

Утром мои товарищи отправились на озёра подправить шалаши да «сидьбы», а мне поручили наловить рыбы. В реке Гулик я быстро надёргал полную банку гольянов да столько же харюзков. Гольянов в тот же вечер зажарили с яичницей, а когда я заикнулся про хариусов, то мне втолковали, что они пойдут на «шулюпку».

Охота началась с вечерней зорьки следующего дня. Мне поручили проверять расставленные в речушке мордуши. Воды в реке было не больше полуметра, и я, не спеша, смакуя каждый шаг, с удочкой в руках двигался по

руслу. Стою, любуюсь прозрачными струями, вдыхаю полной грудью чистейший воздух и вдруг краем глаза замечаю, как из-за поворота появляется что-то яркое и привлекательное. Осторожно поворачиваю голову и вижу невероятно живописных, как новогодние игрушки из детства, уток-мандаринок. Редкие в наших краях птицы проплыли в двух шагах от меня, одарив надолго незабываемым впечатлением.

С уловом в руках к избушке я возвращался уже в сумерках, а скоро прекратилась пальба на озёрах, и охотники вернулись с добычей.

Уток ощипали, рыбу выпотрошили, а рядом с избушкой развели костёр.

– «Шулюпка», – пояснили мне, – готовится не на открытом огне, а на углях, и нужно подождать, покуда нагорят угли.

Пока костёр прогорал, собрали стол, открыли бутылочку и первый тост провозгласили за начало охоты. Как только кострище заалело углями, появился на свет казан литров этак на семь. Посудину установили на угли и для начала уложили в неё привезённое из дома сало. Скоро аппетитно запахло жареным салом, и неотвратимо назревал второй тост. После того, как вторая стопка была опрокинута, приятель метнул в казан по большой пригоршне лука и моркови.

В котле зашкворчало, и такой аппетитный дух пошёл, что все невольно подумали о третьей стопке. Выпили по третьей, но наш шеф-повар свои обязанности не забывал: постоянно помешивал, чтобы не пригорело. По одним, только ему понятным признакам, определил наш кашевар, что подошла пора укладывать в казан потрошки. Следом подошёл черёд помидоров и сладкого перца, а затем туда уложили тушки четырёх крякв.

Тем временем из избушки принесли вскипячённое на печурке ведро воды и наполнили ею казан. Закрыли его крышкой, и варево стало томиться на углях. Пока в посудине потихоньку булькало, предложил я очередной тост за метких охотников, их зоркий глаз и твёрдую руку. Тост был принят благосклонно. Потом

разговор скатился на рыбацкие истории, потому что следом в посудину должна была пойти крупно нарезанная рыба и грибы.

Всё честь по чести сделал наш кудесник, а когда рыба сварилась, он торжественно поднял крышку и объявил торжественно: «Шулюпка» готова!». От одного только запаха такой зверский аппетит прорезался, что живот стянуло судорогой.

Сказать, что «шулюпка» – это вкусно, значит, ничего не сказать. Я не берусь описать

словами то, с каким аппетитом мы её ели. За рассказами о рыбацких и охотничьих приключениях просидели до самого утра, в душе царили покой и умиротворение.

Уже забрезжил рассвет, когда сон окончательно сморил. Растянувшись на брезенте, наброшенном поверх свежескошенной травы, мы захрапели. А впереди были ещё несколько дней с вечерними зорьками и невероятной «шулюпкой».

Жанр «Проза», 3 место

НИКОЛАЙ ГУБИН

Клуб любителей поэзии «Мецца воче», г. Шимановск

РАССКАЗЫ ГЕОЛОГА

В снежном плену

После окончания техникума дали месяц отпуска. Провёл его дома, занимался домашними делами. Надо было всё привести в порядок, сделать запас дров, чтобы матери не было лишнего беспокойства, так как я уезжал надолго.

В середине марта пошёл снег. Густой, крупными хлопьями, шёл несколько дней и насыпал сугробы в полтора метра высотой. Такого уже давно никто не помнил. Пошёл я со своей собакой в сопки прогуляться. Просто интересно стало. Абрек прыгает по сугробам, снег рыхлый и он с головой уходит в сугроб. Очень смешно было смотреть, как он от туда выбирался. Абрек хоть и крупная овчарка, но из сугроба выглядывал только нос. С большим трудом пробираемся через марь, поднимаемся через расщелину на «Похомовы» поля. И тут вижу, из чащи выскочили косули. Прыгают по снегу через поле, только рога и уши торчат. Оттолкнувшись от земли ногами, выпрыгнут на полкорпуса из снега и опять уходят в сугроб с головой. Пробегают от меня метрах в двадцати и очень медленно. Абрек кинулся за ними, скачет от них в десяти шагах, но расстояние не сокращается. Выпрыгнет на поверхность, повертит головой и опять ныряет в снег. Проводил их взглядом до чащи, кое-как отозвал Арбека. Выглядел он очень глупо: с недоумёнными глазами и длинным языком наружу. Повернули домой, так как чувствую, что и сам уже устал, да и взмок весь от пота. Кое-как перешли через марь. Чувствую, что силы на исходе. Уже пожалел, что ушёл так далеко, да ещё по такому глубокому снегу.

Стою в дубовой рощице, держусь за молодой дубок и тоскливо смотрю в сторону своего дома. В глазах уже жёлтые и тёмные круги. Ну, думаю, вот это номер. Хоть бы кто увидел меня здесь. А то так и останусь в этом снегу и найдут меня только по весне, когда снег сойдёт. И так грустно мне стало. Прижался к дубочку, отдохнул немного, посмеялся над собой и над своей паникой и двинулся в сторону дома. Мой верный пёс не отставал от меня. Сзади осталась глубокая траншея, как будто трактор прошёл. Проголодался до того, что бросал в рот всё подряд, причём большими кусками. Когда немного пришёл в себя, вспомнил про своего верного друга. Абрек глотал не меньшими кусками, а может и большими. Только когда у него пропал голодный блеск в глазах, у него смежились веки и он заснул в своей конуре беспокойным сном. Больше мы с ним не рисковали, пока не сошёл снег.

Мой друг – компас

Работая в экспедиции техником-технологом уже второй год, меня по-прежнему серьёзно не воспринимают, особенно те, кому пришлось работать со мной, начиная с инженерно-технического состава и заканчивая маршрутными рабочими. Проработав сезон со своим начальником партии, почувствовал полное доверие с его стороны. Он поручал мне наиболее ответственную работу, зная, что я разобьюсь в щепки, но сделаю всё как положено. Остальные, особенно рабочие, которые, в основном, годились мне в отцы, считали меня, в лучшем случае студентом, в худшем – десятиклассником, что приводило

меня в растерянность. Иду с новым рабочим в маршрут. Он в самом начале начинает мне рассказывать о житейских премудростях. Мне приходится выполнять свою работу и слушать его рассказы. Остаётся, не вникая в детали, только поддакивать ему. Он ведь не понимает, чем я занимаюсь. Да ему и не положено по инструкции ни задавать мне лишних вопросов, ни, тем более заглядывать в мою документацию, так как работа наша имела некоторую степень секретности. Например, местный охотник, с которым мы иногда охотились и были в дружеских отношениях, как-то попросил снять ему под копирку на кальку территорию его охотничьего угодья. На моей карте стоял гриф «Секретно». Я его предупредил, что по инструкции я уже обязан сообщить о нём в службу безопасности. Больше он с такими вопросами ко мне не обращался, и мы остались друзьями.

Так вот, в конце маршрута мой «учитель» уже еле тащил ноги, потратив все силы на разговоры. Урок пошёл ему на пользу и объяснять ничего было не нужно – в следующем маршруте он делал только то, что ему положено.

С другими рабочими было ещё смешнее. В маршруте, глядя, как им показалось, на мой слишком юный возраст, они вдруг при возвращении в лагерь стали сомневаться, а туда ли мы идём? В этом случае знаю, что силы свои и нервы не стоит тратить на споры. Поэтому, хотя я должен был удержать их от ошибки, я не стал этого делать. Наоборот, разрешил им идти туда, куда они считают идти правильным, а я пойду своей дорогой. Они надо мной посмеивались, говорили, что по приходу в лагерь посигналят мне выстрелом из ружья.

Прихожу в лагерь, присел у костра в ожидании рабочих, пью чай. Начальник отряда смотрит на меня и на кусты, откуда я вышел: «А где рабочие?». Отвечаю, что они не доверяют мне и пошли своей дорогой. Взбешённый начальник начинает стрелять вверх. Рабочие появились через пару часов, еле волоча ноги и с уставшими лицами. В таком случае начальник отряда строго предупреждает провинившихся, либо увольняет, несмотря ни на какие просьбы и мольбы. Поэтому в следующие маршруты все мои напарники слушались меня беспрекословно.

Так как мы начинали работать на совершенно незнакомой местности, причём в глухой тайге, с горами, болотами и т.д., но за всё время моей работы не было случая, чтобы я заблудился,

хотя с некоторыми геологами такое несчастье бывало. Но это случилось не оттого, что я обладал сверхинтуицией, или имел семь пядей во лбу, просто я плотно работал с компасом и картой. Просто я уже был «учёный». Ещё в начале работы, я как-то засомневался в компасе, показалось, что хожу по кругу. Ну, думаю, здесь, наверное, какая-то аномалия и сбивает компас. В общем – убрал своего помощника и понадеялся на своё «сверхъестественное». В итоге залез в такие дебри, можно сказать «к чёрту на кулички», и пришлось по своему следу возвращаться на исходную, где убрал компас. В дальнейшем ему доверял уже на сто процентов и больше никаких проблем не было.

Природное явление

Мы проводили геологическую съёмку по нижнему Амуру. Чаща невероятная, местами проходили путь лишь один километр за два часа. Особенно трудно приходилось продирается сквозь заросли аралии. Кустарник высотой два-два с половиной метра, весь усыпанный острыми шипами два-три сантиметра длиной. Стоит он перед тобой стеной и никак не обойдёшь его. Я шутил по поводу его названия: как начинаешь через него продирается, так начинаешь орать. Отсюда и название – аралия. Но встречались препятствия ещё похлеще. Стоит перед тобой кустарниковая стена, высотой под два метра, и вся сплошь красного цвета. Это клещи настолько облепили кустарник, что придали ему такой цвет. И вот, натягиваешь на голову капюшон от «энцифалитки», затягиваешь тесёмки, чтобы остались только одни глаза, кисти рук втягиваешь в рукава и изнутри зажимаешь края пальцами и – вперёд. Когда проходим этот участок, останавливаемся, счищаем друг с друга это счастье и двигаемся дальше.

Но и это ещё не самое страшное. Как-то раз в маршруте слышу – сзади меня напарник окликает меня, зовёт к себе. Оборачиваюсь, вижу – сидит на земле. Подхожу к нему, а у него только одна нога, а вторая по пояс в земле, и он не может подняться. Предупреждает: «Близко не подходи». Вырубил длинный шест, кладу возле него. Он упирается в него руками и всё равно не может вытащить ногу. Вырубаю ещё пару жердей, бросаю ему. По ним подхожу к напарнику, и с большим трудом вытаскиваю его из земли. На том ме-

сте, где была его нога, обнаруживается чрезвычайно липкая, полужидкая глина жёлтого цвета. И это на склоне горы, в окружении кустарников и деревьев. Пробую шестом глубину, и он уходит вглубь на четыре метра. Напарнику просто повезло, что он угодил в это место только одной ногой. Попади он туда двумя ногами – моментально бы исчез, как испарился, и никто и никогда его бы уже не нашёл.

Позже, просматривая Энциклопедический словарь, обнаружил, что это природное явление называется «слайда». Это явление очень редкое, но и очень опасное.

Встреча с медведем

В конце лета мы обследовали бассейн реки Горелой. Со мной был рабочий – молодой паренёк, только закончил школу и приехал с Сахалина подработать в экспедиции. Нас подвезли по дороге, пока она не закончилась, а дальше добирались по чаще до нужного места. Сверившись с картой, выбрал подходящее место для лагеря. Сделали из жердей нары, натянули накомарники, а сверху целлофановый тент. В общем – обосновались. Пока Саня готовил еду, я обследовал территорию вокруг лагеря. Буквально в двадцати метрах от нашей стоянки обнаружил медвежью берлогу, конечно, пустую в это время года. Чуть дальше в нескольких местах валялись обглоданные кости лося.

На то, чтобы отработать участок, нам отводилось около недели. Работа уже подходила к концу. Оставалось отработать левый приток среднего течения реки. Это один день плотной работы. Работа, конечно, не простая. За день набродишься по чаще, вечером перекусишь, а потом залезаешь в спальные мешки, немного поболтаешь и засыпаешь богатырским сном. И вот, как-то ночью сквозь сон чувствую, что кто-то толкает меня в правый бок. Мой напарник спит с левой стороны. Сразу срабатывает рефлекс самозащиты. Хватаю через накомарник «шутника». Похоже на чью-то морду. Пальцами нащупываю большой широкий нос и большие клыки. Ещё толком не проснулся, а в голове скачет лихорадочная мысль: «Что же делать?». Понял, что это медведь. Отталкиваю его голову. Он сбрасывает с морды мои руки и опять толкает носом в бок. Я опять хватаю его за морду и начинаю выкручивать ему нос. Он опять сбрасывает мои руки и опять

толкает меня. Эта борьба продолжается пару минут, пока я не хватаю его за морду и не толкаю ему пальцы в ноздри. Он оттолкнул руки, фыркнул, схватил спальник носом в районе ног, забросил на напарника и ушёл. Лежу поперёк соседа и не пойму – толи кошмар приснился, толи – это страшная реальность. Саня проснулся. Спрашиваю: «Ты что-нибудь слышал?». Отвечает: «Нет». Поправляю накомарник, спальный мешок. Дальше уснуть боимся. Ружья у нас нет. Мне, как молодому специалисту, оружия ещё не положено. Санька сидит с выставленным ножом, я кидаю из-под накомарника в темноту ветровые зажжённые спички. И так до утра. Всё ещё не верим, что это было на самом деле. А утром, едва рассвело, стали осматривать правую сторону нашего ночлега. Обнаружили содранный мох и чёткие отпечатки медвежьих лап. В восемь утра выхожу на связь с базой и сообщаю ситуацию. Через несколько часов здесь уже целый вооружённый отряд. Обошли всё вокруг – ничего не обнаружили. Оставили мне старое ружьё с патронами, но стрелять в медведя запретили. Только вверх, чтобы отпугнуть его.

Ну, думаем, ещё одну ночь мы не выдержим: либо он нас задавит, либо мы сойдём с ума. В общем – нервы на пределе. Решили быстро доработать участок и вечером уходить. В двенадцать часов дня выходим в маршрут. Беру азимут по компасу, подсчитываю шаги. Саня сзади, боится отстать, тычется носом в спину. И тут, как будто ладонями уши зажали: шагов не слышно, на перепонки как-то ритмично давит. Спрашиваю Саню: «Слышишь что-нибудь?». Он послушал: «Нет». А я чувствую, что кто-то ходит вокруг нас. А заросли вокруг густые, в десяти шагах уже ничего не видно. Сели на валёжину отдохнуть, а он всё ходит вокруг, метрах в двадцати от нас. Стрельнул над ним, а реакции никакой – как ходил, так и ходит. Решили с напарником, что он от нас не отстанет и придётся стрелять в него.

Стали выбирать просвет, чтобы увидеть его. Первым его заметил Саня. Стоит в просвете в сорока метрах от нас. Голова большая, уши лопухами, шерсть на солнце золотится. Симпатичный такой, как в цирке. Саня говорит: «Давай поближе подойдём». Я не успел рта открыть, а напарник, как под гипнозом, пошёл навстречу медведю. А тот как побежит на него, причём прыжками, прыжками. Здесь

уже мне пришлось выскочить впереди Сани и вскинуть ружьё. Медведь выставил лапы вперёд, проехал на них, как на лыжах и за дерево на задние лапы встал, передними в ствол упирается. Прицелился ему в голову, а он начал головой качать. Пришлось стрелять в грудь, прямо в белую птичку. Он упал на бок, потом перевернулся на живот и пополз на нас. Я стал ружьё перезаряжать, чтобы добить его, но патрон застрял. Медведь заполз в чащу и словно ветер пронёсся. Кинулся ему наперерез, но куда мне. Немного пробежал за ним, безнадежно отстал. Да и опасно, и за пацана побоялся.

А тут ещё работу доделывать надо. Но оказалось, что у Сани нет рюкзака с инструментами. Спрашиваю: «Куда дел?». А он отвечает: «Ты сказал бросить, я и бросил». Пришлось идти на исходную. Взял тот же азимут, отсчитал триста двойных шагов, остановился. Ну, думаю, всё – инструмента нет, работу не доделали. В сердцах ругнулся, обозвал Саню простофилей. А потом глянул под ноги, а прямо под ногами лежит его рюкзак и инструменты. Чудеса, да и только.

До темноты доделали участок и возвращаемся на базу. Тьма кромешная, а мы без фонаря. Ориентируемся по ручью, так как нет никаких дорог, ни троп. Лес стоит так густо, что между некоторыми стволами приходится с трудом протискиваться. А тут ещё через то место приходится идти, где ранили медведя. Говорю Сане «Ты не говори, что мы в медведя стреляли, а то влетит». «Ладно», – отвечает. Но не успели мы ещё до базы дойти, а он издали уже кричит: «А мы медведя стреляли!». Пацан, что с него возьмёшь!

В общем, предупредили местных охотников, рассказали подробности. Они сделали вывод, что раненый медведь ляжет где-нибудь в ручье и умрёт. Если бы не этот случай, я так бы и думал, что это кошмарный сон. Потому что со мной уже был такой случай – медведь приходил ночью и игрался. Но тогда я думал, что это сон. Но после этого случая, когда группой устраивались на ночлег, я уже никогда не ложился с краю.

На горе «Сахарной»

Есть поговорка: не сахарный, не растаешь. Вот эту поговорку пришлось испытать на себе.

У нас по плану нужно было отработать отроги горы «Сахарной». Со стороны, на фоне синего, чистого неба она смотрелась величественно, и даже венчик из белого облака украшал её вершину. Взяли с собой продуктов из расчёта на три дня и отправились на задание. Погода стояла ясная, дождей не намечалось. Перевалив несколько перевалов, к обеду добрались до склона самой горы. К этому времени погода как-то неожиданно изменилась, стал накрапывать дождь. Оборудовали лагерь и решили завтра с утра начинать маршруты. Дождь шёл всю ночь. Утром, проснувшись, обнаружили, что он и не заканчивался, а, наоборот, поливает, как из ведра. Сидим в палатке, а дождь поливает весь день.

И тут в моей голове что-то «щёлкнуло», до меня дошло, что это за красивый венчик вокруг вершины сопки. Говорю ребятам, что этот дождь здесь никогда не кончается и надо делать маршруты. Три дня ходили в маршруты под проливным дождём. Утром кое-как разводили костёр берёзовой корой и пускали смолы, расщепляли валёжины, выбирая сухую сердцевину, кипятили чай, варили кашу или суп. А потом нагревали у костра сырую одежду и, пока горячая, натягивали на себя и – вперёд, под ливень. Двигаешься – значит тепло. Вечером приходили, снимали всё под дождём и раздетые залезали в спальник. Так и отогревались. И так каждый день. Закончив последний маршрут, быстро свернули лагерь и быстрее поспешили вниз. Вышли за пределы отрогов этой горы и, пожалуйста, яркое солнце, синее чистое небо, жара. Даже разомлели от тепла. Говорю ребятам, что надо вернуться и ещё один маршрут доделать. Они посмотрели на меня, как на ненормального и догнал я их уже только возле нашей базы.

Жанр «Поэзия», 1 место

ИРИНА САММ

Литературное объединение «Росчерк пера», Шимановский район

ДЕВЧОНКАМ ВОЕННОЙ ПОРЫ

Когда пела над Амуром вьюга,
Глухо ветер подвывал в трубе,
Маялась под снегом вся округа,
Родилась девчонка в декабре.
Маме тяжело давались роды,
А когда и свет ей был не мил,
Улеглась, утихла непогода,
И дочурку бог ей подарил.
Плакать крохе не было уж силы,
Еле пискнув, будто замерла...
«Да она ж одной ногой в могиле!
Хоть бы до утра не умерла...» –
Шепоток испуганно метнулся.
Повитуха стёрла пот со лба,
Прикоснулась к тонкой нити пульса:
«Не умрет, чай, если не судьба».
Только мать, белей рубашки нижней,
Прошептала: «Хватит слёзы лить.
Ничего, у кошки девять жизней.
Долго-долго, дочка, будешь жить!»
И прозвали девочку Котенком,
А по святцам Катей нарекли.
Видно, правда – рвётся там, где тонко...
Восемь только вёсен отцвели,
Горький вкус сиротской тяжкой доли
Досыта попробовать пришлось.
На кого надеяться ей? То ли
На себя? А то ли на авось?
И пошла работать нянькой в люди,
Хоть совсем дитя ещё сама.
Век живи – такое не забудешь!
Лето отлело, минула зима.
Когда ей с овчинку было небо,
Без еды кружилась голова,
А в мечтах: «Ну, хоть бы крошку хлеба!...»,
Повторяла мамины слова.
Помнила с рожденья и до тризны

И шептала: «Хватит слёзы лить.
Ничего, у кошки девять жизней.
Коль жива, так значит, надо жить!»
Беды все кончаются. И всё же –
Все об этом помнят с той поры –
Было и недолгим и тревожным
Счастье предвоенной детворы.
Вырасти успев из формы школьной,
Свадебное платье ей бы шить,
И детей растить под небом вольным.
Но когда казалось: жить да жить,
От предчувствий вдруг сердечко сжалось –
Знать, беда уж кралась на крыльцо.
Ей-то невдомек, что так считалось:
У войны не женское лицо...
И в июле в добровольцев списках
Была Катя в первых же рядах,
Когда был к победе путь неблизкий
Через кровь, потери, смерть и страх.
Военному хмурому негромко
Молвила, упрямо губы сжав:
«Если уж такая обстановка,
В бой зовут и совесть, и устав.
Мне на поле боя за Отчизну
Будет честью голову сложить!
Ничего, у кошки девять жизней.
Коль мы живы, надо с пользой жить!»
Больше сотни раненых из боя
Вынесла на худеньких плечах.
Прикрывала их от пуль собою,
Боль не ощущая сгоряча,
Когда тело рвал в пылу сраженья
Раскалённый вражеский металл.
Даже невзирая на раненья
В ночь ползла под бесконечный шквал.
И сквозь грохот канонады ближней
Говорила: «Нас, брат, не сломить!»

Ничего, у кошки девять жизней.
Потерпи немножко! Будем жить!»
И не раз в атаку поднимала
Роту, когда падал командир.
Яростно, отважно воевала,
Будто на неё смотрел весь мир.
А когда ребята на привале
Водрузить в Берлине красный флаг –
Искренне, по-детски так мечтали –
И поставить подпись на рейхстаг,
Говорила с легкой укоризной:
«Это право нужно заслужить!
Ничего, у кошки девять жизней,
Значит, до победы будем жить!»
Наконец, победа – так казалось –
Близко-близко, руку протянуть.
До неё лишь сотня верст осталась.
То был многих славный, трудный путь!
Только зло, жестоко огрызался
Раненый уже смертельно враг.
И хоть над санбатом развевался

С издали крестом заметным флаг,
По нему, как в тире по мишени,
Минометы вражки дали залп.
Заполошно замелькали тени,
Землю и кирпич огонь лизал...
Уж который раз метнулась в пекло,
Раненых спасая, медсестра.
Мысль о смерти собственной поблекла
В пламени гигантского костра.
Вытащив последнего, упала
В чёрную от копоти полынь...
А над миром крылья распластала
Тихая апрельская теплынь.
«Вот и всё...» – тихонько прошептала –
Там не место для красивых фраз –
То ль о том, что с жизнью распрощалась...
То ль о том, что всех спасла сей раз.
Собрала последние силёнки,
Но подняться так и не смогла.
Что поделать, если у девчонки
Эта жизнь девятая была...

Жанр «Поэзия», 2 место

ВЕРА ЦЫКОВА

Творческое объединение «Литераторы Селемджинского района»

БЫЛ ДИКИЙ КРАЙ

Был дикий край, ни огонька, ни хаты,
На сотни вёрст раскинулась тайга,
Вдоль речек с пенным буйством перекатов
Тропа оленья к стойбищу вела.
Эвенки и якуты кочевали
Среди отрогов горных и хребтов,
Злых духов и хороших ублажали
Камланьем, приношением даров.
Размеренно текли в тайге их будни,
Ничто не нарушало тут покой,
Тревогу бил тогда шаманский бубен,
Коль лес горел иль кто-то был больной.
Тайги закон суров и беспощаден,
Его учили с детства уважать.
Земля не терпит тех, кто нагл и жаден,
Завет кто хочет предков растоптать.
Был тихий край, где тропы разной дичи
То вверх бегут, то вниз – на водопой,
Где нравы предков сберегли обычай:
Любить огонь и дух его живой!
Но разбудил тайгу сорочий стрёкот,
По тропке неприметной шёл отряд,
Речь чужаков и громкий конский топот
Глушил ворчаньем местный перекаат.
Они пришли из глубины России,
Вдруг огласилась гомоном тайга,
Плескалась в их глазах небесно-синих
Шальной голуубизною Селемджа.

Они с землёй далёкою сроднились,
Хотя обычай жизни здесь другой,
За край таёжный сердцем зацепились,
Забыв про всякий отдых и покой.
Суров закон тайги, её величье,
Не терпит фальши, лишней суеты,
Вмиг распознает подлое обличье,
К друзьям проложит крепкие мосты...
Был дикий край. Прошли десятилетия,
Обжита и освоена тайга,
Забылись годы бед и лихолетья,
Шумит весёлой песнею река.
Всё также по тайге эвенк кочует,
Тропа оленья к стойбищу ведёт,
Где снова в нём хозяин заночует
И чай с брусничкой свеженькой попьёт.
Одна беда – изрыты все распадки
И ягеля оленям не найти,
Вода в ключах не может быть уж сладкой,
Всё выше в горы надо им идти.
Вновь золотой телец здесь балом правит,
А звон монет всем застит божий свет,
Поэтому и воду в реках травят,
И ягеля в достатке уже нет.
Опомнись, человек, оставь потомкам
Клочок земли с нетронутой тайгой,
Ведь для эвенков – это жизни кромка,
Их предков милых радость и покой!..

КРАЙ СЕЛЕМДЖИНСКИЙ

Край Селемджинский с тайгою да сопками,
С дикой природой окрест,
Рвусь я к тебе потаёнными тропками,
Выбранный мною – мой крест.
Трудная доля с кайлою да киркою
По бездорожью, взахлёб,
Где перевалы с небесной притиркою
В твой упираются лоб...
Виды откроешь с речными долинами
Ты восхищённым очам:
Горы, всё горы стоят исполинами,
Вот где раздолье ключам.
Ну, а в распадках – пески золочёные,
Сплошь драгоценный металл,
Тот, что открыли здесь люди-учёные*,
Да и эвенк о нём знал.
Речку не зря ведь назвали железною*,
Что все ручьи приняла,
Много в названьях эвенков полезного,
Истин простых глубина.
Трудностей сколько извели первые,
Сколько терпели в пути,
Только упрямые, с крепкими нервами
Счастье смогли здесь найти.
Было ведь разное в годы былинные,
Тайны – хребты стерегут,
Но и поныне дорогами длинными
Люди сюда всё идут.
Манит тайга и богатства несметные,
Те, что природа дала,
Только бы были мечты наши светлыми,
Чтоб без коварства и зла.
В царские годы, порой неприветные,
Хищники разных мастей
Всё здесь искали клондайки заветные,
Грабили край без затей.
Золото было мерилем их совести,
Истово рылись ключи,
Ты отголоски клондайской той повести
В хрониках старых ищи.
Были и бунты на приисках, хищения,
Голод и холод, нужда,
Мужеством сильных, большим устремлением
Край мой держался тогда...
В веке двадцатом грядёт обновление,
Власть из Советов – оплот,

Новые строят теперь поселения,
Крепнет, растёт дражный флот.
Школы, больницы, дома и котельные –
Быстро посёлки растут,
Нет невозможного, нет запредельного,
Север – доступный маршрут.
Ольгинск, Сагур, Экимчан и Февральское,
Токур зажатый в тиски,
Стойба, Ивановский и Мариинское,
Угольный пласт Огоджи.
За Лукачком – тропки, глянть, Коболдинские,
А выше – устье Харги,
Есть минеральные воды Быссинские,
Норск да Иса средь тайги.
А старожил вспомнит с болью огромною
Сотни потерь и тревог
И Селемджинск с переправой паромною –
Сердце путей и дорог.
БАМ здесь стальной магистралью пропишется,
Новых мостов красота,
Гулкое эхо в тайге нашей слышится
Там, где лежит колея.
Где-то Албын ищет золото рудное
И Маломырский рудник,
Счастье района не лёгкое, трудное –
Скромной души золотник...
Много имён впишет в списки скрижалные
Даль Селемджинских хребтов,
Тропы эвенков здесь тайной сакральною
Стойбище чтут праотцов.
Встретит Эзоп восходящее солнышко,
Высветит луч вновь гольцы
И Селемджу всю откроет до донышка,
Все золотые ключи.
Край мой родной, поклонюсь тебе истово,
Ты – покоритель вершин,
Тех, что трудом открываются, истиной,
Мудростью зрелых седин.
В мире милее сторонки не сыщется
С тысячью рек и ручьёв,
Где так привольно и радостно дышится,
Где для души – нет оков!
Добрый, родной и навеки единственный
Край средь Амурской земли
Песней реки прозвучит очень искренней,
Самой сердечной любви!..

Жанр «Поэзия», Место

ТАТЬЯНА МИТРОФАНОВА

Литературная гостиная МБУ «Зейская городская библиотека»

В ЗАСНЕЖЕННОЙ ТЫНДЕ КОНЦЕРТ БЫЛ СТОЛИЧНЫЙ...

В заснеженной Тынде концерт был столичный,
Артисты заезжие ныне в чести,
Гадали строители, что же им лично
Любимым артистам преподнести.

Цветов здесь не сыщешь, завозят их редко,
Ну, разве к восьмому, но праздник прошёл...
Они наломали багульника ветки
И в воду поставили, чтобы расцвёл.

Был клуб не достроен, к тому же не топлён,
Все зрители в зале сидели в пальто.
И только артисты блистали нью-топлес,
В прекрасных нарядах – им холод – ничто.

Когда прозвучали последние строки,
И зал весь в овации сразу возник,
На сцену поднялся, ну очень высокий,
В огромном тулупе строитель-мужик.

И замерли все, и артисты, и зритель –
Что это за чудо, откуда взялось?
А он распахнул свои полы – смотрите!
И розовым цветом на пол полилось.

То был рододендрон, прекрасный багульник,
Он в вазах расцвёл, а не в сопках весной.
И люди подумали: « Вот богохульник!»,
Глаза же у многих затмило слезой.

Артисты застыли в восторге, ни слова.
Цветы им дарили всегда и везде,
Но только прелестного дара такого
Они не увидят уж больше нигде.

А он полыхал своим розовым светом,
Тайгою дышал и ластился у ног.
И каждый подумал, что нынешним летом
Ещё раз приедет на Дальний Восток.

Здесь люди такие – строители БАМа,
Строители ГЭС, и строители ТЭЦ.
По жизни идут они гордо и прямо
И дарят тепло своих пылких сердец.

И в этом артисты строителям схожи
И те, и другие живут для людей,
И дарят друг другу, пускай, не похоже
Безумство игры и внезапность идей.

Победитель областного литературного конкурса
«Земли родной талант и вдохновенье – 2021 в жанре «Проза»

ТАТЬЯНА РЕШЕТНИКОВА

Литературная гостиная МБУ «Зейская городская библиотека»

НА ВЕРНИСАЖЕ

Казалось, знаю все о родине своей:
Как шепчут травы, как бежит ручей.
Но вдруг увидела другими я глазами,
Какое небо синее над нами,
Как широки заманчиво просторы,
Как сказочно высоки наши горы...

Такая красота вокруг!
Нет слов, чтоб рассказать об этих красках!
То пламень осени взметнулся вдруг
И лес-ведун стоит, как в русской сказке.

Дорога вниз бежит, спасаясь от пожара,
А языки огня всё лижут колею,
И, кажется, ему дороги мало –
И он бежит к холодному ручью.

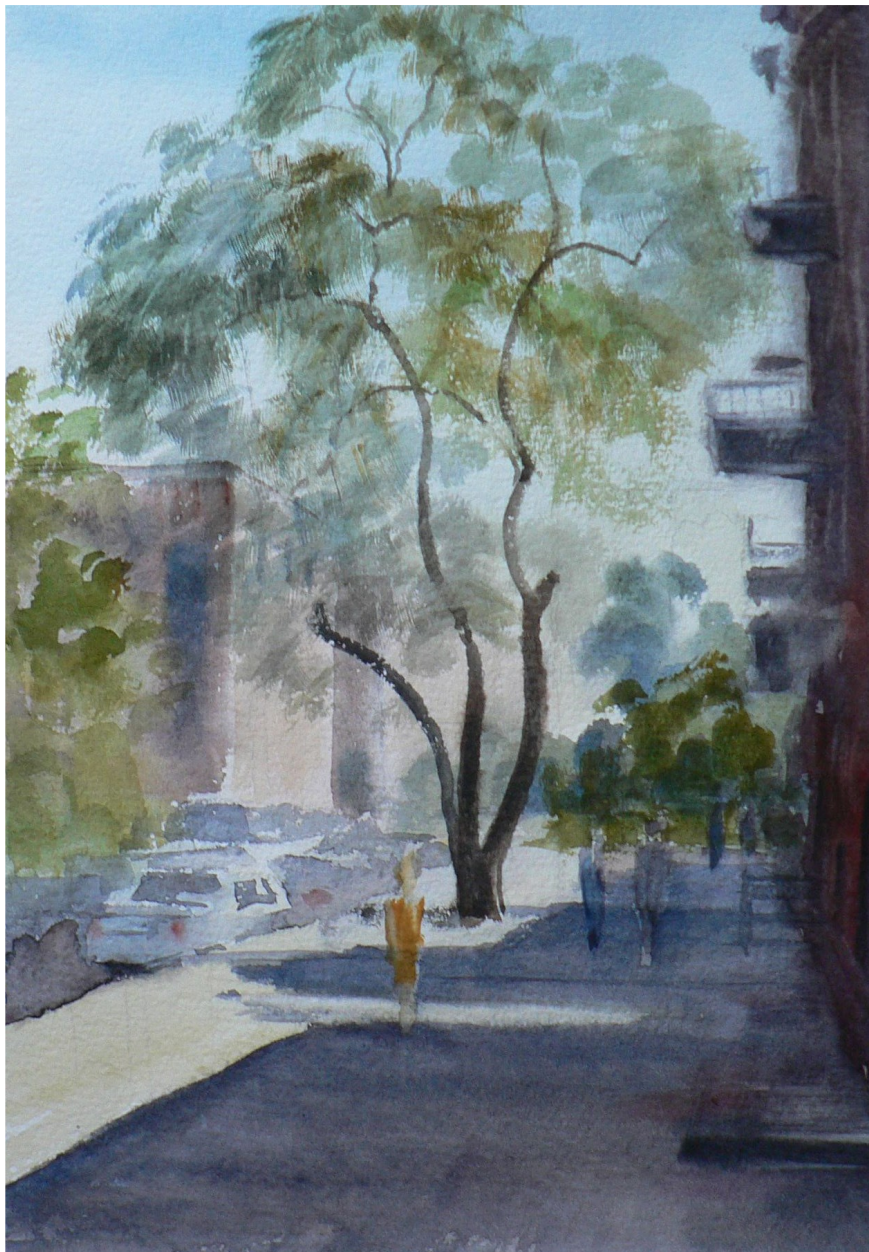
Вот за ручьем огнем горят берёзы,
Осинки тонкие в багрянец облеклись,
Рябины в гроздья заплетают косы,
Кусты бузины угольком взялись.

И только сосны, ели, как колдуньи,
Стоят в своих нарядах вековых.
И пусть разбойник-ветер грозно дунет,
Пусть погрузит он в песнях верховых.

Пусть он споёт им эти песни на прощанье
О жарком дне, о серебре росы,
О шёпоте травы, как заклинанье,
Холодном роднике, жужжании осы.

Пусть в них звучит мелодия рассвета,
Июльских знойных дней задумчивая статья.
Пусть будет в них и дождь, и море света,
И августа седого благодать.

Победитель областного литературного конкурса
«Земли родной талант и вдохновенье – 2017»

ОЛЬГА ПОХАЛЮК

Свободненское литературное объединение имени П. Комарова

ВЫПИВАЮ ПО КАПЛЕ Я АВГУСТ

Выпиваю по капле я август:
Не спеша, с остановкой, с душой...
Лёгким ветром наполнился парус
И бежит за игровой волной.

На душе благодать и услада,
День уютно укутал мой двор,
Под рябиною манит прохлада
И вьюнок заплетает забор.

Ярко астры пестреют под солнцем
И на лавочке жмурится кот,
Паутину плетёт над оконцем
Паучок, зацепив небосвод.

Пахнет яблоком, спелой дыней,
Тает месяц в янтарном меду
И горчинка духмяной полыни
Размешала в ликёре росу.

Наслаждаюсь я капля за каплей,
Выпиваю нектар до глотка,
Только б мне на прощанье не плакать,
Только б в песне не рвалась строка.

Так уйдёт по тропинке, не спросит,
Поспешит за туманом пропасть.
Август кончится с точностью в осень
И его не купить, не украсть.

**Победитель областного литературного конкурса
«Земли родной талант и вдохновенье – 2015, 2017, 2019»**

МАРИЯ ТИМКИНА

*Литературно-музыкальный клуб «Вдохновение»
МБУК «Архаринская межпоселенческая центральная библиотека»*

ЭТО СЛУЧИЛОСЬ В 53-ЕМ

Жизнь Альбины Васильевны была связана с Архаринской дистанцией пути, где начальником пожарной части работал её отец Василий Дмитриевич Кузнецов. Много разных случаев вспоминает пенсионерка о той поре. Но то, что произошло в 1953 году, особенно врезалось в память.

Свидетелем события и напоминанием о нём стал сохранившийся с тех лет дом, что вблизи железнодорожного вокзала. В настоящее время он вплотную примыкает к рынку. Тогда был частью территории части. В правой его половине жила семья Кузнецовых, а в левой располагалась контора, возглавляемая Василием Дмитриевичем.

Лето 53-го выдалось жарким. Однажды, наигравшись с подружками, посетив родственников, восьмилетняя Аля возвратилась домой и в дверях столкнулась с очень взволнованной мамой.

– Слава богу! – воскликнула она, – Я уже хотела идти тебя искать!

Затем мать за руку поспешно потянула Алю в дом, закрывая по пути все двери на крючки и засовы. Девочка удивилась её словам и действиям и в тревоге спросила:

– Что-то случилось? А где папа? На работе?

– Случилось, – ответила мать. – Папу срочно вызвали в охрану. Вместе со станционным начальством и милиционерами он будет стоять в оцеплении. С минуты на минуту должен прибыть состав с освобождёнными Берией

уголовниками. Охрана не должна подпустить их к ближайшим домам, и к нашему, в том числе.

Кто такой Берия и какая опасность грозила им от расконвоированных уголовников, Аля узнает позже. А пока, по словам матери, после смерти Сталина его помощник Берия выпустил из тюрем по амнистии всех заключённых, и даже особо опасных. И эти «особо опасные» должны проезжать их станцию, следуя в западном направлении. И от них, отсидевших большие сроки, можно было ожидать женщинам чего угодно. Потому не только они с Алей, а все работницы, обслуживающие станцию и живущие рядом, попрятались тоже.

Мать задёрнула короткие занавески на окнах. И они притаились в углу комнаты. Уже начало смеркаться, когда вокруг дома загудели голоса. Через полузашторенные окна просматривалось какое-то движение людей.

– Прорвали оцепление! – выдохнула женщина. И ещё тише добавила: – Они уже здесь!

Она крепко прижала к себе девочку, прислушиваясь к происходящему на улице. В это время в проёме кухонного окна возникли силуэты нескольких человек в серых тюремных робах. Один из них потянулся к форточке, пытаясь открыть её. Мать в ужасе вжалась в угол. Но тут со стороны веранды послышался чей-то оклик, и вся группа двинулась на зов. Они легко проникли на веранду и начали с остервенением колотить руками и ногами в забаррикади-

рованную изнутри дверь. Потом стихийно решили повторить попытку попасть в дом через другое окно.

Трясущимися руками мать набрала номер телефона конторы, надеясь на помощь оттуда. Но дежурный сказал, что ему одному не справиться с оголтелой толпой, остальные работники находятся в оцеплении. То же самое на звонок ответили из милиции. А уголовники, ликуя, уже открыли наружную форточку. Отчаявшаяся мать поняла, что защищать себя и дочь придётся любой ценой самой.

– Стой здесь! – приказала Але. – Я сейчас приду. – Она направилась в кухню. Вернулась оттуда с топором и решительно прошептала побелевшими губами: – Как только первая рука появится во внутренней форточке, буду её рубить!

У девочки от накотившего страха появились на глазах слёзы. Она изо всех сил старалась сдержать их, и лишь крепче прижималась к матери.

А за окном бесновались и дерзко гоготали налётчики. Они попеременно толкали и дёргали внутреннюю форточку, стараясь вырвать

защёлку. Ещё немного – и под их безумным напором форточка не выдержит и распахнётся.

Но внезапно, для рвущихся в дом и к огромной радости матери и дочери, взревел паровозный гудок, оповещая отправление состава. Толпа спешно вывалилась с веранды на улицу. Тюремщикам не хотелось отстать от бывших сокамерников, потому что впереди заманчиво маячила долгожданная свобода, дарованная им по иронии судьбы.

Только когда стих стук вагонных колёс, мать разжала напряжённые пальцы. Топор соскользнул вниз и гулко ударился о доски пола. Нервная дрожь сменилась рыданиями. Заплакала и Аля. Пережитое потрясение было настолько сильным, что пришлось обратиться за помощью к местной старушке, умеющей лечить испуг. И добрая бабушка помогла женщине. А Аля отказалась от лечения. Под защитой матери, и ещё полностью не осознавая в силу возраста того, что могло произойти, она легче пережила те страшные минуты. Но до сих пор без внутренней дрожи не может говорить о них.

Победитель областного литературного конкурса
«Земли родной талант и вдохновенье – 2015, 2019»

НИКОЛАЙ АБОИМОВ

Литературная гостиная МБУ «Зейская городская библиотека»

РАССКАЗЫ

Вот такая любовь

В 1978 году в наших краях работала лесо-строительная экспедиция. В верховье Зеи поставили лагерь в четырёх местах. Зная, что они обустроивают их хорошими избушками и банями, я решил летом посмотреть эти места, чтобы зимой использовать для охотничьего промысла. Попросил в августе знакомого летнаба, и он забросил меня в самую верхнюю, в устье Оконона.

С этого места, на резиновой лодке, я пустился в своё предприятие. Течение несло меня вниз, и я за день, осмотрев табора на устье Итымди и Тамтальгина, к вечеру добрался до Джугарминского. Здесь моё внимание привлёк шатающийся по лагерю олень. По внешнему виду ему было года четыре. Шея, спина, живот были в заживающих ранах. Я знал, от чего они.

Это были следы чесотки – болезни, свирепствующей в то время в наших краях. От неё погибли сотни домашних оленей. На таборе был токсатор и его жена, по совместительству повараха. Зная, что в экспедиции работает каюр на оленях, я спросил их:

– Олень каюрский?

– Нет. Он появился в мае, на второй день, как мы сюда забросились, чуть живой, весь в коростах. А каюр пришёл с оленями через неделю.

– А почему с оленями не ушёл? – попытался я.

Ответила жена:

– А он почти ходить не мог. Я его взялась лечить, ободрала все корки, покрывающие его

тело, и оно стало похоже на кровавое месиво. Пришлось сшить ему безрукавку с завязками. Он проходил в ней почти месяц. Лечили тем, что было в аптечке, а с первым вертолётom заказали мазь, присыпку и лекарства. А потом он от меня уже не отходил, даже к оленям каюрским.

Утром я собрался отчаливать, токсатор с женой тоже. Они на резиновой лодке решили проверить в заливе сетку. Тронулись одновременно. Только я уплывал в гордом одиночестве, а за ними, спустившись в воду, плыл олень.

Старик

Для охоты Володя Барышников держал всегда 2–3 собаки. К тому же дома у него жила для потомства сучка. Крупная белая лайка со звучной кличкой Ведьма. Она была отличным производителем щенят, а своими размерами выделялась даже среди кобелей. Её беленькие щеночки с торчащими ушками и хвостиками колечками постоянно были украшением двора.

В то время, о котором я рассказываю, у него ещё «на пенсии» доживал свой собачий век его пёс по кличке Старик. «Кличка присвоена ему в молодости за старческий вид» – говорил Володя.

Его собаки часто имели по два имени: одно данное в щенячьем возрасте, а второе они заслуживали уже по жизни. Эта интересная практика меня всегда удивляла.

Старик почти всегда спал: или во дворе, рядом с чаеваркой, или на улице, у калитки.

Совершенно глухой, он ни на кого не обращал внимания, также как и на него никто.

Но вот загуляла в очередной раз Ведьма. Собрала кобелей к себе на «свадьбу» со всей округи. Не меньше десятка. Мы жили от Володи через дом. По огородам и заросшим полянам нашего двора собаки натоптали тропы. Вот из кустов по тропе появляется с рычанием и урчанием свадебная процессия. Ведьма – впереди, за ней – вся свита.

Вот они, пробежав наш двор, исчезают из вида. Минуты через две, опустив нос до самой земли, вырывается по следу Старик. С возбуждённым, деловым видом несёт он своё разбитое временем, ревматизмом и охотой тело. Видно, как ему тяжело дается каждый шаг. За день эта картина повторяется несколько раз. Кружит по нашему околотку свадьба, и следом за ней семенит Старик. Куда делась его сонливость? Сколько дней будет проходить этот хоровод, столько дней пёс будет его сопровождать, в надежде, вдруг и ему улыбнется удача, и он тоже поучаствует в удовольствии оставить очередной раз своё собачье потомство, продлить на этом свете свой род.

Я смотрю на Старика с уважением. В этом его порыве горит огонь жизни. Пусть слабенький, но горит. Меня радует то, что Старика не трогают матерые кобели, которые устраивают между собой жестокие схватки. Они как будто уважают его старость. И каждый раз, когда он, опаздывая, семенит за сворой, я желаю ему удачи.

Монька

У Володи Барышникова, моего друга и профессионального охотника, за длинную таёжную жизнь сменилось много собак. Этот пёс проработал с ним 11 лет. Я даже не помню сейчас, какую кличку он ему дал вначале, потому что потом прилипла новая – Монька, да так и осталась до самой смерти.

Пёс был для Володи в тайге надёжным напарником. «С ним я ни разу из тайги пустым не возвращался. Это кормилец мой», – говорил он. Когда пёс уже не мог охотиться, то жил ещё три года у Володи дома. Теперь Володя ласково его называл: «Это мой пенсионер».

Как-то я заглянул к нему поговорить. Дома его не оказалось. «Моньку ищет третий день. Ушёл пёс и где-то пропал от старости.

Володя хочет найти его и похоронить», – сказала мне его жена.

Через несколько дней я встретил её у магазина и спросил: «Ну, что, нашёл Володя Моньку?». «Нет, не нашёл. Пришёл последний раз сильно расстроенный, и, ты не поверишь, я впервые за всю нашу жизнь увидела на его лице слезы. Нас не всегда пожалеет, а тут ему Моньку жалко».

После Моньки у Володи были ещё собаки. И когда он теперь из тайги возвращался без добычи, то с горечью в голосе говорил: «Был бы Монька, он такого позора не допустил бы».

Первый урок зимней рыбалки

Мой сосед, Юрий Алексеевич Томозов, заядлый рыбак. Он часто подкидывает мне свежих щук. Особенно любит зимнюю рыбалку, на «махалку». Как-то он настойчиво упросил меня пойти с ним, обещая научить этому простому, но азартному способу.

Скажу честно, у меня особого интереса не было. Я любил ловить сетками, а «махалку» в руках ни разу не держал. Лексеич обещал всё устроить: и пешню, и снасть. Пришли, продолбили лунки. Взял я данную мне короткую удочку с крабиком на конце лески, и, поглядывая, как делает сосед, повторяя нехитрые манипуляции «вверх-вниз», стал дожидаться удачи.

Лексеич поймал первую, вторую, третью. Я махал безрезультатно. «Иди на моё место, а я – на твоё», – сказал сосед, и мы поменялись местами. Я снова, глядя за движением его рук, упорно их копировал. Результата не было, как и раньше, а Лексеич вытащил ещё четыре щуки уже из продолбленной мной лунки. Потом он подошёл ко мне и вручил свою «махалку»: «Вот, моя самая уловистая, с ёлтым крабом из бронзы. С ней ты поймаешь», – уверенно заявил он. Но я почему-то также неуверенно продолжил дёргать её вверх-вниз, вверх-вниз.

«Есть подход. Ударил по крабу», – радостно сообщил мне сосед и через несколько секунд вытаскивал очередную щуку на лёд. В этот мой первый заход на зимнюю рыбалку на «махалку» я чудом вытащил одну щуку, а Лексеич – одиннадцать. Он мне добавил из своих ещё четыре. Вы можете мне не поверить, но это сушая правда.

С тех пор я полюбил зимнюю подлёдную рыбалку на «махалку» С теплом в душе вспо-

минаю Алексеича, моего замечательного соседа, и с улыбкой именно этот случай.

Эвенки.

Есть ли среди них кузнецы

По воле судьбы, мне пришлось в интернете рассказывать об эвенкийских ножах, технологии их изготовления и применении на практике. Многие возмущались, приводя доводы в том, что этот народ никогда не имел своего железа.

По этому вопросу я не спорю. А вот в том, что они с железом могли обращаться, как кузнецы, мне приходилось наблюдать сотни раз. В каждом роду непременно был человек, который это умел делать лучше других. И у него была даже небольшая походная кузница, приспособленная к кочевым условиям. У Вити Петрова, нашего знаменитого в своё время специалиста по изготовлению ножей, я наблюдал такую картину. Толстый, квадратный брусок железа служил наковальней. Щипцы, пассатижи, напильники, точильный ручной станочек позволяли делать из металла всё необходимое для жизни. А вот само железо приходилось доставать на стороне.

Толя Сахаров, когда в продаже появилась листовая жёсть, научился самостоятельно де-

лать палаточные печи и трубы к ним. Когда я каюрил в Якутии, и мы ждали прилёта геологов на метеостанции «Токо», то, обнаружив здесь потерпевший крушение самолет, принялись из добытых металлических трофеев делать ботала и колокольчики на оленей.

У Афанасия Петровича, нашего бригадира, для этих целей имелось всё необходимое, даже пробойники по металлу и пластина с дырочками для этих целей. Когда у него сломался нож, он сделал его из оказавшегося в запасе отрезка ручной косы. И я, никогда не имевший к этому ни призвания, ни интереса, научился гнуть, пробивать, клепать, отпускать и закаливать. Приятно было видеть свои изделия, полученные в глухой тайге кустарным способом, сделанные, как говорится на коленке.

Ещё один пример работы с металлом можно увидеть в Зейском краеведческом музее на костюме и бубне последнего эвенкийского шамана Ильи Ивановича Яковлева из рода Бута. Это фигурки рыб и зверей, трубочки и погремушки, а металлическая голова лося – это шедевр искусства.

Вот такой небольшой ответ мне хочется дать тем скептикам, которые утверждают, что среди эвенков не может быть кузнецов. В пределах жизненной необходимости они всегда были, есть и будут.

Победитель областного литературного конкурса
«Земли родной талант и вдохновенье – 2015, 2019»

ТАТЬЯНА ЛАВРИНОВИЧ

Клуб любителей поэзии «Мецца воче», г. Шимановск

ШИМАНОВСК, ЖИВИ!

Шимановск – моя малая родина. Здесь я родилась в декабре 1950 года и живу по сей день. Всегда любила свой город и считала его самым лучшим на земле. А сейчас хочу рассказать об этом, используя собственные стихи, написанные в разное время, но красноречиво рассказывающие о том, что моя любовь не просто красивые слова, а давнее, многолетнее чувство, подпитывающее моё сознание, окрыляющее душу.

Ещё в детские годы я смотрела широко распахнутыми глазами на всё, что меня окружало. а вокруг были небольшие деревянные дома с многочисленными заборчиками, калитками, скамеечками, кустами и деревьями, цветами в палисадниках летом и белоснежным простором зимой. И если в тёплое время года я радовалась:

*Лето золотое в гости к нам пришло
Будто бы другого места не нашло.
Расцвели ромашки, розы, васильки...,
То зимний город у меня выглядел так:
Он зимою белый-белый от снежинок весь.
Так и кажется, что сказки где-то бродят
здесь...*

Я росла, пошла в школу. Вскоре мы переехали на другую улицу, которой я в дальнейшем посвятила следующие строки:

*Длинная, ровная улица – домики, зелень,
цветы.
Дождик – ты, улица, хмуришься, солнце –
весёлая ты.*

Какая же красота открывалась взору, когда весной расцветала черёмуха! Глаз не отрывать! Я тогда записала в своём дневнике строки из стихотворения Михаила Исаковского:

*Поглядишь – глазам не верится:
Вдаль на целую версту
Толи белая метелица,
Толь сады стоят в цвету!*

Черёмуха и сейчас, в период цветения, украшает город. Но со строительством кирпичных зданий количество деревьев уменьшилось. А своей родной улице я пожелала:

*Тихой такой и красивою
Каждый доволен всегда.
Будь же ты вечно счастливою
И не старей никогда!*

За отличную учёбу меня после пятого класса наградили путёвкой во Всесоюзный пионерский лагерь «Орлёнок», и мы, группа амурских школьников вместе с руководителем добирались туда поездом. Впервые в жизни я увидела озеро «Байкал», Москву, и, конечно же, Чёрное море. Впечатления были ошеломляющие! А по окончании седьмого класса в награду за победу на областной олимпиаде получила путёвку в летний лагерь при Новосибирском Академгородке. Опять проезжали мимо Байкала, купались в Обском море – искусственном водохранилище. Напитывалась впечатлениями о необозримых просторах моей Родины, самобытности каждого её уголка,

красоте и многообразии других городов, многие из которых разительно отличались от моего любимого Шимановска. С одноклассниками съездила в туристическую поездку по городам Восточной Сибири и Забайкалья, в Хабаровск, с мамой и братьями побывала на родине мамы в Тамбовской области.

Но... Во всех этих поездках я всегда грустила по родным местам, считала дни до возвращения, а подъезжая к Шимановску, вглядывалась в окно поезда, ожидая, когда появятся первые дома, а потом и долгожданное здание вокзала. В то время оно было деревянным, одноэтажным, невзрачным, но таким родным, что сердце буквально выпрыгивало из груди при появлении его.

*Сколько раз уезжала – ты меня
проводил.
С детства облик твой скромный в мою
душу запал.
И в далёких краях, коротая деньки,
Всё увидеть мечтала я твои огоньки.*

И вот, закончилось детство. После окончания школы я поступила в Иркутский институт народного хозяйства. Ещё во время туристической поездки по Сибири город мне понравился, а подходящего факультета в нашем краю я не нашла. Во время учёбы я приезжала домой лишь на зимние и летние каникулы. Другой возможности не было, поскольку поезд добирался до нас более двух суток. Приезду всегда предшествовало томительное ожидание, выразившееся в стихах: Все пассажиры спят, в вагоне полумрак.

*И только я одна всё не усну никак.
Шепчу под стук колёс: «Домой! Домой!
Домой!».
Я возвращаюсь вновь в мой городок
родной.*

В зимнее время я находилась на каникулах всего десять дней, которые пролетали очень быстро, и я уезжала из дома грустная донельзя.

К моменту окончания учёбы в институте я накопила багаж знаний и наблюдений за жизнью в других городах (у меня были две практики: в городе Рубцовске Алтайского края и в городе Фрунзе – ныне Бишкек) и я уже не очень то связывала свою судьбу с малой роди-

ной. Сознала, что Шимановск не лишён недостатков, что очень уж уступает многоэтажным мегаполисам и, даже, небольшим городам, как в западной части России, так и в области.

Когда в институте шло распределение на работу, в списке городов значились Томск, Новосибирск, Иркутск, Улан-Уде, Чита. Но, наряду с желанием жить в большом городе, я хотела обосноваться где-то поближе к родным местам, чтобы была возможность чаще навещать родителей. И как же я обрадовалась, когда в списке оказался Благовещенск, город, который я немного уже знала, и он мне нравился, да и до Шимановска от него – рукой подать. Но... Моим мечтам не суждено было сбыться. Почему-то в списке не было указано, где расположен этот Благовещенск. Я была наслышана, что в России два Благовещенска, но, к этому времени это как-то вылетело из головы. И произошёл казус. Один из членов комиссии задал мне вопрос: «Почему Вы выбираете Благовещенск?» «Потому, что это центр нашей Амурской области, и мои родители живут недалеко – в Шимановске, а я хочу жить и работать близко от них». «А Вы не боитесь, что там китайцы рядом?» (Прошло только четыре года после трагических событий на Даманском, где погибли наши пограничники). «Что Вы, от нас это далеко, мы живём спокойно, у нас проблем с китайцами нет», – был мой ответ. Вот так я распределилась. Однокурсники потом говорили, что в комиссии был, якобы, представитель того завода, но почему он не отреагировал на наш разговор о китайцах – осталось загадкой для меня.

Через четыре месяца, защитившись, и не дождавшись документов с завода я уехала домой, где обеспокоенные родители сказали, что в газетах не нашли упоминания о таком заводе (арматурном) в Благовещенске. Документы с завода получила моя подруга и когда позвонила мне, я сразу спросила: «Что, Благовещенск не тот?». Как молодой специалист, я должна была обязательно приехать на место распределения и отработать три года. Но ехать так далеко (в Башкирию) и в страшном сне я не могла предположить. Ревела целыми днями, написала письмо на тот завод, объяснив ситуацию. И, уже собирала чемодан, как за два дня до предполагаемого отъезда получила от руководства разрешение на свободное распределение. Вот так, из-за какого-то недоразумения моя судьба сделала крутой поворот.

Поехать в наш Благовещенск и искать там подходящую работу показалось сложноватым, и я осталась в родном городе. В Шимановске в те годы славилось молодое предприятие – завод кузнечно-прессового оборудования (КПО) и я, по образованию инженер-экономист машиностроительного производства, смогла устроиться в планово-экономический отдел.

Так началась моя трудовая жизнь. И я стала уже не созерцателем всего того, что происходило в родном городе, а полноценным участником производственных и общественных процессов на заводе и в городском масштабе. И с тех пор (а прошло почти пятьдесят лет) всё, что происходит в Шимановске, волнует меня: радует или огорчает.

Я помню тот взлёт, который происходил в Шимановске в годы строительства БАМа. У нас возводились заводы, в том числе Комбинат стройиндустрии, хлебозавод («... и заводы, как грибочки, вырастали тут и там...»), объекты социально-культурного назначения. Среди них – культурно-спортивный комплекс, банно-прачечный комбинат, многоэтажные дома, в том числе и девятиэтажные («...к небесам многоэтажки за год гордо поднялись...»).

Строительных организаций было несколько и все они строили и строили. Ввели в эксплуатацию аэропорт и до Благовещенска теперь можно было улететь на Л-410. Обещали и Як-40 пустить. Даже нас, любопытных, покатали на самолёте два круга над городом. В те годы родился гимн города на слова нашего поэта Людмилы Драчук и амурского композитора Николая Лошманова с прекрасным припевом:

*Вдаль дороги зовут и трубят
Переключкой далёких гудков
Шимановск – это наша судьба,
«Сердце БАМа» и наша любовь.*

Завод КПО, я отработала восемь лет, наращивал производство гильотинных ножниц для резки металла. Продукция отправлялась, в том числе, и на экспорт, в страны соцлагеря, Канаду, Францию. И я, как истинный патриот своего города, радовалась, что он развивается, строится, благоустраивается, хорошеет.

А тут пришли «лихие» девяностые. По Шимановску, как Мамай прошёл. Прекратил существование мой любимый завод КПО. Вначале он скрипел помаленьку усилиями его коллектива и директора Александра Даниловича

Олейника. Но комплектующие и оснастка из Белоруссии и Прибалтики недопоставлялась, производство сокращалось. Директор рано ушло из жизни: сердце не выдержало. Ничего не смогли исправить и его преемники. Завод угасал. А я, уже не работая там, общаясь с бывшими коллегами, видела весь трагизм ситуации и очень переживала. Когда в 1996 году с космодрома «Свободный-18» (Ныне космодром «Восточный») запустили ракету «Зева», у меня это событие соединилось с тем, что я видела на земле, и выплеснулась боль души:

*Так кто же на вопрос ответит:
Прогресс ли иль наоборот –
Над городом летит ракета,
Внизу – растерзанный завод?!*

И совсем недавно, в год 55-летия нашего завода, когда мы, «бывшие», собрались, чтобы отметить эту дату, вспоминая всё хорошее, что было в той жизни и осталось с нами, я выразила общее мнение в следующих словах:

*Автобус едет. Наша остановка.
Кондуктор объявляет: «КПО».
Как искра слово душу согревает
И в прошлое протягивает нить.
Мы скажем твёрдо, пусть весь город
знает:
Родной завод вовек нам не забыть!*

Среди предприятий города, основанных в советское время и прекративших существование после развала СССР, кроме нашего завода КПО, Шимановский комбинат стройиндустрии, лесопильно-деревообрабатывающий комбинат, хлебозавод, маслозавод, локомотивное депо и ряд других. Очень больно за такой развал.

Но всё хорошее, что было в эти годы, на виду. Я приветствовала строительство нового вокзала, который был запущен в начале этого века. Буквально на крыльях пролетала мимо, когда он возводился, любовалась. Люди в моём окружении не все разделяли мою радость. Кому-то было жаль потраченных денег в то время, когда железнодорожники, как они считали, живут бедно. А вокзал, хоть и ветхий, мог бы ещё лет сто простоять, говорили они мне. Мне тоже было жаль старого трудягу, но новый вокзал улучшал облик города, не говоря

уже о создании более комфортных условий для работников и пассажиров. Да и просто был красивым. Родились стихи о старом и новом вокзалах:

*А теперь не осталось от тебя и следа.
Но куда-то всё мчатся день и ночь
поезда.
И, тебя заменяя, вырос чудо-дворец.
Весь народ удивлялся: «Дождались,
наконец!»*

И в конце стихотворения мой ответ тем, кто сомневался в нужности данного объекта:

*Я отвечу друзья вам: созидать –
не крушить.
И красавцу вокзалу суждено долго жить.
И все годы кого-то провожать
и встречать
И в любую погоду величаво стоять!*

Радует нас, жителей, что какое-никакое внимание уделяется сфере культуры и спорта. Отремонтирован «Сказочный городок» в микрорайоне, отстроен, практически заново, стадион «Локомотив», введены небольшие стадионы возле школ №1 и №2, ведутся работы по сооружению для детей игровой зоны в городском парке. Выполняется программа по переселению из ветхого жилья – построено около десятка новых домов, а старые полуразвалившиеся бараки снесены. Но хотелось бы большего: чтобы были возрождены или созданы новые предприятия промышленного характера. Ведь Шимановск всегда был городом-тружеником, чтобы люди отсюда не уезжали, а молодёжь, отучившись, возвращалась в свой родной город. Остаётся только надеяться, что когда-то так и будет.

А ещё мою любовь к малой родине подпитывают личные, семейные аспекты. Ведь мои родители, родившиеся в европейской части страны, всю свою сознательную жизнь прожили здесь. Отец девятилетним мальчиком приехал с родителями по переселению в деревню Тагильцы Шимановского района (сейчас её уже нет), учился в Железнодорожном училище в Шимановске, после которого работал слесарем в локомотивном депо, водил паровозы и тепловозы. Мама – после окончания московского вуза получила направление в Читу, оттуда уже в Шимановск, где встретила отца, и они

поженились. Вырастили четверых детей. Оба – Ветераны труда, Участники трудового фронта. Здесь их могилы.

*Отца и маму часто вспоминаю,
Других родных, чей вклад в Победу был.
И благодарно голову склоняю
В победный день у дорогих могил.*

Это, наверное, одно из важнейших обстоятельств, почему мне так дорог Шимановск. О родителях напоминает оставшийся после них дом с земельным участком, где с семьёй дочери мы продолжаем трудиться. И лавочка, где мы часто сидели с мамой: До боли знакомая старая лавочка,

*Дождями исхлестана, солнцем обласкана
У дома, где мама жила расположена.
Иду к ней тропинкой, годами не хоженной.
Она меня ждёт, как и в пору счастливую:
Ну, здравствуй, подруга моя
молчаливая!...*

Оглядываясь на свою жизнь с вершин прожитых лет, не могу представить её вне Шимановска. И, вроде бы, повидала немало красивых мест – кроме детских впечатлений остались добрые воспоминания о поездках по среднеазиатским столицам, в Германию. Да и Иркутск, город моей студенческой молодости, полюбили крепко-накрепко, но всегда тянуло домой. Туда, где

*Вдаль влекут прямые улочки,
Дарят с лесом мне свидание.
Не найду я места лучшего
Во всём нашем мироздании.*

Шимановску нынче исполняется 111 лет. Не круглая дата, но цифра интересная, необычная. И отмечать её будем в условиях необычных – пандемия – без всяких помпезностей. А жаль. Помнится, как праздновали 100-летие города. Было грандиозное шествие коллективов в нарядных одеждах, театральных костюмах, с цветами, флагами, шарами, проходили различные выставки, концерты, соревнования. И, конечно же, фейерверк. Перед праздником город приукрасился: выложили плиткой площадь перед кинотеатром «Спутник», многие предприниматели на своих территориях тоже проложили новые тротуары, было высажено

**Творчество участников Четвёртого областного литературного конкурса
«Земли родной талант и вдохновенье» – победителей прошлых лет**

больше, чем обычно, цветов. Я тогда написала:

*Что городу столетие? Он молод.
И, как боец, в строю стоять готов.
А юбилей отметить только повод
Чуть отдохнуть, и в путь-дорогу вновь.
Продолжат эстафету наши дети
И внуки не позволят нам стареть.
Мы славим, Шимановск, твоё столетие!
Любимый город, хорошей и впредь!*

А больше всего мне хочется, чтобы мои слова, сказанные десять лет назад, когда я фан-

тазировала на тему «Мой город будущего» оказались пророческими: Могу представить: подойдёт к окошку

*Праправнук мой, воскликнет: «Красота!
Нет ничего прекрасней и дороже
Чем эти сердцу милые места!»
Совсем как я сейчас (сегодня, ныне)
Он городу признается в любви.
Мы будем с ним в желаниях едины:
«Пусть время мчится, Шимановск,
живи!»*

**Победитель областного литературного конкурса
«Земли родной талант и вдохновенье – 2015»**

ГАЛИНА СОСНИНА

Свободненское литературное объединение имени П. Комарова

СОКОЛИК

Десятиклассник Олег Соколов, синеглазый красавчик с шикарной шевелюрой тёмных волос и открытым взглядом, выгодно выделяется среди одноклассников своим серьёзным подходом к овладению науками, лидерскими качествами и весёлым, добрым характером, за что все называют его ласково – Соколик. В свои почти семнадцать лет он зорко всматривается в окружающую его действительность, пытается разобраться в ней, сопоставляя книжные знания с приобретёнными, вступая в разговор с отцом или учителем истории. Он также имеет хорошее представление о том, как нелегко даются деньги, поскольку после девятого класса поработал и дворником, и на покраске забора, и на прополке городских цветочных клумб, а особенно – на сборе ягод в плодпитомнике, когда часты проливные дожди, изнуряет июльское пекло или досаждают гнус. Буквально за три часа работы у всех обгорают носы, щёки и плечи. И до чертиков обидно, что получаешь за такую работу шиш с постным маслом! И ведь пошёл Соколик на работу не потому, что нужда заставила – в семье полный достаток, а просто не знал, куда себя деть в летние каникулы, вот и решил проверить: «Смогу ли?». А вообще-то, он любит учиться. До восьмого класса был круглым отличником, учился с желанием. К десятому повзрослел, увлекся английским и физикой, с радостью принял предложение учителя подготовиться к защите проекта. Как известно, на отдых у добросовестных школьников времени почти не остается. Да и само понятие «свобода», «свободный» для Олега не означает лежать на диване, сидеть в компе или бесцельно болтать

ся по дворам и улицам. Он не согласен, что свобода – неограниченное удовлетворение всех желаний, капризов и прихотей. На самом деле, эта свобода лишь кажущаяся. Ведь, по существу, ты находишься у себя в рабстве. Только тот, кто умеет выходить из противоречий рассудка, может назвать себя свободным человеком. Для Олега свобода – это общение с природой. Здесь он чувствует себя её частью, неотъемлемым источником энергии и добра. Частенько вдвоем с другом Артёмом они отправляются на велосипедах по окрестностям города, объездили вдоль и поперёк все близлежащие леса и луга. Взирались на сопки, покрытые кустарником, и чувствовали себя первооткрывателями. То падали на цветочный ковёр лесной поляны и слушали птичьи трели, то забредали в сосновый бор, наслаждаясь таинственным дурманом лесов. А однажды решили разведать, какова она, приграничная территория с Китаем в районе Буссе.

Артём Громов – среднего роста, худощавый, со светлыми вьющимися волосами и зелёными глазами, носит очки и, оказавшись без них, становится беспомощным. До седьмого класса был обычным подростком, тихоней. Олег тогда решил взять его под свое крыло, потому как с большой симпатией относился к внутреннему миру этого необычного парнишки, патриота своей Родины. Для него тревога и забота о будущем России и мира гораздо важнее цели получить от жизни как можно больше удовольствия. И в наше сложное время, когда губительная для молодого ума и души информация лезет во все окна и двери, Артём стойчески охраняет и защищает свою Ро-

дину. Он смело одергивает все разговоры, унижающие нашу страну, он осуждает подростков, напяливающих на себя футболки и кепки с американской символикой, предпочитающих западную музыку, их дикие свисты, и выбирающих иностранные обложки на тетради. И где бы ни заходил разговор о международной политике: на уроке истории, в беседе с друзьями или организованной дискуссии, Артём, как одержимый, отстаивает интересы России. Одноклассники подшучивают: «Ну, наш Гром опять загремел!». Его сочинение «Война глазами молодых» было лучшим в городе. Он стал победителем областной викторины «Я – будущий защитник Отечества». Он всегда помогает классному руководителю в организации и проведении уроков Мужества и акций «Бессмертный полк». Олег считает, что воспитать патриотизм невозможно, это «пробуждается» в человеке с молоком матери. К тому же, Артём – из династии офицеров, которые чтут и берегут семейные традиции, вспоминают о героических подвигах нашей страны, проявляют уважение к ветеранам – защитникам Родины. Вот и юный мужчина семьи мечтает стать военным.

Вместе с Олегом он активно занимается своим физическим развитием и ведёт здоровый образ жизни. «Соколик – классный, с ним интересно и спокойно, – размышляет Артём. Он умеет всё растолковать, доходчиво объяснить. Он надёжный».

Олег, действительно, растёт и меняется, благодаря неутомимой пылкости и жажде знаний. С раннего детства мечтал он стать пилотом пассажирского лайнера, знает всё о достоинствах и недостатках самолетов, и отечественных, и зарубежных. Увлекательно рассказывает об особенностях конструкции каждого, его роли в истории авиации, подтверждая примерами и фактами. Как на выставке, встали в ряд в его комнате авиамодели, сделанные собственными руками. Так что дружба ребят их взаимно обогащает. Бывают и разногласия по некоторым вопросам, порою ребята спорят, а вот как-то сразу пришли к единому мнению в том, что путешествие по своей стране – лучшее средство узнать и полюбить свою Родину. Даже размечтались: а не выйти ли с предложением к президенту организовать поездки школьников по интересным местам. Пусть все увидят свою Родину за годы учебы в школе. Пусть оценят размеры больших городов и всё, созданное руками человека, восхитятся красотой приро-

ды, прикоснутся к истории в музеях. Полюбив свою Россию, никогда её не предадут.

В их дружном десятом нет лентяев, и каждый оценивается по заслугам. Вот Олег Соколов, например, отличный футболист, вратарь. Он играет даже в команде со взрослыми игроками. А во время военных сборов, в конце учебного года, ему доверили командование отрядом на торжественном закрытии смены. Как восхищенно, оценивающе смотрели одноклассники на его подтянутую фигуру в военной форме, красивое загорелое лицо, уверенный шаг!

– Ах, какой же классный наш Соколик! А чего стоит выправка, глаз не оторвать! Это не Соколик, а прям-таки Сокол!

Но юноша не замечает этих взглядов. Ещё зимой он познакомился в интернете (хвала ему!) с девочкой-ровесницей из Москвы, которая сразу завладела его сердцем: красиво уложенные волосы, карие глаза и очаровательная улыбка. Именно глаза и улыбка сразили его наповал. С той минуты он потерял покой – ходил сам не свой. Хрупкая, грациозная фигуристка, она «летала» чудо-птицей по льду ледового дворца, завораживая своей красотой и обаянием всех зрителей. Просматривая видео, Олег это заметил. «Царевна!», – мелькнуло в его голове. «Принцесса!». Он гнал прочь пессимистические нотки, вроде таких: «И зачем я ей, пацан...» или «Она уже прославилась, а я ничего не достиг». А внутренний голос спорил с пессимистом: «Да она такого же возраста, как ты», «Никто не знает, за каким поворотом нас ждёт счастливый случай». Настроив себя на успех, привыкнув к звучанию её прекрасного имени – Аня, Анечка, Анютка, он снова вышел на видео-связь. И, удивительно, при всей её занятости: школа, постоянные тренировки и соревнования – невероятные нагрузки, девушка нашла время для общения. Ей было интересно узнать о Дальнем Востоке, о Приамурье, о городе с таким удивительным названием – Свободный. И Олег отправил ей видео с видами Амурской сказочной зимы, золотой осени, цветущего багульника и сакуры, широких просторов Зеи.

– Как красиво! – восторженно воскликнула Аня. – Мне хочется побродить по вашим лесам и сопкам, у каждого дерева задержаться, обхватив его руками, и белочек кормить с руки! И к Мемориалу вашему, такому оригинальному, хочется прийти с цветами, и к памятнику Гайдаю тоже!

Прослушав гимн города на слова местного поэта Алексея Падалко, она с удивлением заметила:

– Такая интересная история вашего города!

С каждым разом встречи и разговоры становились всё желаннее и долгожданнее, и Олег был в поиске информации, которая бы заинтересовала девушку, влюбила её в то, чем он сам привык восхищаться. Затаив дыхание, подходил он к компьютеру, всякий раз опасаясь, что этот «случайный» праздник в его жизни закончится также неожиданно, как начался. Но Аня по-прежнему очаровывала юношу своей лучезарной улыбкой. Из коротких разговоров «обо всём» он понял, что девушка довольно целеустремленная. Начав заниматься фигурным катанием в раннем детстве, она превратила простое хобби в настоящую работу над собой. Она успела рано осознать своё предназначение, свои таланты, ни с чем не сравнимую радость открытий, побед, сопричастности огромному общему, но и, конечно, испытала горечь разочарований, сомнений, неуверенности в себе после перелома ноги и проигрыша, но, благодаря своему сильному характеру, добивалась желаемого. Чем бы её порадовать? — усиленно думал Олег и принимался то рисовать её портрет – ведь обучался этому в художественной школе, то сочинял музыку и даже пробовал себя в стихосложении. Но самое главное – теперь он не позволял лениться ни душе, ни телу. Физические упражнения, раньше по настроению, стали теперь систематическими: подтягивание на перекладине, упражнения с гантелями, утренняя пробежка. Стал заметен рост, изменилась даже походка. К обычной подготовке уроков он подключил программы «Эрудит», «Умники и умницы» – планы на будущее теперь у него грандиозные.

Однажды перерыв в их общении был довольно долгим, Аня уезжала на чемпионат для юниоров. И Олег жутко тосковал. Каждый день он писал ей письма. Нет, не в сети, а на бумаге, и, поглаживая ладонью написанное, касался губами имени девушки.... В красивой кожаной сумочке – подарке от мамы и папы на Новый год, таких писем скопилось целых девять. Не находя себе места от душевной боли, однажды за ужином он поделился с родителями своей тайной. Мама заливисто рассмеялась:

– Сынок, ну подумай, кто ты и кто она! Это же нереально!

А отец, поймав смущение и боль в глазах Олега, задумчиво произнес:

– Чем черт не шутит? У каждого есть шанс!

И, собираясь уйти, добавил:

– Только нужно быть достойным этой, как ты говоришь, особенной девушки.

– Да, есть такая пословица: сила птицы в крыльях, а человека – в стремлении, в полёте, тем более, что и фамилия у нас крылатая! – согласилась вдруг мама. Ведь у человека есть два мира: один уже сотворен для нас, другой же мы сами творим.

А назавтра вдруг раздался долгожданный звонок по телефону. Аня скромно рассказала, что продолжает штурмовать одну за другой вершины спорта и пообещала звонить по возможности. В конце разговора как-то загадочно проронила:

– И в Приамурье мы будем!

Олег сиял, как начищенный самовар, он вновь и вновь возвращался к волшебным звукам её голоса и смеха. Он готов был обнять и расцеловать весь мир. В мозгу трепетала, билась мысль – позвонила, значит, я нужен ей. У нас много общего, я тоже люблю спорт и музыку, немного играю на гитаре. И, ошалеv от счастья, что они смогут встретиться, выкладывал Артёму свои планы:

– Я закончу её портрет, перечитаю все книги, которые она любит, обязательно добьюсь поставленных целей! Ты не представляешь, как это важно для меня! Артём, посоветуй, что ей подарить. Может, цветы? А что показать в нашем городе? А вдруг она разочаруется?

Артём никогда не видел друга таким возбужденным. Вот что делает любовь! Он, конечно, читал о любви юных Ромео и Джульетты в итальянском городе Вероне. Но то Шекспир! А тут на его глазах у парня крышу сносит...

– Пойдём-ка, Олег, в парк, – предложил он – Там полегчает!

И они зашагали к ближайшему от их домов парку, железнодорожному.

Волнение Соколика передалось и другу. Любуясь свежей зеленью лета, белоствольными берёзками и хвойнолапыми соснами, он с вдохновением процитировал: «Я бы ветры вдохнул твои с жаждою...»

Олег просиял:

– Пётр Комаров, певец Дальнего Востока. Помнишь, мы с тобой читали его стихи на Конкурсе?

– Конечно, помню. Комаров не только хорошим поэтом, но и человеком был, что надо! Никогда не отказывал в помощи товарищам, я читал их воспоминания. Помолчал и, уже с глубоким сожалением, произнес:

– Жаль, что так мало прожил.

– Но лечиться приезжал к нам, в любимое Приамурье. На землянику – в Разливную, затем в Чембары за стихами, в хороводы сосен да к горным речкам Оре и Пёре. А в Мухинском санатории, под Благовещенском, работал над новым циклом стихов, которому потом дал название «Зелёный пояс».

Разглядывая порядком заросший парк, Артём завел разговор о нём, о парке, более заботясь о цели прихода сюда.

– Этот парк был открыт, ты не поверишь, еще до войны, в мае 1939 года, и находился в ведении Управления Амурской железной дороги, а с 1959 года – Свободненского отделения Забайкальской железной дороги. Его украшали памятники руководителям правительства и многие парковые скульптуры. Бабушка рассказывала, что это был богатый и ухоженный парк, с летним кинотеатром, танцплощадкой, открытой эстрадой с сиденьями для зрителей на сто мест, разными аттракционами, читальным залом. Да и киосков полно было. Представляешь, даже летний лагерь для школьников работал при парке! Воздух-то, чувствуешь какой?

– А чему удивляться? В городе тогда правление дороги располагалось. – Олег говорил убедительно, со знанием дела и, главное, спокойно.

– А детская железная дорога какая классная у нас! Самая длинная в стране среди анало-

гичных организаций. В этом году стартовал уже 80-й сезон на ней.

– Да, да, я читал в газете, что дороге присвоили имя заслуженного работника транспорта РФ Геннадия Матвеевича Фадеева.

– Не только, – осторожно перебил Олег Артёма. – Он первый министр путей сообщения, первый президент ОАО «РЖД», полный кавалер ордена «За заслуги перед Отечеством». К тому же, наш земляк.

– Вот это я понимаю.... Достояние нашей страны! – гордо произнёс Артём.

Заодно друзья поделились и информацией о городском парке, который был заложен ещё раньше, весной 1913 года, и изначально назывался городским садом. В том далёком году в России отмечалось 300-летие царствующего дома Романовых, и в их городе, носившем имя наследника престола Алексея, все основные летние празднования проходили в городском саду. В августе 1923 года в нём же выступал «всероссийский староста» Михаил Иванович Калинин перед жителями города.

Полуденное солнце, жгуче-тихое, и час совсем не суетной, как будто остановилось время и подарило покой и блаженство. Возвращаясь домой, Олег чувствовал какое-то обновление души. Ей было хорошо и просторно, он теперь знал ответы на свои недавние вопросы и вспомнил понравившуюся ему мысль из разговора с Аней – человек добьётся большего успеха, если он думает не о чём-то своём, а обо всей Земле.

**Победитель областного литературного конкурса
«Земли родной талант и вдохновенье – 2019»**

ТАТЬЯНА ГЕДЗ

Литературный клуб «Вдохновение» МБУК «ЦРБ Завитинского района»

ЭКЗАМЕН, ИЛИ ЭКСКУРС В ПРОШЛОЕ

За сдачей экзаменов Татьяна не заметила, как весна стала полновластной хозяйкой в городе. Ярче светило солнце, и в его бликах всё виделось по-иному. Листва отливала изумрудом, маленькие ёлочки чудно так топорщили свои лапки-иголки, подставляя их солнцу. Прохожие, уставшие от зимнего затворничества, улыбались по-доброму, приглашая к взаимности. В сердцах влюбленных расцветали незабудки, и им хотелось объять необъятное, и чтобы было всё и сразу...

– Размечталась. Какие незабудки, какая любовь? – одернула себя девушка. – Впереди столько ещё предстоит перелопатить литературы, чтобы сдать госэкзамены и получить диплом учителя.

Она тоскливо вздохнула и поспешила в институтскую библиотеку грызть гранит науки. Перебегая дорогу, Татьяна упала и больно ударила коленку.

– Что ж вы, милая девушка, переходите улицу в неположенном месте? – обратился к ней мужчина средних лет. – Не нужно спешить, а то ведь так и погибнуть можно. А вы молодая, красивая, вам ещё предстоит жить при коммунизме.

– Когда же он наступит? – потирая ушибленное колено и одергивая юбку, спросила она.

– Скоро, – улыбнулся незнакомец. – Сейчас – 70-й год, вот считай, через 15–20 лет и придёт. Встретимся, тогда и поговорим.

Он деловым шагом направился к старенькому «Москвичу», стоящему недалёко от ме-

ста, где она упала. Садясь в машину, помахал девушке рукой.

Лицо мужчины было знакомо. Но где и когда видела – не могла вспомнить. И только в библиотеке, получив книгу «Научный коммунизм», его сдавали первым, вспомнила, что это преподаватель, который ведёт практикум по «коммунизму» у историков. Иногда читает лекции у них на отделении.

– Угораздило же встретиться с ним прямо перед госами и в таком нелепом положении. – Если будет членом экзаменационной комиссии, то обязательно задаст вопросы. Придётся основательно попотеть над учебником, – вздохнула Таня.

Три недели пролетели незаметно. Завтра экзамен. Но уже сегодня на сердце беспокойно, было предчувствие: что-то должно случиться.

– Перезанималась... Вот и придумываешь всякую ерунду, – одернула себя Татьяна. Посмотрела в зеркальце, состроила смешную рожицу, обозвала её «трусихой» и снова уселась за книги.

... Первая пятерка, заходи! – пригласила студентов секретарь комиссии.

В аудитории было тихо и свежо. На столе стояла ваза с цветами, а вокруг неё – экзаменационные билеты. Взятый билет оказался очень простым. Можно отвечать и без подготовки. Но всё же она решила посидеть и подумать. Успокоившись, перевела взгляд на членов комиссии. Среди них узнала своего знакомого, который очень внимательно посмотрел на неё.

– Следующий на трибуну...

Это касалось её. Она уверенно начала отвечать: раскрыла принципы марксизма-ленинизма, остановилась на работе В. И. Ленина «Детская болезнь левизны в коммунизме», рассказала о загнивающем капиталистическом строе с его волчьим лицом, и как трудно живётся там простому народу. Комиссия в знак согласия кивала головой и была довольна отвечающей.

– Кажется, сдала, – успела подумать девушка, переводя дыхание.

– Хорошо. Но ответьте ещё на один вопрос: «Как вы представляете свою жизнь при коммунизме?» Но не по-книжному, а своими словами.

Этот вопрос задал знакомый голос, предлагавший ей недавно вместе шагать в светлое будущее. Ответа не было. В книге – то он, конечно есть. А у неё... да ещё своими словами. В этот момент Татьяна могла бы дать голову на отсечение, что никто из присутствующих не скажет честно, что в коммунизм не верит, как бы он гордо не шагал по планете. У неё была личная планета, по которой шла её жизнь: избушка-завалюшка в шестнадцать квадратных метров, где проживало пять человек; пьющий отец-коммунист; рано постаревшая, от безысходности сделать семью дружной и счастливой, мать; брат, с детства мечтающий о велосипеде; сестрёнка – о красивом платье, как у принцессы; она – студентка, одетая в пальто, перешитое из отцовской спецодежды; полупустые полки магазинов; длинные очереди – дефицит царил всюду. Не случайно остались в памяти девушки слова американки, приехавшей к нам в Союз погостить, что «советские женщины счастливые, потому что не знают, как плохо они живут».

Эти слова многих заставили задуматься. Однако вслух свои «крамольные» мысли никто не высказывал: боялся получить ярлык антисоветчика. Поэтому продолжали посещать партийные собрания, ходили на демонстрации с портретами «любимых» вождей, которые вели верной дорогой в коммунизм, гордо кричали: «Слава КПСС».

Мысли роились, как пчелы, в голове. Какой будет жизнь при коммунизме, Татьяна не знала. И вдруг будто кто-то в ухо прошептал: «Скажи, как думаешь: коммунизма не будет. Говори же. Чего ждешь?». В таких случаях её родная бабушка Дуня говорила: «Чёрт в уши дует. С ним тягаться – себе хуже».

– Что же вы молчите? Не задерживайте своих товарищей, – вернул студентку к экзамену всё тот же голос.

Татьяна даже вздрогнула, возвращаясь к действительности. Обведя взглядом членов комиссии, она спокойно сказала:

– Я не верю в коммунизм.

В аудитории наступила гробовая тишина. Потом заговорили чуть ли не все разом, бросая отдельные фразы в адрес отвечающей.

– С таким мировоззрением нельзя давать диплом...

– Ничему не научилась...

– Ей не место в школе...

В заключение декан факультета показал ей на дверь.

Уже в коридоре она услышала торопливые шаги. Обернулась и увидела своего куратора Л. И. Юркову.

– Таня, подожди. Что же ты наделала? Ты таким ответом не только сделала плохо себе, но и мне. Неужели не могла сказать, перефразируя то, что в учебнике?! Ведь это госэкзамен. Не придётся, видно, мне в этом году защищать докторскую. Эх, ты, двоих без ножа зарезала!

Лидия Ивановна с горечью и дрожью в голосе выговаривала всё это далеко не глупой студентке. В её глазах была растерянность вперемешку со слезами. Девушке было больно и обидно, и одновременно жалко себя и преподавателя.

– Завтра комиссия будет смотреть, как ты училась все четыре года. И если хоть одна тройка в ведомостях по истории КПСС и научному коммунизму будет, то диплома тебе не видеть, как собственных ушей. Понятно, антикоммунистка?! Результат будет завтра, – досадливо махнула рукой кураторша.

Таня шла и плакала. Весна уже не казалась ей такой прекрасной. Солнце грело полетнему. Хотелось спрятаться в холодок и побыть одной. Она последними словами ругала себя и того черта, который нашептал ей злосчастливый ответ. На сей раз было очень жалко мать, которая делала для неё всё возможное, а порой и невозможное, чтобы дочь закончила институт. Однако ничего путного в голову не приходило.

Наутро она пришла в деканат.

– Вам повезло: комиссия не нашла у вас «удов», поэтому разрешила сдавать экзамены дальше. Пусть «тройка», поставленная по

научному коммунизму, станет вам укором в дальнейшей жизни.

...Укором «тройка» не стала. Светлое коммунистическое завтра не наступило ни в 80-е, ни в 90-е годы, да и в последующие десятилетия. Танину фразу: «Я не верю в коммунизм» ещё не раз повторяли коммунисты в пе-

риод развала КПСС, сдавали, рвали партбилеты и даже стеснялись того, что были членами партии. Они окончательно осознали, что верили в призрак – призрак коммунизма.

ПИСЬМО К Н.В. ГОГОЛЮ

---

*Посвящается заслуженному учителю РСФСР,
директору средней школы с. Болдыревка
Завитинского района Амурской области
Михаилу Ивановичу Хижнякову*

Сегодня был заключительный урок по «Мёртвым душам» Н. В. Гоголя. Я была приятно удивлена, что ученики с интересом отнеслись к изучению данной темы. Мне пришлось основательно потрудиться: быть на уроках не только молодой «училкой», но и немного актрисой. Мы сами себе были и сценаристами, и режиссерами – почти все в классе были заняты творческим процессом. Учились высказывать своё мнение, порой идущее вразрез с тем, что говорила я. Поэтому уроки проходили интересно.

Завершал гоголевскую тему урок «Письмо В. Г. Белинского к Н. В. Гоголю». Вот тут-то я и растерялась. Да и не только растерялась, а меня охватил страх: как провести этот урок, если под рукой у тебя нет нужной литературы, не нашла я ничего ни в сельской школьной библиотеке, ни в своих институтских конспектах. Что делать? Этот вопрос мучил не только Чернышевского, но и меня. Притом ответ на него я должна получить немедленно: завтра мне держать очередной экзамен перед ребятами.

Моя коллега учитель русского языка и литературы Т. П. Галтуренко, с которой мы в один день оформлялись на работу в среднюю школу села Болдыревка и теперь жили в одной квартире, так же, как и я, не знала, чем мне

помочь. Минуту подумала и посоветовала обратиться к директору школы М. И. Хижнякову.

– Он обязательно поможет. Не зря же – заслуженный учитель РСФСР, – с уважением сказала она.

За эту мысль я ухватилась, как за соломинку, которая могла меня спасти от позора. А что оставалось делать? Нелегко, конечно, признавать свою несостоятельность. Понимала, что придётся многому ещё учиться, учиться и учиться. Хорошо, если есть у кого. Мне же крупно повезло: рядом были замечательные педагоги, которые искренне делились своим опытом.

Михаил Иванович встретил меня радушно. А когда узнал, зачем пришла, улыбнулся, при этом брови сделались домиком. А я смотрела на него и думала: «Этот всё знает, вон какое лбище, как у Ленина. Умный... Слышала, что однажды с подобным вопросом к нему обращалась учитель по математике. Несмотря на то, что он учитель истории, урок провёл отлично. Если геометрию знает, то уж литературу... Я облегченно вздохнула.

– Что, голубушка, небось, прогуляла лекцию? Понимаю, сам был молодой, – перебил поток моих мыслей Михаил Иванович. – Так что от меня требуется?

Я начала объяснять, но не могла четко сформулировать, что-то лепетала, оправдывалась, как нерадивый ученик. А он прищурил глаза и слегка улыбался уголками губ. Морщинки у глаз стали более глубокими и тянули свои лапки к его большому лбу, в котором я искала спасение.

– Оставляйте тетрадь, я напишу план урока, утром заберёте. По плану узнаете, что же Белинский написал Гоголю, – директор явно решил поиздеваться надо мной, увидев моё волнение. – Что так испугались? Идите, отдыхайте. Утро вечера мудренее. Помните об этом.

– Михаил Иванович, я хотела бы, чтобы вы мне рассказали, как правильно построить урок, чтобы ребятам было интересно, а я запишу. Так будет спокойнее, – скромно сказала я.

– А вы обязаны знать, моя молодая коллега, что учитель не должен быть успокоенным. У него особенная привилегия: сомневаться, мыслить неординарно, спорить даже с самим собой, искать правильное решение, постоянно совершенствовать себя. Покой учителю только снится. А сейчас у меня есть другая работа. – Он надел на голову шапочку-петушок, взял лопату и пошёл в сад. Я стояла и смотрела на уходящего директора, и мне показалось, что он ещё раз произнёс: «Да, покой нам только снится». Это уже Михаил Иванович говорил о себе, потому что не я одна посягаю на его свободное время.

...Утро выдалось по-весеннему тёплым. Солнечные лучи ласкали молодую шелковистую траву-мураву, липкие листочки на деревьях источали дурманящий аромат. Воробьи маленькими серыми комочками облепили стоящую под окном старую калину и чирикали, радуясь жизни. Каким же это утро будет для меня? Наскоро позавтракав, заторопилась в школу: нужно забрать тетрадь с планом урока. М. И. Хижняков был уже на месте. Он всегда приходил рано, как говорил, директорская должность обязывает. Директор громко спорил с кем-то по телефону, записывал в блокнот. Махнул мне рукой, дескать, садись – подожди. Ждала. Вдруг меня охватила паника. Шестым чувством поняла, что утро может быть для меня не столь приятным как бы хотелось. Михаил Иванович, закончив разговор, отдал тетрадь с планом урока. Открыв её, я онемела: там были сплошные каракули, в которых мог разо-

браться лишь хозяин написанного.

– Я ничего здесь не понимаю, – голос мой задрожал, а в глазах появились непрошенные слезы.

– Что же вам там не понятно?! Освещена вся тема, только постарайтесь не отступать от плана. – Он понял, что я сейчас разревусь белугой, снисходительно, по-барски сказал: «Ладно, я сам проведу урок».

И провёл. Ещё как провёл! Я сидела на последней парте и слушала урок с восхищением, никогда так никого не слушала. Ловила каждое его слово. С сожалением вспомнила женщину преподавателя, которая вела курс русской литературы в пединституте. Она читала лекции, как пономарь, порой не хотелось слушать, не говоря о том, чтобы записывать. Может быть, в тот период я и прошляпила письмо Белинского. Хотя не скрою, было очень стыдно за своё незнание, как перед учениками, так и перед директором школы, который преподнёс урок на тему: каким должен быть настоящий учитель.

В среду следующей недели состоялся педсовет. Я шла в школу спокойно. Класс, где была руководителем, всю неделю вёл себя хорошо, не считая мелких замечаний. Поэтому была уверена, что на сей раз всё обойдётся.

Педсовет заканчивал свою работу. Как обычно итоги подводил Михаил Иванович: «В заключение своего выступления хочу остановиться на одном случае, который меня искренне удивил. Который день хожу под впечатлением, – улыбнулся директор. – Представьте, веду урок истории (Ну, слава Богу, не обо мне, – вздохнула я с облегчением). Все слушают, задают вопросы. А наш неуспевающий по многим предметам Сашок Кондратенко сидит до неприличия спокойно, никому не мешая. А это на него совершенно не похоже. Что же с ним случилось? Может быть, приболел? Подхожу к нему и что я увидел... Не поверите: Кондратенко читал увесистый том и так увлеченно, что не заметил, как я к нему подошёл. Но вдвойне удивился, когда понял, что читал он «Мёртвые души» Гоголя. За сорок пять лет практики – первый случай, когда на моем уроке готовились к другому. Я не стал наказывать его за это. Может быть, и дальше будет читать книги, да ума наберётся. Это плюс учителю, который сумел заинтересовать такого ученика, как Сашка. Не секрет для сло-

весников, что зачастую ученики не понимают и не любят произведение «Мёртвые души». Директор одобрительно посмотрел в мою сторону: «Как это удалось вам, Татьяна Павловна?» – Щёки мои вспыхнули, и я пожала плечами. – «Скромничаете?! Не желаете поделиться опытом?»

Какой там опыт у молодого педагога!? Я отрицательно мотнула головой. Со страхом ждала, когда же он начнет высмеивать меня по «Письму...». А он, с его ораторскими способ-

ностями, мог сделать так, что потом неловко будет называть себя учителем. Однако наш умный директор не стал этого делать, лишь заметил, что Кондратенко я могу поставить пятёрку за один из уроков по пройденной теме. Михаил Иванович по-доброму улыбнулся и добавил: «Смело можете считать, что это и ваша пятёрка».

Творчество участников Четвёртого областного литературного конкурса
«Земли родной талант и вдохновенье» – победителей прошлых лет

ИРИНА РОСОВА

*Литературно-музыкальный клуб «Вдохновение»
МБУК «Архаринская межпоселенческая центральная библиотека»*

ЗА ГРИБАМИ (отрывок из повести)

Новенький, только вчера доставленный из магазина, дамский велосипед с мужским именем «Форвард», соответствующий своему названию, как рвущийся на волю годовалый жеребчик, сияя всеми своими поверхностями, в нетерпении ожидал свою хозяйку, привалившись к веранде.

Немолодая, на первый взгляд лет сорока пяти, женщина сосредоточенно, то придвигая к себе, то откладывая в сторону, собирала вещи в дорогу. Две булочки-плюшки, банка рыбных консервов, горсть шоколадных конфет и овсяного печенья были уже уложены на самое дно пластмассового ведёрка. Кухонный нож с отломанным наполовину лезвием то укладывался в ведро, то вынимался, словно женщина не могла решить сгодится он ей или нет. Халат, нижнее бельё, банное полотенце уложила друг на друга и, плотно скатав, уместила в ставшее тесным ведерко. Сверху, в не распакованной коробке, кое-как пристроила дыхательный аппарат Фролова, недавно выписанный по почте. Отрезала от мотка, висящего на стене, кусок бечевки и старательно примотала переполненное ведёрко на заднее сиденье велосипеда. Пошла запереть избу на замок. Долго думала, что делать с ключом: брать с собой или оставить? Наконец, занесла его в летнюю кухню с баней, повесила на гвоздик в стене и уже по-быстрому заперла кухонную дверь и, не задумываясь, спрятала ключ, видимо, на постоянное место хранения. Легко подхватила велосипед и повела к калитке. «Ну, Господи, благослови!» – сказала негромко и, накренив велосипед, иначе было не достать вертушку с улицы, на которую закрывалась калитка, попыталась её открыть. Но, тщатель-

но примотанное к велосипеду ведро, легко соскользнуло на землю. «Нельзя возвращаться. Плохая примета», – подумала она. Собрала рассыпанные вещи, попробовала вернуть всё в исходное положение, но ведро явно не хотело устраиваться на отведенном ему месте. «Что ж, придётся тебя оставить дома», – решила женщина и вернулась с ним к оставленной веранде. Быстро отыскала подходящий пакет, переложив собранные в дорогу вещи и, наконец, вывела за калитку упакованного «Форварда». Было ещё только семь часов утра, и она надеялась, что никто не увидит, как она будет оседлывать своего «жеребчика». Вчера она устыдилась соседей опробовать своё приобретение, так как гоняла на подобном только в детстве. И вот сейчас ей предстояло решить две задачи: вспомнить, как управлять этой техникой и исполнить задуманное! Она подогнала педаль, уселась на сиденье, опорной ногой оттолкнулась от земли, а второй – нажала на педаль, потом на вторую, и велосипед неуверенно завихлял по дороге. Руль долго сопротивлялся, мотаясь то вправо, то влево. Наконец, выровнялся, и постепенно два следа, оставляемые на земле, слились в одну прямую линию. «Ура! С первой задачей справилась!» И уже выехала за околицу села, где можно ехать свободно, не боясь ничьих наблюдений и осуждений. Вторая задача была посложнее. Но дорога была не близкой, километров десять, и она решила, что всё успеет обдумать за проведённое в пути время и, главное, подавить подступающее волнение. А волноваться было от чего. Повод поехать за грибами и даже купленный на всю месячную зарплату велосипед были задуманы с целью выяснения причин давнего непоявления в её доме

того мужчины, напроороченного ей звездами с небесного купола. После счастливого Рождества он только раз появился на её территории на 8-ое марта с подарком и именно в её отсутствие, когда она была в гостях у детей, проживающих в противоположном от районного центра направлении, в селе Новодомикан. Отказать им в приезде она не могла, потому что и сама очень хотела их всех увидеть, познакомиться с малышом – внуком. Новый вид связи – мобильные телефоны – уже были у её сына и у неё.

О её приезде было договорено заранее. А своему мужчине об этом она не могла сообщить, так как такой новинкой он ещё не обзавёлся. И, понятно, что возможно был на неё обижен. А большое количество весенних дел и хлопот по хозяйству ему уже не оставляли сил и желания ещё и ехать куда-то, да ещё и, возможно, понапрасну. Оправдываться она, конечно, перед ним не собиралась, но восстановить отношения очень хотела.

Пока эта женщина крутит педалями, попробуем приглядеться к ней и понять, что же она из себя представляет. Её экипировка всем проезжающим мимо бросается в глаза только из-за летней дамской шляпы от солнца да, и скорее всего, из-за резво бегущего новенького велосипеда, о котором ещё будет разговор впереди. В остальном всё выглядело обыкновенным, соответствующим поездке за грибами: плотные брюки от укусов комаров, летняя футболка, поверх которой мужская фланелевая рубашка от утренней прохлады и дневных паутов-кровососов, старенькие кроссовки – не жалко бродить по лесным зарослям. Это снаружи. А что же внутри?

Среднего роста, статная, соблазнительной полноты с миловидным лицом и добрыми голубыми глазами, она ничем особенным из женской половины человечества не выделялась. Скорее, была скромной и неприметной. Но в кругу товарищей по работе, друзей и знакомых всегда была желанной гостьей с легким жизнерадостным характером, неизменной добротой, открытостью и доверчивостью. Она не умела ругаться, постоять за себя, между тем обладала такой внутренней душевной силой и мужеством, что многие просто удивлялись: откуда же в таком незащищенном человечке столько отваги! Романтическая сентиментальность и полное отсутствие высокомерия и надменности привлекали к ней мужчин. Они

почти влюблялись в неё, как в нечто светлое, олицетворяющее юность, женственность, чистоту. По этому поводу она иногда шутила: «Любят все, а жить не с кем!» Проницательные женщины побаивались её, злобные завидовали невесте чему, пытались всячески очернить её в разговорах. И большинство ревновали своих благоверных, замечая их не показное уважение и симпатию к этой милой женщине. На службе, на всех пройденных за её жизнь участках, её всегда ценили за серьёзное и творческое отношение к делу. Как руководитель, она умела вести за собой и добиваться поставленных целей, не возвышаясь над подчинёнными. Поэтому все, с кем ей приходилось вместе работать, постепенно становились её друзьями и подругами. Любая должность не была ей в тягость, а приносила радость и удовлетворение. Подниматься по карьерной лестнице она не стремилась. Ей нравилось работать на земле с простыми людьми, с детьми и подростками. Её трудовая биография – это отдельная повесть. Ограничимся тем, что уже знаем о её отношении к любой работе. В своей личной жизни она не считала себя несчастной. Но и счастливой тоже. Имея двух законных мужей, обоих, каждого в своё время, оставила сама, устав бороться с их загульным русским пьянством и невежеством, наступающим через год-два после регистрации брака. Четверых детей вырастила и поставила на ноги почти одна. Профессии и вторые половинки дети себе выбирали сами. Не препятствовала, хотя и остерегала часто. Помогла обустроиться с жильём сыну и младшей дочери. Старшая улетела далеко и сама себе устраивала свою жизнь и почти не обращалась за помощью. Роскоши и богатства эта женщина не имела, но и голодной и раздетой сама не была, и детям не позволяла ни в чем нуждаться. К труду на земле были приучены все. Ответственность, честность, справедливость – были привиты каждому ребенку ещё в школьном возрасте. Можно сказать: сейчас она за них уже почти не волновалась, была уверена, что они правильно строят свою отдельную счастливую семейную и трудовую жизнь. Теперь можно подумать и о себе. Самое непонятное и страшное для неё в жизни было – это остаться одной! К одиночеству не могла привыкнуть, всё время хотелось о ком-то заботиться, с кем-то общаться. Тишина и молчание в доме угнетали. Подступали тревоги, слезы. Старалась мно-

го читать. Душа была открыта прекрасному: стихам, песням. Удачная поэтическая мысль застревала в её сознании, чужая боль накладывалась на свою и лились слезы, и опять... слезы! И всё не выходил из головы тот мужчина, с которым провела прошлое лето и встретила Рождество. Узнать о нём ничего конкретного не могла, кроме досужих сплетен, а ждать его уже не было больше силы. И вот родилась идея – велосипед! И она его приобрела! А грибной камуфляж – это лишь повод для появления в его доме и конспирация для любопытных соседей.

Вот и знакомый фасад! Не привлекающий взгляда придомовой участок. Первым делом успокоить дыхание и оценить обстановку! «Все то же, и все так же. Женских вещей не наблюдается». Взгляд направился дальше, в огород, и наткнулся на удаляющуюся спину хозяина в неизменной голубой милицейской рубашке. «Нельзя, чтоб ушёл! Звончек, звони!» – и засигналила велосипедным звонком. Пока он разворачивается, делает удивленное лицо, возвращается, она ещё раз окидывает взглядом двор и удостоверяется в отсутствии женских вещей. Это для неё самое главное: значит, живёт один! Теперь важно сохранить своё достоинство.

– Мир этому дому! Поклон хозяину! Вот, едем за грибами, решили заглянуть, узнать, жив ли?

– Жив-жив! Что мне сделается! Ах, какой красавец! Какой конь! Хорошо, что купила. Ну-ка, дай посмотреть!» Забирает велосипед и ведёт во двор. Женщина следует за ними.

– Цепь слабо натянута. А чего сиденье вертится, не закреплено? Сейчас возьму ключи, подтянем, подкрутим, сделаем как надо. А руль хорошо поставлен? Ну-ка, сядь, примерь. Может его опустить или приподнять, чтобы удобнее ездить и спине меньше уставать при езде?

– Ты столько вопросов задал, что не знаю на какой и отвечать. Я, вообще-то, и не знала, и не догадалась даже, что все надо подкручивать, только колеса подкачала. Сразу проявилась разница между опытным мужчиной и рассеянной женщиной, – смеясь, проговорила она.

Он с полчаса крутился возле её велосипеда, скрывая смущение и пряча глаза, и чувствуя, что не напрасно она появилась. А она старательно поддерживала спасающий напряжение встречи неразумный предмет, определя-

лась в душе, как, и что делать дальше. Подсказку дал хозяйский пёс, ластившийся к гостю. Он её признавал с первой встречи, а сегодня как-то странно повёл себя: увидев, не мог решить – лаять или радоваться, и ждал реакции хозяина. «Значит, другая здесь побывала. Но и меня приняли. Значит, не всё так безнадежно», – подумала женщина. А пёс, поняв, что хозяин не отвергает гостью, и, насмотревшись на незнакомый предмет, смело начал проявлять своё радушие.

– Вы ещё не завтракали? Может, почаедем вместе, а потом и в лес? – Слова женщины прозвучали без всякого подвоха и были приняты обоими.

– Нет. Ещё не питались. А я сегодня собрался на тыкву, опять трава ковром поднимается. Она знала, что тыкву он сажал для обмена на молоко, да и чтобы земля огородная не пустовала зря. А он, вспомнив о своём и бережно пристроив велосипед в тень, повёл нежданную гостью в свои владения: огород, сад, пчельник, попутно рассказывая о каждой грядке, о каждом овоще и кустике. Его необъятную плантацию можно было представлять на выставку достижений народного хозяйства, как образцово-показательную во всех отношениях. В каждом кустике проявлялись агрономические знания и усердный труд хозяина. Ни одной лишней травинки! Земля, что перина! Всё в стадии активного роста и отличном здоровом состоянии! Вот сочно-зелёный, распластавшийся настороженным пауком на взбитой и подкормленной земле саженец арбуза словно предупреждает своими направленными вверх усами: «Не подходите! Всё моё! И земля, и солнце, и воздух! Моё! Моё!» А хищные усы, которым пока не к чему прицепиться, свернулись в пружины и ждут своего часа! Соседние фасоль и картофель даже не рискнут повернуть листья в сторону ещё пустующей, оставленной на вырост, земли арбуза, не менее вольготно чувствуя себя и на своей территории. Во всем произрастающем в огороде ощущается труд, любовь и забота хозяина. И строгая дисциплина: каждому овощу своё место в едином строю. Как на параде!

А на тропинке, ведущей к шеренге пчелиных ульев и кажущейся захлавленной, всё: и доски, и труба, и старая вошина, и стальной лист, и полено с гнилушками, и дымарь, и ещё какие-то не понятные ей предметы, – всё приготовлено для дела и ждёт своего часа для ра-

боты с хозяином. Женщина уже знала, что порядок свой здесь наводить нельзя. Услышишь: «А зачем ты убираешь, это для ...» – и пойдет долгое пояснение необходимости данного предмета именно в этом месте. Она и не пыталась ничего изменить и даже говорить на эту тему. А он уже показывал ей следующий участок, где в определённом стройном порядке росли его картофель, кукуруза, тыква, которую он сегодня собирался обрабатывать. Осмотрев своим женским взглядом тоже опытного растениевода тыквенные посадки, она не удержалась: «Слушай, а чего тут тяпкой рубить, ты граблями проутюжь и всё. И легче, и быстрее! Травка-то только прощикается». «И, правда, – ответил он, – но по краям всё равно надо тяпкой». «Ну, по краям, конечно», – соглашалась она, хотя она бы тоже их обработала граблями, прилагая чуть больше усилий.

Она и сама любила трудиться на земле, и плантация её была вряд ли меньше, чем его. Работа её увлекала. Начиная одно дело, она незаметно переходила на второе, третье, не теряя время на раздумья и отдыхи, забывая про обед и выползая со своего огорода в сумерках, когда уже нельзя было отличить одно растение от другого. Земля очищала её душу от обид, неизбежного житейского зла, помогала размышлять и решать спокойно и рассудительно все существующие проблемы и сложности. И только этой весной работа в огороде никак не могла заглушить её печаль, тоску и развеять тревогу в душе, с каждым днем всё больше и больше охватывающую её. Это была тревога ожидания, не понятого ею его молчания и долгого не появления. И, наверное, поэтому у неё ни к чему не лежала душа. Она не хотела браться ни за ремонт жилья, ни за отложенные до отпуска дела. И двор её, улыбающийся в прошлом году яркостью всевозможных цветочных посадок, нынче, казалось, чах вместе с хозяйкой. Высаженная рассада любимых астр и выписанных с питомника новых цветочных культур, чернели на глазах то ли от заливных дождей, то ли от того, что хозяйка проходила мимо них равнодушно, не приласкав и не приголубив, как было раньше. Она понимала, что дальше жить в таком безвестном ожидании, уже нет больше сил, и решила предпринять эту, по её же мнению, безумную поездку за грибами, чтобы выяснить, наконец, причину его забвения.

А пока хозяин с полным радушием угоща-

ет неожиданную гостью поспевающей смородиной, ежевикой, крыжовником, малиной, уже отходящей клубникой! Всё есть, и всего вволю! Его душа распахнута настежь и сияет всем этим великолепием, как знакомый вам велосипед!

«Большая часть ягодной продукции пропадает на корню: разве успеешь всё собрать?! Есть и поважнее работа: двадцать пчелосемей! Все улики перебрал, составил, осталось вывезти в тайгу на основной медосбор. Пробный уже сделал. Хорошо, что не успел вывезти в тайгу на тачок, а то бы затопило! Дожди ноне, как из ведра, – сетует хозяин. – Хоть бы мостик разливом не снесло. Надо съездить проверить». Она внимательно слушала его рассказ и думала: «Да, дел у него, побольше, чем у меня. И помнить обо мне, и искать встреч ему просто некогда было. Ладно, посмотрим, что будет дальше».

По возвращению к дому хозяин попутно подливает воды цыплятам, подсыпает крупы. Они с курицей-наседкой за высокой проволочной сеткой, укрытой сверху сетями: и коршун не залетит, и сохнут заодно. Живность спешно вылетает из домика, где ночуют и прячутся от дождя. Здорово!

Наконец, пара направляется в дом. Там тоже всё по-прежнему и в стиле хозяина: кажущийся беспорядок – необходимый расклад. Чтобы каждая нужная вещь всегда была под рукой. Газета – возле дивана, или ещё читается или уже прочитана и лежит самой интересной заметкой – кверху. Хочешь почитать, читай, но положи так же, как взял. «Эхо», «ЗОЖ» – регулярная подписка хозяина. Книг не видно, да их и читать некогда. Только Справочник лекарственных растений Амурской области на столике. По знаниям в этой области наш герой – дока! Можете поверить и проверить! Он любит беседовать на эти темы и давать конкретные советы в лечении всевозможных людских болезней. На кухне на столе обычный завтрак: пара вкрутую сваренных яиц, чай с мёдом, чашка которого со стола никогда не убирается и своевременно наполняется всегда. Она достаёт и свои немудрёные припасы. Делят пищу поровну. Он угощает мёдом первой качки. Она с интересом пробует, но без увлечения. Пока в душе он для неё горек из-за переживаний и напрасных ожиданий до настоящего времени. А ясность ещё не известна. Но разговоры за столом не прекращаются, речь идёт о последних новостях в мире и в жизни каждого.

Не желая скорого прощания с радушным хозяином, она предлагает приготовить обед, а потом уже ехать за грибами. Хозяин не возражает и ставит кастрюлю с мелко порубленным мясом изюбря из зимней добычи на электроплитку. Она чистит картофель, и к выделенным четырём штукам добавляет ещё три, чтоб погуще был супчик! По его указанию каждую картофелину режет пополам и закидывает в ещё не закипевшую кастрюлю с мясом. «Так быстрее сварится!» – уверяет хозяин и бежит в огород за зеленью для заправки супа. Она её режет. Напоминает про соль. «Ещё рановато», – отвечает он, разминая ложкой картофель в кипящем бульоне. Затем закидывает зелень и уж потом, в уменьшенном количестве, соль. Через пару минут варево готово. Отключается от сети и накрывается кухонным полотенцем для томления.

Начинаются утренние новости. Надо послушать прогноз погоды – всего лишь день нет дождя. Удовлетворённые прогнозом, решили заодно и пообедать.

После обеда по режиму хозяина получасовой отдых. Растет трава на тыквенном поле пока! Устроившись уютно на диванчике, она вспоминает про аппарат Фролова и вручает его хозяину в благодарность за прошлые и сегодняшней радушный приём. Хозяин принимает аппарат охотно, с шутками и смехом проводят испытания на новом владельце. Едва ощутимая натянутость отношений исчезает вовсе, и она предлагает ему поехать за грибами вместе, заодно и заглянуть на его пасеку в лесу.

Обоих устраивает данное предложение и они выезжают из ворот двора в сторону Хабаровска и едут по старой царской колесухе – почтовой дороге, на которой до сих пор сохранились рытвины-вмятины от колёс в заболоченных сырых местах. Ощущение такое, будто едешь по могилам предков. И, правда, невдалеке, за поворотом, видны захоронения старого

кладбища. Но дорога, залитая дождевыми водами, не даёт отвлекаться и требует большой осторожности продвижения, чтобы не застрять в глубоких промоинах. Но благополучно сворачивают в сторону пасеки. Дорожка едва приметна возле канала бывшей осушительной системы. Не спеша добираются до мостика через канал. Вода вровень с настилом. Камни, уложенные на доски для закрепления, чтобы не снесло водой легкий мосточек, смыло на другую сторону. Мужчина, как древний былинный Геракл, перекачивает их в нужное место, проверяет на прочность поперечные брёвна и удовлетворённо произносит: «Выдержал, родненький! Только шлаку надо подвезти, дорогу выровнять, чтобы улики не перевернуть при съезде на мостик. А машина-то ничего, пройдёт! Надо пчел вывозить немедленно. Травы цветут. Мёд пошёл! И погоду обещали!»

Она наблюдала за его действиями с противоположной стороны мостка, дивясь, как всегда, его расторопности, опыту и рассудительности. Ей все эти заботы были знакомы по прошлому году. Она хотела бы и нынче отказывать с ним медовые рамки здесь, на таёжной пасеке, наслаждаясь покоем, тишиной, умиротворенным жужжанием маленьких тружениц, приятной работой и близостью желанного мужчины, такого надёжного, всезнающего и всё умеющего! Но в сердце ныла застрявшая боль, как заноза...

И из-за предчувствия возможного отрицательного результата своих выяснений, так, на всякий случай, она мысленно настраивала себя: «И зачем мне эта маята: ранние поездки, комары с паутами да застойная вода в канале, которой ни умыться, ни поплескаться в жару?!...»

СВЕТЛАНА АДАМЕНКО

*Литературно-музыкальный клуб «Вдохновение»
МБУК «Архаринская межпоселенческая центральная библиотека»*

ОБ АМУРЕ С ЛЮБОВЬЮ

Что вы знаете об Амуре?

Скажете, наверняка, что Амур – могучая приграничная река, берущая своё начало в Забайкалье

от слияния Шилки и Аргуни и впадающая в Охотское море, разделяя при этом Россию и Китай. И только-то. Рождённые на Амуре знают намного больше.

Амур – это не просто река. Это друг, который сопровождал нас, наших родителей и теперь уже новое поколение ребятишек на протяжении всего безоблачного детства. Просыпаясь от зимнего сна, угнав за горизонт тающие серобелые ледяные глыбы, он проводил с нами всё тёплое время года. Из него получался неплохой товарищ для игр, потому что имел он характер спокойный и плавный, хотя был достаточно серьёзным и в меру строгим. Редкий родитель опасался отпустить своего малого ребёнка на берег к приятелю. Амур научил нас плавать, нырять, закалял нас попеременно водой, солнцем и горячим песком. Он выращивал для нас на своём крутом берегу самую вкусную черёмуху, да такую рясную, и если ты не побоишься обжечь ноги раскалённым песком, то после купания можешь подняться к деревьям, растущим на склоне, и насладиться сладким вкусом чёрной ягоды, тёплой от солнца.

Когда наши родители были детьми, без Амура не обходилась хозяйственная деятельность жителей прибрежных сёл. В нём полоскали бельё. Ставили пузатые деревянные засолочные бочки, чтобы доски, из которых они сделаны, разбухли и закупорили щели. По Амuru сплавляли лес. По нему ходили грузовые и пассажирские судна, а поэтому на берегу стояли створы – ориентир для кораблей. Рассказывали, что когда-то была на Амуре эстака-

да, к которой причаливал водный транспорт, и по транспортёру «бежало» зерно в корабельные трюмы. Сейчас от неё остались лишь бетонные полуразрушенные конструкции, да полусгнившие брёвна.

К берегу приставали баржи с углём, большие подъёмные краны сутками разгружали их прямо на песок, оставляя после своей работы огромные чёрные горы.

Как старший товарищ по играм, Амур был осторожен с ребятишкой, поэтому дно имел песочно-каменистое, галечное, ровное, с постепенным уклоном к фарватеру, без резких перепадов, неожиданных ям, обладая при этом спокойным течением, без всяких там воронок и прочих завихрений. Прогревался ближе к середине лета, равномерно. Его воды, словно парное молоко, приятно обволакивали тело. Понятно, что ребятишки не желали вылезать из амурских вод, даже, когда их кожа и губы отливали синеватым оттенком.

Мы с Ольгой (моей подругой детства) снисходительно посматривали на осторожных взрослых, которые, стоя по пояс в воде, постепенно обмывались, не решаясь резко окунуться в волну. Ведь мы с самого начала побережного склона скидывали с себя юбки, оставаясь в зелёных (неприменно зелёных) купальниках и со стремительного разбега ныряли в заждавшееся нас воды реки, поднимая тысячи брызг и создавая небольшие волны. Других способов погружения в воду мы категорически не признавали.

Когда редкая баржа разрезала Амур по фарватеру, мы с Ольгой бросались в воду «ловить волны». Они достигали берега большими буграми, мягко покачивая нас, после чего разбивались в пену о прибрежную гальку.

Одна волна сменяла другую, перекатываясь, они мельчали, пока река не успокаивалась совершенно.

Амур целыми днями присматривал за нами. На берегу мы с подружкой сочиняли собственные игры: сидя на гальке, очерчивали пальцем небольшой кружок, загадывали в нём какой-либо камень, а оппонент должен был отгадать. Потом менялись. Амур всегда придумывал, чем нас развлечь. Домой мы притаскивали полные карманы-кепки-шляпы-горсти камней, после чего у меня на крыше сарая, где хранили коллекцию, разглядывали «драгоценности».

Мы слышали, что запрещалось заплывать дальше 25 метров от берега. Кто эти люди, что плавают исключительно с рулеткой, мы не знали, а чёткостью глазомера не отличались, поэтому могли заплывать довольно далеко, то и дело меряя дно, ныряя «по ручки», «с ручками» и «не достал дна». Удовлетворившись таким образом достигнутой глубиной, мы плыли с полкилометра по течению, причаливали к берегу и шли обратно к своим вещам по горячим камням и под обжигающим солнцем.

Была у меня мечта доплыть до косы, которая разрезала продолговатым клином воды Амура почти по середине реки. С берега мы часто наблюдали, как бесстрашные мальчишки бегали по ней. Но не то страшило меня, что коса далеко. Говорили, что тех, кто нарушал установленный запрет, пограничники отправляли в наказание на заставу чистить картошку. Лично этих провинившихся я не знала, но такая перспектива меня останавливала. Кто его знает, авось поймают и, правда, накажут. Стыдно будет. Так что мечта так и осталась мечтой.

Ветреным маем мы со старшей сестрой каждый день навевались к Амуру в гости погулять по берегу, обдуваемому ветром. Он был тогда больно высок. На песке в кустах я нашла кем-то забытый самодельный деревянный кораблик. Играла с ним, а когда уходила домой, то оставляла его в тех же кустах. Однажды я пришла на речку, а кораблика не обнаружила: Амур поднялся, затопил тальник и унёс мой кораблик.

Бывал наш исполин и не в настроении, когда чёрная туча, надвигаясь с Китая, заволакивала солнце. Тогда строгий Амур сменял зеркальную гладь мелкой рябью, которую золотили последние солнечные лучи, смело проглядывавшие из-за грозной тучи. Туча хмури-

лась, чернела, пока полностью не скрывала собою свет, Амур же в ответ сильнее волновался, беспощадно разбивая о берег сотни волн и перекатов. Тогда воды его, обычно лазоревоголубые, менялись на глазах, становясь сурово-свинцовыми, и совсем темнели, когда частые капли дождя падали на поверхность, тем самым создавая иллюзию бурления реки. В непогоду Амур словно старался оправдывать своё китайское прозвище – «Чёрный дракон».

Капитан «Грифа»

Амур важничал, так как ввиду своего приграничного положения имел ограждение из колючей проволоки, всеми именовавшееся просто «системой». Селяне попадали за систему, то есть на берег реки, через калитки, которые открывались пограничниками в летний период в светлое время суток. В неположенное время в неположенном месте пограничная зона не допускала вторжений на свою территорию. Вдоль системы пропахивали КСП (контрольно-следовую полосу), чтобы были заметны любые следы. Калитки было три в черте нашего села, расставлены на одинаковом расстоянии друг от друга. Они имели условные названия в народе: одна – возле Куприяновых, вторая – за магазином, а третья – напротив Тиссенов. Мы же ходили преимущественно через ту, что за магазином (интересно, что сейчас того магазина больше нет, Куприяновы переехали, лишь Тиссенны с завидным постоянством проживают там же).

Нашему общению с Амуром данный фактор – колючее ограждение – не препятствовал, так как система для нас была столь же привычна, как и сама река. Но иногда из-за неё случались неожиданные курьёзные приключения.

В конце весны, когда калитки только начали открывать для населения, мы с моей племянницей Женькой решили безобидно прогуляться по бережку – ведь за зиму мы страсть как соскучились по Амуру. И шли мы, шли от Куприяновской до следующей калитки. По пути играли в песке, бросали камушки в воду, бегали в догонялки. Солнце было ещё достаточно высоко, когда мы подошли к выходу. Но калитка, почему-то, оказалась на замке. Я – в плач, Женька – в рёв. Сразу так сильно захотелось к маме. На наше счастье у берега как раз стоял небольшой кораблик «Гриф». Подобные судна часто приставали здесь к берегу,

стояли несколько дней, а потом уходили дальше по Амуру, оставляя после себя на месте стоянки огромные ямы на дне реки. Капитан «Грифа» увидел двух плачущих у калитки девчонок, сошёл по трапу с корабля, поднялся к нам, сочувственно поинтересовался очевидной причиной нашего горя. Попытался нас успокоить, потом сообщил что-то по радиации, как видно, на заставу, и находился с нами до тех пор, пока не пришли двое пограничников с овчаркой и не выпустили нас на волю. А Женька, увидев здоровую собаку, которая к тому же оглушительно на нас залаяла, ещё пуще заревела. Я уж на силу её успокоила, как только высушила собственные слёзы.

Сообразительный Сашка

А вот и ещё одна похожая история. После долгого огородно-трудового дня, который выдался к тому же жарким, как и любой другой июльский день, мама разрешила мне сбежать на Амур искупаться. Я и помчалась через стадион, на речку. Поплавала, поныряла, пообсохла и засобиравшись домой. Дело стремилось к вечеру, да и грозовая туча, что свинцовой массой нависла над Китаем, не предвещая ничего хорошего и для нас, подгоняла меня. На пляже я была не одна. Неподдалёку, на большом покрывале, отдыхала весёлая компания молодёжи. Кажется, их мало заботила тяжёлая надвигающаяся туча, и солнце, заторопившееся к закату. Они шутили между собой, громко смеялись, скорее всего, ничего не замечая вокруг. Не особо разделяя их праздной беспечности в тот момент, я торопилась домой. Подойдя к системе, обнаружила, что калитка закрыта! Да-да! Здоровая цепь обвивала столб и крайнюю доску ворот, её звенья замыкались большим навесным замком. Меня интересовали два вопроса: как пограничники не заметили большой шумной компании на берегу, закрывая калитку, и как же мне отсюда выбираться.

Пока я ломала голову над этими проблемами, а более всего меня интересовала вторая, и на тот момент снова не придумала ничего лучше, как поплакать, из-за кустов, со стадиона показалась моя старшая сестра. –

– Ты что плачешь? А, калитка закрыта – догадалась она.

– А ты зачем пришла? – у меня появился новый интересующий меня вопрос. Больше всего мне хотелось к маме.

– Видишь, туча какая. Меня мама за тобой отправила, ведь сама-то ты не догадаешься домой пойти.

Мне было приятно, что я и сама догадалась на этот раз, но это не особо помогало делу.

Наташа предложила мне идти вдоль системы до самой заставы. Я, всхлипывая, отказалась наотрез: дорога длинная и незнакомая (мало ли что там на пути). Она самоотверженно решила идти со мной по ту сторону колючки. Больше вариантов у нас не было.

Хвала сообразительным людям, которые неожиданно удачно встречаются на нашем жизненном пути. Случайно на велосипеде проезжал деревенский паренёк Сашка. Он быстро проник в суть дела и вызволил меня из заточения очень просто: приоткрыл калитку, насколько цепь позволяла, и я без труда пролезла в образовавшуюся щель. Счастье наше было безгранично и дополнялось также тем, что перспектива изнурительного похода вдоль системы отпадала. Судьба весёлой компании, остававшейся на берегу, осталась для меня неизвестной.

Палочка от эскимо

Как и обычно, выходной день (а летом все дни – выходные – каникулы ведь!) я проводила на берегу Амура. В то утро на пляже народу – нет места для падающего яблока. Как оказалось, то был день молодёжи. Мои многочисленные родственники (двоюродные сёстры и братья) собрались шумной толпой у воды. Я любила и уважала свою родню. Только они могли так остроумно шутить, так бескорыстно помогать, так беззаботно веселиться, собираясь все вместе.

Моя сестра Ольга, увидев меня, позвала присоединиться к их компании. Мы ели мороженное, смеялись, купались, веселились – праздник, да и только!

Братья и сёстры были уже взрослыми, и не могли позволить себе беспечное веселье до позднего вечера, поэтому мы свернулись и пошли на выход – по домам. Компания моих родственников хором изумилась, остановившись у закрытой на замок калитки: разгар дня, тем более праздник, на берегу – столпотворенье, а калитка закрыта – просто необъяснимо.

Но на сей раз мне было не так уж страшно, ведь я не одна – со мной моя родня, а вместе мы – сила. Ольга не стеснялась в своих возмущениях по поводу пограничного чувства

юмора, другие же проводили «мозговой штурм», ища способ выбраться на свободу. Варианты были один абсурднее другого. Я вспоминала свой опыт преодоления предательски закрытых ворот, но ничего из прошлых способов не годилось.

Разрешилось всё довольно неожиданно и невероятно: Ольга нашла кем-то брошенную на КСП палочку от эскимо, вставила её в замочную скважину, провернула, и ко всеобщему удивлению, калитка открылась. «Граница на замке!» – долго смеялись мы.

***

Песчаный берег реки порос травой и кустами. Теперь почему-то там меньше народу бывает на берегу. Речные суда перестали сплавляться по его фарватеру. Прекратили причаливать в гости «Грифы», «Гагары» и «Чайки». Видно, что Амуру стало одиноко. Он чаще стал хмуриться и регулярно разливаться.

Он снится нам, рождённым на Амуре, таким, какой был раньше

ЧЕРЁМУХА

Она была одной из тех, что наводняли деревню миллионами белых лепестков в ветреную погоду, и разносились лёгким цветочным ароматом. Она была такой же, как и те, что плакучими ветвями под тяжестью ягод гнулись до земли. Она была той, что по мановению даже лёгкого весеннего ветерка отзывалась приятным шелестом молоденьких нежных листиков. Она была и великолепным шатром, который спасал от палящего зноя, даря тень и прохладу.

Она была всего лишь старой черёмухой, такой же, как и многие деревья, но, в то же время, особенной: ведь это она выпускала крошечные бутончики уже в ту пору, когда её сёстры – деревья ещё не могли пробудиться от зимнего сна. В июле она угощала всех терпкими чёрными ягодами, а на некоторых других деревьях они только бурели. И никакая другая ягода, даже самая вкусная, не смогла с ней соперничать в сладости.

И нет ничего удивительного в том, что все окрестные ребяташки волшебным образом чувствовали, когда она поспевала, и в мгновение ока оказывались рядом, безжалостно обламывая ветви из-за забора, поедая едва созревшие ягоды. Мальчишки едят ягоду, недовольно морщатся, выплёвывая косточки, бросают под ноги пустую ветку и тянутся за новой, наклоня к земле толстую ветвь. Она, не выдержав стремительного напора, надламывается

и повисает. Мальчишки, насытившись вдоволь, уходят восвояси. А надломленная ветвь засыхает, теряя всякие надежды зацвести на следующую весну.

Чего греха таить, новые хозяева, захав в этот дом, во дворе которого она росла, сначала хотели её вырубить. Но покорила черёмуха их сердца. Стало понятно, что она здесь настоящая хозяйка, ведь растёт привольно несколько десятилетий. Наклонялись книзу ветви под тяжестью ягод – мешали проходу. Их не рубили хозяева, не срезали, не обламывали – сделали подпорку, чтоб помочь могучему дереву нести бремя урожая в летнюю пору. Даже кисти берегли, обирая ягоды, чтобы из кистей выросли новые веточки.

Научились хозяева дружить с исполинской черёмухой. И не было года, чтобы она не вознаграждала их богатым урожаем.

Той грозовой ночью она рухнула от сильного порыва ветра. С треском надломился ствол, подъеденный муравьями у самого подножья. Ураган сокрушил бывшее могущество дерева-шатра. Но и в последнюю минуту своей жизни, черёмуха словно хотела уберечь двор от разрушений: не задела мощными ветвями ни дом, ни соседние постройки, вновь окрашенный забор сберегла, не тронула, неподалёку сидящего на цепи, Джека. Рухнула посреди двора, лишь слегка оцарапав наличники на окнах.

Весь двор наполнился зеленью. Теперь рукой можно достать до макушки, лишь приоткрыв входную дверь. Всё её ягодное изобилие за одну минуту очутилось у самых ног, словно черёмуха своей гибелью хотела принести пользу людям.

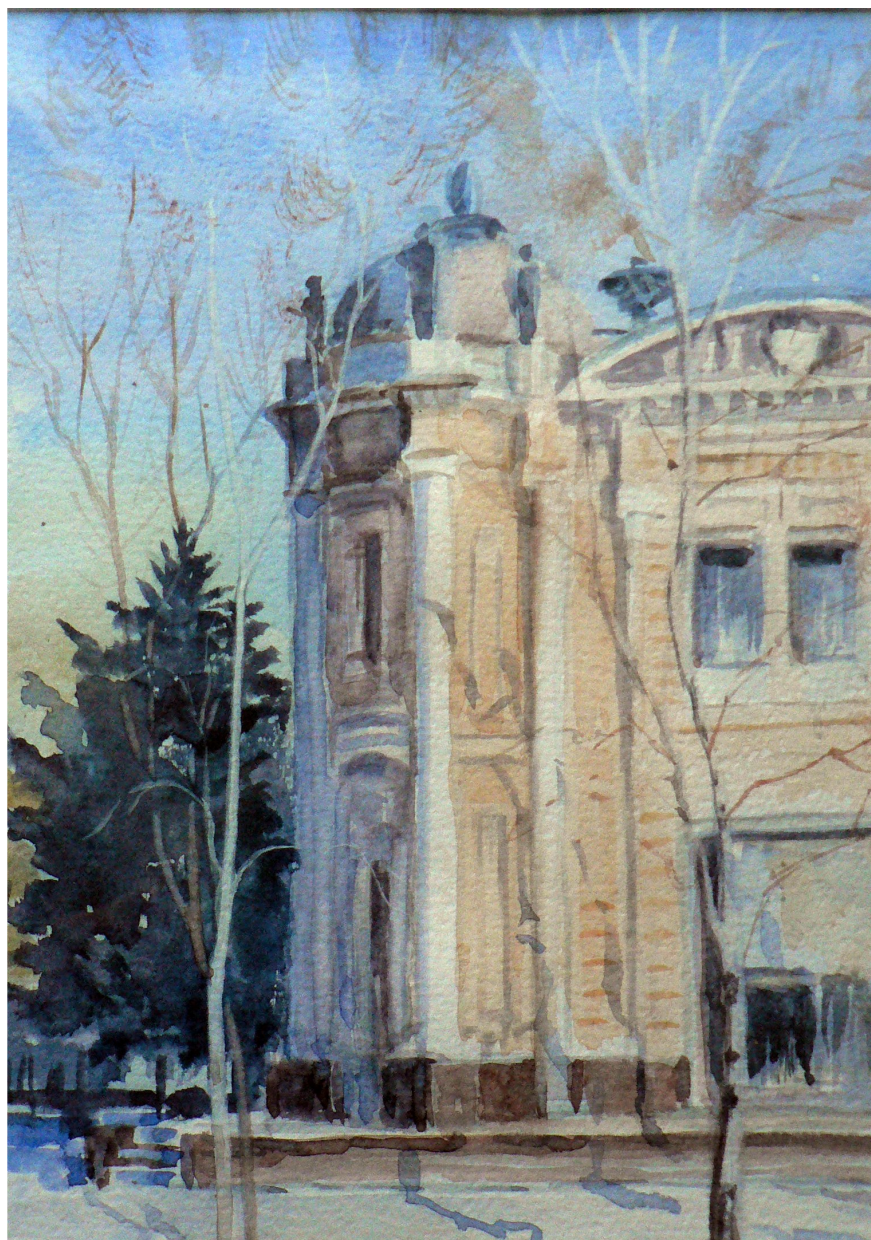
В последний раз обламываю её гибкие ветви, срываю рясные кисти, обираю липкими пальцами сладкие, нагретые жарким солнцем, ягоды и чуть не плачу. Вот и закончено существование целого мира, целой экосистемы – дома для мириад разного рода букашек. Не защитит она своей прохладой от палящего солнца, не поласкает изумрудными листьями, не пощекочет тонкими ветками, не возвестит

о наступлении весны своим ароматом, не укроет пурпурно жёлтым ковром двор в августе.

Это было её последнее лето...

Прошла неделя. Пожухла и опала с умиравшего дерева листва, оголив ветвистый остов. Остался лишь обломанный пенёк, покрывшийся грибами и лишайником. А вокруг него – молодая черёмушная поросль...

Спустя несколько лет нашли новые хозяева под полом дома старый заброшенный погреб. А там, под слоем пыли и паутины, оказались три трёхлитровых банки с вареньем. Как вы думаете из чего? Конечно, из черёмухи.

ЛЮДМИЛА ЧЕРНОВА

*Литературно-музыкальный клуб «Вдохновение»
МБУК «Архаринская межпоселенческая центральная библиотека»*

И НЕКОГДА НАМ ОГЛЯНУТЬСЯ НАЗАД... !

Журналисты много ездят – работа такая. Часто встречаются с разными интересными людьми – работа такая. Нередко с ними происходят всякие истории – понятно, работа такая. И хотя она замечательная – наша работа, всё равно иногда хочется создать нечто, что с прямыми обязанностями корреспондента не совсем стыкуется. И тогда они пишут стихи, пробуют себя в художественной литературе, рассказывают о своих собраниях по перу...

Стоит рискнуть

Самое неблагодарное и нелёгкое дело – писать о своих коллегах. Редко, кто берётся рассказывать об акулах пера – известных и маститых. Это все равно, что совать голову в пасть тигру... Критики не оберёшься. И все же рискнуть стоит. Время подгоняет. Это как в песне: «А годы летят, наши годы как птицы летят... И некогда нам оглянуться назад...».

Ему действительно некогда оглядываться назад. Вся жизнь Геннадия Кремнёва – это всегда шаги вперед – журналист, поэт, писатель. А ещё Господь дал ему талант актёра, и у него богатый голос. Знаете, как о многих достоинствах говорят в анекдоте: «Как? Он ещё и поёт!». Поёт красиво, почти профессионально и с душой. Мог бы стать артистом, а стал журналистом. Приобрёл профессию, о которой нельзя сказать, что она у каждого второго. Профессию, которая требует не только обширных знаний, умения разговаривать с людьми, но и таланта. Да, да, обязательно природного дара – рассказывать в скупых газетных строках о большой жизни.

В годы его молодости телевидение только набирало силу, и газета была, пожалуй, самым главным источником информации. Рассказывала про всё: про уборку урожая, про рождение детей, про полёты в космос, про нищих и голодных детей жаркой Африки, про коров и неурожай, хотя про последнее говорили ред-

ко. Мы догоняли и перегоняли Америку, нас райком, горком или обком на заседаниях бюро и пленумах учил, как копать правильно картошку, чтобы был план, и принимать роды у поросят, чтобы их было не 5 (как в жизни), а в два раза больше, как шить обувь и учить рабочих и сельчан экономике, которая должна быть экономной.

Но как бы не ругали советское время, жить было гораздо интереснее. И вовсе не мешало то, что ещё в юности Геннадий четко усвоил, что главное в жизни – это работа. Рождённый в селе, он рано умел, как тогда говорили, управляться по хозяйству, но мечтал о разных профессиях и пробовал себя в них.

Был комбайнёром, воспитателем в интернате, учителем музыки в своей школе, методистом по спорту, первым секретарем Михайловского райкома ВЛКСМ, но тяга к творчеству пересилила карьеру будущего партработника. Его взяли в местную михайловскую газету «Знамя Ленина».

Высшего образования не хватало, и Геннадий заканчивает Благовещенский пединститут. Но вместо школы, продолжает работать журналистом. Эта профессия тоже сродни учительской. Корреспонденты, рассказывая в очередном материале, как герои труда дают полтора плана на сельскохозяйственной ниве, или перевыполняют его на заводе, учат, как надо жить и работать, чтобы потом не было стыдно за прожитые годы.

Юность не боится никаких преград. И вот он уже заведующий отделом районной газеты в п. Солнцево Курской области, далеко от Амурской земли. Работал хорошо, но малая родина звала обратно. Спустя некоторое время в редакции областной газеты «Амурский комсомолец» появился новенький заведующий отделом. Есть в его биографии годы труда в белогорской газете, а потом более 10 лет он первое лицо бурейской районной газеты «Советское Приамурье». Над редактором любого издания стоял горком или райком, под ним – коллектив. И только коллеги – журналисты знают, как не просто управлять редакционным народом. Все жутко талантливые и жутко обидчивые, хотя по большому счёту делают одно дело.

Тогда работоспособных и одарённых журналистов ценили, и самая главная газета нашей области позвала его для служения людям. И это не просто красивые слова. В то время, согласно определению Максима Горького, имя ЧЕЛОВЕК звучало гордо. Но поддерживать этот всеобщий постулат журналистам было непросто. За 20 лет работы собкором «Амурской правды» чего только не было. И курьёзных случаев, и даже драматических.

Планы на год, квартал, месяц составлялись неукоснительно и получали одобрение в партийном комитете. В них были приоритетные задачи и текущие. Жизнь вносила свои коррективы, но основа оставалась. Наряду с освещением партийных съездов и пленумов, рассказывали о тружениках села, о безалкогольных свадьбах, о сверхплановых заданиях и встречных обязательствах. Потом добавились пропагандистские кружки на предприятиях и в учреждениях, о них писали много, а ещё обязательные портреты рабочих – передовиков в газетах и журналах. Журналисты частенько бывали в цехах и на полях, рассказывали о знаменитых на своей территории людях.

Помню своё первое знакомство с Геннадием Павловичем. Я тогда работала на Райчихинской обувной фабрике и наряду с производственной деятельностью была секретарём партийной организации, кстати, довольно многочисленной, ведь на предприятии трудилось более тысячи человек, большинство из них женщины.

В мои обязанности входило давать информацию о передовиках – коммунистах, рассказывать о пропагандистской работе. Писала я в местный «Горняк» коряво, но меня прави-

ли, и в общем-то, на страницах газеты было всё прилично. Понадобилось, чтобы информация о людях одного из передовых предприятий прошла в «Амурской правде», вот тут и появился волшебник – собкор «Амурки». Темноволосый мужчина, с этакой интересной внешностью. Взгляд внимательный, с какой-то долей то ли озорства, то ли отваги. Очень приятная улыбка. В пору хоть влюбляться. Поговорили. А потом я прочитала свою заметку... с его правкой. А за ней и другие статьи. Народ, наверное, решил, что я тоже жутко талантливая. Смешно. С той поры прошло 30 лет. За эти годы можно было и медведя выучить танцевать «Умиряющего лебедя» Сен-Санса, а не то что какого-то секретаря партийной организации писать. Понятно, что я была благодарна. И это были первые шаги к моей сегодняшней деятельности. А для себя я сделала открытие, что в газетной кухне не всё так просто.

Потом мы с Геннадием Павловичем встретились в областном центре, и тогда этот человек для меня открылся как поэт и писатель. Кстати, далеко не все журналисты пробуют себя в этой ипостаси. Но к ней мы ещё вернемся.

Из воспоминаний Александра Табунова, ученика Г. Кремнёва:

«Старое добро долго помнится. К дню рождения Геннадия Павловича...»

Было мне лет немногим за десять. Бредя в глубоком, ослепительно ярком снегу по периметру нашего сельского либо уж поселкового стадиона, раскуражился да и сломал новёхонькую, фабричного производства (а раньше бегал на заострённых спереди дужках от бочонка) лыжу. Жили тогда бедновато, строгий батя мне выговор учинил. Подрастёшь, мол, и узнаешь на себе, как простым людям хрущёвские, пореформенные, рублики достаются. Очень я обиделся. Пошмыгал носом, посопел дня два, и, сам того не заметив, сочинил длинное-предлинное стихотворение про это неприятное событие-происшествие. А тетрадку-то как бы нечаянно оставил раскрытой на круглом жёлтом столе в «зал», где обычно уроки вымучивал. Отец туда заглянул, улыбнулся, бурчит: «Ух ты! Складно получилось. Хоть в редакцию неси, там, ей-ей, напечатают. «А что?» – подумал я дерзко-смущённо. Какой-то непоседливый, малорослый, в огромных очках дядька с мудрёным для меня именем Леонард, он же, как выяснилось, редактор

районной газеты, по фамилии Широков, сказал, что я молодец, однако стихи и прочую литературу публикуют у них очень редко и не попробовали ли мне лучше заметки писать. Но всё же проводил меня в другой кабинет, прокуренный, тёмный, откуда наша старая школа виднеется, прикрикнув на шумевших там незнакомых мне мужчин, сказал: «Гена, вот тебе ещё один кандидат в эти... ну, автор, в общем. Посмотри, что он принёс, да не отпугни пацана». Такой вот человек случился на моём земном пути.

Потом было мне и двадцать пять. И пятьдесят было. И шестьдесят. Будет и семьдесят, если с «лыжни» раньше не прыгну. Да сколько бы ни было, Геннадий Палыч для меня – один из немногих, ох, как немногих, но самых дорогих людей, радость встречи с которыми подарила судьба. Жаль, мы с ним реже и реже общаемся; но зато всегда, по существу, не впуская для обоих. С днём рождения, наставник! Большой привет вашей Нелле Николаевне. Знаю уже по собственному семьянинскому опыту, непросто ей приходится бок о бок с почётным жителем Новобурейского. Ничего страшного, на то она и жизнь. Здоровья, новых озарений Вам и нескончаемых смешинок в глазах!».

По жизни рядом

Закончилась срочная служба. В армии он пел в военном ансамбле. Голосище – дай Бог каждому. Этот талант ему достался по материнской линии.

Ему 22, есть и жизненный и военный опыт. Пора жениться. И судьба подарила ему встречу с Неллей, девушкой с необычным именем, для того времени, и ей всего 18 лет. Увидел, и, похоже, пропал. Да и ей запал в душу красавец-парень. А он был черноглаз, черноволос, прямо на цыгана похож.

Вместе они 60 лет. Наверное, за эти годы чего только не было. Но это жизнь. Как-то Геннадий Павлович в разговоре заметил, что Нелля Николаевна замечательная хозяйка. Друзья и знакомые, побывав у Кремневых в гостях, говорили, что завидуют ему. А их жены старались бывать там с мужьями реже, так как те потом дома требовали готовить такие же блюда, так же накрывать на стол. Но это эпизоды. А вообще, Нелля Николаевна человек скромный, под стать своему мужу. Вы-

растила эта пара хороших детей, сейчас дедушка с бабушкой не чают души во внуках. Была возможность у Геннадия Павловича жить в Райчихинске, где работал на экскаваторе его родной брат. Но он выбрал посёлок Новобурейский, жизнь в котором в ту пору кипела. Народ по достоинству оценил его вклад в жизнь районного центра, и звание «Почётный житель посёлка Новобурейский», присвоенное ему в 2010 году, он носит с честью. Уже будучи известным не только в Бурейском районе, но и в Амурской области, он издаёт ряд своих книг.

«Бесконечно благодарен Павлу Семеновичу Штейну, к сожалению, ныне покойному, что он помог мне тетрадные листочки моих стихов и повестей перевести в книги», – вспоминает наш герой. На творческой встрече с читателями он говорил о месте журналиста в жизни, о том, каким он видит людей этой профессии:

«На мой взгляд, настоящий журналист должен всю жизнь учиться, иметь логическое мышление, с уважением относиться к тем, о ком пишет, его внутренне состояние должно соответствовать тому, о чём он пишет. Душой надо переболеть, тогда читатель это тоже почувствует. А самое главное, быть честным, перед собой, перед людьми.

Сегодня жизнь дала крутой поворот, поменялись духовные ценности, особенно непросто писать о политике, которая всегда была грязной и продажной. Вы думаете, президент не знает о том, как живет сегодня обычный человек?! И очень сложно излагать события, которые лакируются, чтобы была красивой картинка. Потому, наверное, всё меньше остается настоящих профессионалов, всё больше репортеров, ищущих жареные факты. Это моё убеждение».

Очеркист, поэт, писатель...

Очерк – это рассказ о человеке. А чтобы понять, почему наш герой стал в этой области профессионалом, отвлечёмся на пару слов. Известный дальневосточный поэт Степан Смоляков, познакомившись со стихами Геннадия Кремнева в далёком 1967 году, писал: «Дарование Ваше, несомненно. Стихи, как мне видится, – ваше кровное дело, и работать Вам стоит, труд Ваш перспективен». Ну какого начинающего поэта не вдохновит эта оценка?! Он стал больше ра-

ботать над словом. Его очерки – рассказы о человеке напоминали небольшие художественные произведения. Именно в этом жанре он становится победителем творческих конкурсов.

Знала одного коллегу, который пренебрежительно относился к этому виду журналистики. Будучи редактором, он частенько обращался к корреспондентам со словами: «Давайте «нарисуйте» мне быстренько «очеркушку», а то страница в следующем номере пустая. Сам он практически редко снисходил до этой, по его словам, писанины. Предпочитал аналитические статьи. Что ж, каждому своё. Но очерки Геннадия Павловича были полны жизни. Его герои становились заочно друзьями не только редакции, их судьба была близка всем читателям, так он писал о них.

Стихи. Это особый жанр, который без таланта от Бога не освоишь. Если написанию статей можно хоть как-то обучиться, и потом они получились без изюминки, но, по крайней мере, рассказывали о конкретных фактах, датах, перечислялись фамилии, то в стихах это не проходило. Надо, чтобы они трогали за душу, чтобы, читая рифмованные строки, ты видел то, о чём пишет автор, становился как бы участником этих событий.

Как же надо любить свою малую родину, чтобы сердце рождало такие строки:

*«Моё село. Здесь всё, как прежде, всё, как в детстве;
Неугомонная река, глядеть в неё – не наглядеться!
Родной черёмухи рука вдруг машет мне издалека,
И тополиный пух тревожный над пылью жаркою дорожной,
Сельмага старого ступени и предков партизанских тени...».*

И совсем неудивительно, что его первый сборник стихов и прозы был сразу же признан читателями и собратьями по перу. Валерий Черкесов, член союза писателей России, пишет: «Поздравляю своего старшего товарища, наставника в журналистике, с которым работал в газетах Приамурья, человека, который не раз поддерживал меня в трудные минуты жизни и сделал немало для того, чтобы я стал тем, кем я стал. Геннадий Павлович – человек правдивый, говорящий сердцем, скромный амурский писатель».

К сожалению, всё меньше остаётся людей, не боящихся сказать правду, иногда горькую, и, как правило, почти всегда лечебную. Это, наверное, и есть основная задача акулы пера. Но чаще всего журналист становится либо обозревателем, рассказывая в форме новостей о том, где и что произошло, либо репортером, гоняющимся за жареными фактами. Последних сильно не любят, это ещё мягко сказано. Геннадий Павлович не относится ни к той, ни к другой категории. Он – журналист, человек, который излагает события, имея на этот счёт своё мнение, человек, который общается с большим кругом людей, чтобы найти истину, человек, который любит жизнь.

Особое место в его творчестве, как писателя, занимает историческая тема. Есть у него произведение не совсем обычного жанра – поэма. По моему глубокому убеждению, чтобы писать такие вещи, нужен сверхталант. Как можно в рифмованных строках рассказать поход Василия Пояркова? Передать существо этого исторического момента? Читать о знакомых с детства личностях, прославивших себя любовью к своей родине? Меня опять упрекнут, что пишу красивые фразы. Да не на них надо обращать внимание, а на суть человеческую.

Геннадий Кремнёв намного ближе к земле, к своей любимой и родной области, чем тысячи сегодняшних патриотов. Кажущихся патриотов. Послушаешь иных, – одна забота, уехать в тёплые края, где можно есть фрукты, отдыхать на море и ничего не делать. Едет наш народ туда. Вроде грех осуждать, но коренной амурчанин Кремнёв никуда не убегает от своей малой родины. Вряд ли ему живётся вольготно на нынешнюю пенсию?!

Повесть «От Святой Ольги до Имана» о партизанах – дальневосточниках. Кажется, о них написано, уже столько, что нового и не сыскать. А в книгах Геннадия Кремнёва не только факты привлекают, но и как написано. Хоть повесть близка к документальному произведению, а читаешь её, и хочется узнать, что будет дальше. Здесь талант сильнее журналистского. Кого оставят равнодушным строки из повести о попытках главного героя Павла белогвардейцами. Павел перешёл из отряда белых к партизанам. Он всей душой проникся, что такое революция, зачем она нужна, и какое место в ней отводится бедному крестьянину:

«Павел чувствовал: сейчас надо им доказать, что в нём не осталось, а может и вовсе

не было той скотской послушности, рабского преклонения перед любым словом царских офицеров, и он твёрдо и дерзко продолжил:

– Большевики нам открыли глаза, дорогу казали, куда пойти...

– Сволочь! Ты у меня заговоришь по-другому!

Царский офицер вскочил. От его спокойствия и учтивости не осталось и следа: перед Павлом стоял разъярённый человек, облачённый в щегольскую подполковничий мундир. В глазах этого человека ничего не было, кроме звериной злобы и ненависти.

Его пытали долго и деловито: сначала били поручик и сам подполковник, чередуя удары с вопросами: какое задание имел он и Горючкин, где база партизан, их численность. Затем офицеров сменили два дюжих казака. Павел потерял счёт времени и представление о действительности. Лишь временами в его воспалённом и ошпаренном от боли мозгу возникали мимолётные видения: потные лица белогвардейцев, вздрагивающие плечи Вари, размеренный шаг Милехина, блуждающие в предсмертном беге глаза Петра...».

Когда читаешь эти строки, понимаешь, что автор душой прошёл через все муки и радости героя. Десятки, сотни раз он шёл в атаку, сидел в засаде, вёл тяжелый бой с врагами. Сегодня наступило такое время, что, якобы, открывающиеся архивы, развенчивают победу советской власти в центральной России, и, тем более, здесь, на её окраинах. Но ведь люди отдавали жизнь не за какого-то мифического героя, они отдавали жизнь за светлое будущее тех, кто больше не мог сносить гнёт, отдавали свои жизни, чтобы жили другие. Понятно, что не всё было так просто и красиво, как показывали в старых советских фильмах. Были сомневающиеся, были предатели, были настоящие враги. Но не перечеркнуть те годы, когда страна жила по-настоящему, когда в основе её идеологии были люди, а не деньги, как сегодня.

Писатели разные. Одни чётко придерживаются фактов, обставляя их в художественном стиле, другие предпочитают чисто художественный стиль. Проза Геннадия Кремнева полна документальности. А значит, приходится быть как бы между двух сил – факты и творчество. Ему удаётся уравнивать эти силы. Отсюда и интерес читателей к его произведениям, и их любовь.

Мне удалось познакомиться практически

со всей прозой писателя. И ни одно произведение мне не хотелось бросить на полдороги. Помню, читала модного прозаика, от которого все сходили с ума «Ах, какая самобытность! Ах, какая смелость рассказывать о самом сокровенном!», – восклицали почитатели такого таланта. На деле пошлость и грязь. Но на вкус и цвет товарищей нет.

На одной из встреч с читателями, а в числе их была инициативная группа из Архары, которая помогла пролежавшей полвека рукописи о партизанской борьбе в Архаринском и Бурейском районах и Амурской области, стать книгой для широкого круга читателей. Наша «Маршрутка» одна из первых рассказала об этом. Но было очень интересно услышать из уст Геннадия Павловича, как он, написавший рассказ о гибели молодого партизана, героя Николая Щукина в Архаре, искал материалы для своего произведения. Как встречался с теми, кто был причастен к этим событиям. Ведь годы летели, уходили из жизни участники и очевидцы. Оставались только воспоминания, передаваемые в поколениях да музейные архивы.

Член инициативной группы Константин Сергиенко объяснил, почему они захотели встретиться с нашим героем:

«Не один десяток лет Геннадий Павлович освещал события на территории Амурской области, будучи редактором местной бурейской газеты, собкором «Амурской правды». Его материалы и очерки выдавали в нём профессионала, человека, чьи статьи проходили через его душу. Потому было интересно прослушать, как он их готовил.

В апреле 2018 года исполнилось 100 лет, как на дальневосточную землю пришла японская интервенция. Смотришь передачи по телевизору и удивляешься, по 60 минут отдают непонятно чему, иностранцы называют нас захватчиками, видимо, совершенно забыв о том, что век назад они пытались захватить нашу страну, наш Дальний Восток. Вот о чём надо рассказывать молодому поколению. И Геннадий Павлович сделал это блестяще».

Его рассказ о герое, погибшем за свободу русских людей, начинается со слов Юлиуса Фучика:

«И мёртвые мы будем жить в частице вашего великого счастья, ведь мы вложили в него нашу жизнь».

На самой высокой сопке Архары стоит памятник Николаю Щукину, его имя носит

архаринская школа. Вот такой след остался на земле. Останется ли что-то после нас?

Геннадий Павлович вспоминает, когда рассказ был готов, то совершенно не было средств его напечатать, уже наступили годы, когда за всё надо было платить. И добрым словом он вспоминает ныне покойного главу Бурейского района Павла Семеновича Штейна. Если бы не его помощь, то его произведение так и осталось бы в рукописи.

Отличительная черта журналиста, очеркиста, поэта и прозаика в его скромности. Он никогда не выпячивался, просто делал своё дело. Надо сказать, хоть и был Геннадий Павлович победителем различных конкурсов, хоть и в его творческой мастерской было множество стихов и прозы, публиковаться как творческая личность он начал поздно – в 2004 году. И если заглянуть в семейный архив журналиста Кремнёва, то там можно увидеть не только награды того времени, но и пожелтевшие от времени газетные вырезки, в которых бережно хранится вся творческая биография Геннадия Павловича.

Но его патриотические произведения нужны и сегодня, когда страна погрузилась в какую-то пучину стяжательства, откровенного разграбления не только народного достояния, но и самого народа. Один только закон о повышении пенсионного возраста чего стоит.

Порой не позавидуешь нашей молодежи, которой очень непросто найти свой путь на далеко не светлых и запутанных тропинках нынешней жизни. А Геннадий Кремнёв своими произведениями не призывает к светлому будущему, он на примерах своих героев рассказывает, как жили тогда и как надо жить сегодня. Патриотизм не воспитаешь на лозунгах, нужны живые примеры и знание истории своей родины, неважно малая она или большая.

Ещё есть рядом с нами люди, которым не безразлична каждая человеческая судьба, и не по долгу службы, а по велению сердца. Да, это красивые слова из прошлой жизни, а в нынешней? По – прежнему есть люди, рядом с которыми интересно. Геннадий Павлович такой. Его близкие всегда рядом и помогают ему жить не равнодушной жизнью рядового пенсионера, чтобы все мысли были не только о размере пенсии, и хватит ли её до следующей? И это тоже тревожит нашего писателя, ведь его творчеством не заработаешь сегодня на кусок хлеба. Не такие вещи надо писать! Рассказывают, что современные театры неохотно ставят классику, мол, на такие спектакли никто не идёт, а заказывают драматургам, если есть ещё они, современные пьесы, очень похожие на бесконечные телевизионные сериалы – мыльные оперы. А ещё когда в них одни и те же артисты, то начинает тошнить от просмотра первой же серии. Возможно, я утрирую, но так обидно, что по произведениям Геннадия Кремнева не поставят пьесы, даже если сюжет кого-то привлечёт. Денег надо не одну большую кучу. Вот если только самодеятельные театры...

Живёт в Бурейском районе человек, которого Господь наградил разными дарами, вплоть до прекрасного голоса, но его стезя – рассказывать о жизни всему миру в стихах и поэмах, рассказах и повестях. У амурского читателя есть пища для ума и сердца. Остаётся пожелать человеку Кремнёву не оглядываться как в песне назад, а продолжать идти вперед. Не зря ведь одна из его книг названа «До последнего вздоха». Именно так любит он свою большую и малую родину, свою семью, своих друзей, свою жизнь.

ГАЛИНА РУБАН

Творческое объединение авторов Мазановского района

СТОРОНА МОЯ

Сторона моя заветная –
Ветры, ветры по весне,
Русь берёзовая, светлая
Отражается в реке.

Где ни глянь: по полю-полюшку
Иль среди озёр вдали
Разгулялась вольна-волюшка,
Отодвинув край земли.

В вышине мелькают ласточки
У округи на глазах
И разглаживают складочки
В ярко-синих небесах.

То черёмухой раскидистой
Приоденется чуть свет
И хвалиться кистью кинется,
На ветвях качая цвет.

То глазастою смородиной
Приглядится – кто есть кто,
На смородиновой родине
Не сверяют паспортов.

Непременно в зиму валенки,
У реки один причал,
Берегут дома завалинки,
Будто кто им завещал...

ТАТЬЯНА МАКАРОВА

Литературный клуб «Вдохновение» МБУК «ЦРБ Завитинского района»

МОЁ ПРИАМУРЬЕ

Моё родное Приамурье,
Изгиб реки, распадки, лес...
Моё родное Приамурье –
Страна невиданных чудес.

Твоих полей бескрайних шири,
Твоих небес простор земной,
Здесь, от Востока до Сибири,
Край сердцу милый и родной.

И блики утреннего солнца,
И звон хрустального ручья,
И деревенское оконце,
И эта улица моя.

Берёзок стройных хороводы
И гладь зеркальная озёр,
Волшебный купол небосвода,
Лесов загадочный шатёр.

Здесь всё несказанно красиво,
Как росчерк радуги весной.
Все это родина – Россия,
Край приамурский мой родной!

г. Благовещенск, ул. Ленина, 139
тел: + 7 (4162) 23-73-90
e-mail: aonb@tsl.ru
www.libamur.ru

[instagram.com/amurlib](https://www.instagram.com/amurlib)

vk.com/libamur

facebook.com/groups/libamur

ok.ru/libamur

youtube.com/c/libamur